

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Д. А. АНАНЬЕВ

**ИСТОРИЯ СИБИРИ
КОНЦА XVI – XIX вв.
В АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Ответственный редактор д-р ист. наук *М.В. Шиловский*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2012

---

*Памяти Валентины Николаевны Ананьевой,
моей мамы,
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

История Сибири на протяжении нескольких столетий привлекала внимание зарубежных исследователей. Они отмечали колоссальное экономическое и геополитическое значение этого региона, способствовавшего превращению России в сверхдержаву, а также пытались объяснить, насколько успешным оказался опыт русской колонизации Сибири и каковы перспективы присутствия России в Северной Азии.

Наиболее активно вопросы сибирской истории изучались в XX в., когда возникли специализированные исследовательские центры, резко возросло количество публикаций по истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, были предложены новые подходы к изучению указанной темы, накоплен значительный историографический опыт – в первую очередь, исторической наукой США, Канады, Великобритании и Германии.

Перечень англо- и германоязычных исследователей сибирской истории насчитывает не один десяток имен – среди них такие известные ученые, как Ф.А. Голдер, Р.Дж. Кернер, Р. Фишер, Дж. Ланцев, М. Раев, Д. Тредголд, Б. Дмитришин, Дж. Ленсен, Дж. Стефан, Дж. Уайт, Л.Блэк, С. Маркс (США); Р.А. Пирс, Дж.Р. Гибсон, Г. Баррэт, Дж.-Л. Блэк (Канада); Дж. Баддели, Т. Армстронг, В. Конолли, Д. Коллинз, А. Вуд (Великобритания); К. Менерт, Э. Винтер, В. Хинцше, Д. Дальманн, Л. Томас, Э.-М. Столберг, Г. Робель (Германия) и др.

Западными учеными велся самостоятельный поиск решения научных проблем, связанных с сибирской историей, однако результаты их исследований не были в должной мере востребованы отечественной историографией. Объяснялось это,

прежде всего, влиянием внешних факторов – в период противостояния между СССР и капиталистическим миром западные и советские историки работали практически изолированно друг от друга. Взаимное отчуждение усугублялось противоборством «социалистической и буржуазной идеологий» [Критика..., 1987: 3]. Обращение к работам западных историков если и имело место, то в основном в рамках «критики антимарксистских концепций».

С началом «перестройки» в СССР интерес отечественной исторической науки к историографиям других стран возрос. Все более очевидным становился тот факт, что западные исследователи «вносят очень существенный и оригинальный вклад» в изучение российской истории, хотя их достижения «часто оказываются неизвестными отечественным исследователям» [Российская империя..., 2005: 10]. Невозможно не согласиться с давним замечанием В.И. Шункова о том, что трудно дать оценку вклада зарубежных ученых в разработку истории Сибири, когда нет материала, который мог бы послужить основой для широкого обобщения [1961: 36].

Западных авторов иногда обвиняют в слабом знании достижений русской историографии, использовании очень ограниченного круга источников, нередко – в предвзятости и тенденциозности. Важно выяснить, в какой мере эти утверждения соответствуют действительности, тем более что без внимательного изучения историографии других стран невозможно объективно судить об итогах и перспективах собственного развития. Актуальность восполнения существующего пробела в отечественной исторической науке несомненна.

Отечественные и зарубежные исследователи зачастую высказывают диаметрально противоположные взгляды на многие проблемы сибирской истории. Западные авторы нередко описывают присоединение Сибири исключительно как череду жестоких военных кампаний, повествуя о непрерывном «угнетении» русскими «покоренных народов», о крайне неэффективной системе управления, превратившей Сибирь в «край каторги и ссылки»; о том, что освоение Сибири стало для российской казны непосильным бременем, поэтому эффективное развитие региона в будущем представлялось маловероятным.

Одна из актуальных задач историографии – изучение истории распространения знаний о Сибири за пределами нашей страны и объяснение истоков бытующих на Западе представлений. При этом необходимо учитывать не только влияние идеологии и социально-политической ситуации, иных культурных и ценностных установок зарубежных авторов, но и тот факт, что изучение сибирской истории было отмечено преемственностью в работе исследователей, существованием историографических традиций и научных школ. Очевидно, что различия в выводах и оценках историков невозможно объяснить без анализа теоретико-методологических оснований западного сибиреведения.

Актуальной задачей является более пристальное изучение источников, вводимых в научный оборот западными исследователями. Значительный интерес представляют вышедшие на Западе библиографические и историографические исследования, в которых описывается история формирования источниковой базы западного сибиреведения, анализируются достижения наиболее ярких его представителей, их вклад в разработку конкретных проблем сибирской истории.

В целом актуальность темы настоящего исследования обусловлена общей ситуацией в современной исторической науке – активизацией взаимодействия историков в глобальных масштабах, своего рода «глобализацией историографии»; отсутствием жестких идеологических преград, а значит — более широкими возможностями использования теоретико-методологических подходов и наработок различных историографических направлений; насущной потребностью в переосмыслении обширного историографического материала, без чего точное определение задач нового этапа в развитии историографии невозможно.

Обзор историографии темы. Отечественные историки проявили повышенный интерес к публикациям западных (прежде всего, американских) сибиреведов в середине XX в., что можно объяснить изменением геополитической роли СССР и США после Второй мировой войны [Яцунский, 1944], а также необходимостью переосмысления истории двух сверхдержав, в том числе истории формирования и освоения их обширных территорий. Так, в статьях В.К. Яцунского и В.В. Покшишевского

давалась высокая оценка деятельности представителей Калифорнийской школы – Р.Дж. Кернера, Р. Фишера и Дж. Ланцева, отмечался их значительный вклад в развитие западной исторической науки [Яцунский, 1944, 1945; Покшишевский, 1947].

В то же время основатель Калифорнийской школы Р.Дж. Кернер был обвинен ими в «географическом детерминизме». По словам В.В. Покшишевского, американский исследователь касался «субъекта» истории – людей, носителей определенной классовой структуры общества – почти всегда вскользь, едва затрагивая (в том числе и в ходе территориальной экспансии) способы производства, не раскрывая их социальных взаимоотношений» [Покшишевский, 1947: 236]. В полной мере это относилось и к характеристике сибирской колонизации, данной Р.Дж. Кернером: «Выхолащивая социальное содержание истории, Кернер недопустимо схематизирует и процесс освоения природных ресурсов» [Там же: 233]. Собственное видение процесса освоения и заселения Сибири В.В. Покшишевский впоследствии изложил в монографии «Заселение Сибири (историко-географические очерки)», опубликованной в Иркутске в 1951 г.

В 1950–1960-х гг. в условиях обострения межгосударственных противоречий периода «холодной войны» в работах советских исследователей, посвященных западной историографии Сибири, преобладала критическая составляющая [Федоров, 1959; Белов, 1957]. В марте 1960 г. в докладе, представленном на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, академик Е.М. Жуков охарактеризовал основное направление западной историографии как «глубоко враждебное нам, лживое истолкование исторических событий». По его словам, «буржуазные историки стремятся изобразить мероприятия Советского государства по освоению Сибири и Дальнего Востока как продолжение дореволюционной политики экспансии России на восток» [1961: 12].

На этом основании делался вывод о необходимости «дать заслуженный отпор зарубежным фальсификаторам истории». Одновременно была предложена модель исходной концепции, с учетом которой должны были действовать советские историки. Эта модель сводилась к признанию того, что в политике

царизма было немало колонизаторского – экспроприация местного населения, насилие в отношении «инородцев», хищническое использование природных богатств, превращение Сибири в место каторги и ссылки. Однако важнейшим фактором исторического развития Сибири провозглашался «прямой контакт местного населения с трудовыми слоями русского народа, распространение более современных трудовых и общекультурных навыков и повышение производительности труда местного населения, благотворное влияние политических ссыльных, контакт с российским пролетариатом» [Там же].

Несмотря на поставленную задачу, обобщающего труда, посвященного разоблачению «буржуазных фальсификаторов» сибирской истории, в советской историографии так и не появилось. Различные аспекты темы затрагивались в статьях и монографиях об отдельных историографических направлениях и представителях исторической науки, а также в рецензиях на наиболее заметные зарубежные публикации по истории Сибири.

Советские историки критиковали своих западных коллег за вывод об исконной агрессивности внешней политики России, в том числе на востоке [Некрасов, 1962: 22–25], о якобы исконной противоположности России и Запада [Данилова, 1962: 279; Пашуто, 1968; Кузьмина, Хорошкевич, 1958]. Общие вопросы, связанные с зарубежной историографией освоения Сибири, обсуждались В.И. Шунковым [1961] и А.А. Преображенским [1962].

Несмотря на характерную для отечественных историографов обстоятельность в критике буквально каждого тезиса западных авторов, их исследования посвящались, как правило, анализу очень небольшого числа историографических источников. Вследствие этого трудно было составить адекватное представление об уровне разработки сибирской проблематики за рубежом. В свою очередь, исследования, в которых давалась общая характеристика историографического процесса в тех или иных странах (например, работы В.И. Салова [1966, 1968], В.В. Согрина [1987], А.Е. Куниной [1988] и др.) не предполагали детального анализа отдельных трудов зарубежных историков.

В 1970–1980-х гг. концепции англо- и германоязычных сибиреведов являлись предметом исследований Н.И. Горловой [1983], М.И. Чемерисской [1981], Л.В. Соколовой [1976], Л.М. Горюшкина [1976], А.Н. Сагайдачного [Горюшкин, Сагайдачный, 1983], С.В. Передерия [1980, 1984], Н.Н. Болховитинова [1983, 1985]. Как правило, в указанных работах сохранялся резко критический подход к оценке достижений западного сибиреведения.

В качестве примера можно привести отклик Л.М. Горюшкина на монографию американского историка Д. Тредголда, посвященную крестьянским переселениям в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. Так, Л.М. Горюшкин [1967, 1976] отметил, что Д. Тредголд фактически замалчивал земельное ослабление старожилов и аборигенов в процессе землеустройства и создания колониационного фонда, тяжелое положение новоселов в Сибири, безземелье неприписанных крестьян, жестокую эксплуатацию переселенцев кулаками и произвол чиновничества, массовое возвращение переселенцев из Сибири.

Вслед за В.А. Федоровым [1959] Л.М. Горюшкин опроверг вывод Д. Тредголда о том, что в Сибири никогда не было капиталистического сельского хозяйства, что столыпинская аграрная реформа произвела настоящую «социальную революцию», обеспечившую процветание «трудового сибирского крестьянства». Л.М. Горюшкин справедливо указал на сходство между умозаключениями Д. Тредголда и взглядами А.А. Кауфмана, который называл в качестве причин массовых переселений в Сибирь не малоземелье (в условиях сохранения помещичьих хозяйств) и разорение крестьян в Европейской России, а отсталость агротехники и рост народонаселения. Кроме того, по наблюдениям Л.М. Горюшкина, тезис об «устойчивости трудового крестьянства» был позаимствован американским историком из работ Н.П. Огановского.

Вместе с тем, Л.М. Горюшкин не отрицал известной специфики социально-экономического развития Сибири, особенностей социального облика сибирского крестьянства, некоторого сходства с колонистами США. Более того, он писал о преобладании в Сибири «фермерского» (американского) пути раз-

вития сельского хозяйства в Сибири, что вполне созвучно с рядом положений монографии Д. Тредголда.

С началом «перестройки» отечественные исследователи проявили повышенный интерес к зарубежной историографии [Ефимов, 1995; Бигерова, 2003; Дорожкин, 2005]. В 1990-х гг. появились первые исследования обобщающего характера, посвященные западному сибиреведению и его отдельным направлениям – таковы работы В.Н. Чернавской [1994, 2003 и др.], Е.В. Алексеевой [1993, 1998], Т.В. Воробьевой [2004, 2005, 2009, 2012], Ю.В. Корчагина [1994, 1995, 2000].

В серии статей В.Н. Чернавская рассмотрела методологические основания англоязычной историографии «русской восточной экспансии»; историю возникновения на Западе особого историографического направления, связанного с изучением истории сибирской и дальневосточной колонизации. Особое внимание она уделила Калифорнийской школе [1994: 194–200]. Развивая идеи американского историка Б. Дмитришина, В.Н. Чернавская пояснила, что под «русской восточной экспансией» в англоязычной историографии понимается вообще движение русского народа на восток, от Урала до Тихого океана, и его влияние на последующее развитие Сибири и русского Дальнего Востока [1995: 10].

Представления историков Калифорнийской школы о территориальном расширении Российского государства послужили предметом исследований Т.В. Воробьевой, также поддержавшей вывод отечественных специалистов о выраженном «географическом детерминизме» Р.Дж. Кернера, влияние которого «оказалось настолько мощным, что оно отразилось не только на всех последующих работах участников семинаров профессора, но и на современной англоязычной литературе, посвященной проблеме расширения территории России. По наблюдениям Т.В. Воробьевой [2012], лишь некоторым представителям этой школы (в их числе – Дж. Ланцев, Р. Пирс, Дж. Харрисон, Дж. Гибсон) удалось глубже и объективнее понять причины того, что они называли «русской экспансией».

Англоязычную историографию Русской Америки исследовала Е.В. Алексеева [1993: 59], отметившая продуктивность разви-

тия данного историографического направления в 1940–1970-х гг., объяснение чему «следует искать в идеологической нейтральности данной темы, в то же время позволявшей позитивно характеризовать русское освоение Дальнего Востока и Америки» [1998: 100].

В начале XXI в. Н.Н. Болховитинов опубликовал ряд работ [2001, 2005], посвященных русским историкам-эмигрантам и их роли в становлении американской русистики, в том числе в подготовке кадров для изучения сибирской истории. История формирования источниковой базы западного сибиреведения изучалась Е.В. Петровым [2000], Е.Г. Пивоваровым [2001, 2007], В.А. Самсоновой [2002]. Критический анализ отдельных работ западных историков-сибиреведов осуществлялся в рецензиях О.Л. Миловой [1993], Е.Б. Шашиной [1993], И.В. Поткиной [1993], А.В. Гринева [2001] и др.

При всем различии в уровнях разработки сибирской проблематики в отечественной и западной исторической науке, количество историографических исследований по теме вполне сопоставимо. Среди крайне немногочисленных работ, написанных западными исследователями и посвященных англо- и германоязычной историографии Сибири, наибольшего внимания заслуживают статьи и историографические обзоры Б. Дмитришина, С. Коткина, С. Хэйкокса, Д. Дальманна, Я. Кусбера,

Первой работой, претендовавшей на разбор основных направлений зарубежной, а также русской и советской историографии Сибири, следует признать статью профессора Портлендского университета Б. Дмитришина «Русская экспансия к Тихому океану, 1580–1700: историографический обзор», первоначально опубликованную в журнале «Slavic Studies» в 1980 г. Б. Дмитришин не считал ни один из существующих в историографии подходов единственно верным, полагая, что «как и все великие исторические события, русский “Drang nach Osten” нельзя определить одной формулой». В таком случае понятие «русской восточной экспансии» утрачивает четкий смысл, и логичнее было бы говорить о существовании зарубежной историографии освоения Сибири, включающей в себя и концепцию «русской восточной экспансии».

Б. Дмитришин впервые в англоязычной историографии предложил классификацию основных историографических подходов к оценке сущности экспансии, охарактеризовал источниковую базу западного сибиреведения [Dmytryshyn, 1990: 5]. Историк заметил, что по числу работ западная историография Сибири значительно уступает советской, и причиной тому являлся не только языковой барьер, но и нежелание царских и советских чиновников допускать иностранцев к архивам. Использование зарубежными историками преимущественно опубликованных материалов сказалось на качестве исследований. Автор ограничился обзором лишь англоязычных трудов, поскольку, по его мнению, они превосходят прочие и количеством, и качеством.

Б. Дмитришин выделил XX в., ознаменовавшийся повышенным интересом западных историков к проблемам «русской колониальной экспансии». До 1930-х гг. основными фигурами в изучаемом историографическом направлении являлись англичанин Дж. Баддели и американец Ф.А. Голдер. С 1930 по 1956 г. наиболее видным историком Сибири был Р.Дж. Кернер, учредивший семинар по истории Северо-Восточной Азии. Итоги работы этого семинара Б. Дмитришин оценил как успешные, а созданные в его рамках труды Р. Фишера и Дж. Ланцева определил как классические.

В отличие от Б. Дмитришина, другой американский историк, сотрудник Принстонского университета Стивен Коткин в специальной статье*, посвященной основателю Калифорнийской школы [Kotkin, 1997], высказал в адрес Р.Дж. Кернера ряд критических замечаний – куда более резких, чем это делали советские и российские историки.

По мнению ряда исследователей, Р.Дж. Кернер надеялся, что его концепция «русской восточной экспансии» по своей значимости встанет в один ряд с теорией «фронта» Ф.Дж. Тернера, но в отличие от Тернера, писавшего о внутренних процессах формирования американской нации и государства, Кер-

---

* Текст статьи первоначально был представлен в качестве доклада на конференции, посвященной российскому Дальнему Востоку и организованной в Хабаровске в августе 1995 г. Дэвидом Вольфом при финансовой поддержке «Глобального партнерства Запад–Восток».

нер предпочел изучать причины и факторы, обусловившие формирование театра геополитического соперничества крупнейших азиатских держав. Данная тема не могла вызвать столь же сильный резонанс в американском обществе, как это было в случае с теорией Тернера. В целом, по словам С. Коткина, «карьерные и институциональные амбиции Р.Дж. Кернера не имели под собой реалистичной основы». Следует все же заметить, что даже если не все начинания Кернера увенчались успехом, его вклад в становление не только Калифорнийской школы, но и западного сибиреведения в целом трудно переоценить.

Жизнь и профессиональная деятельность другого основоположника американской историографии Сибири – Фрэнка Алфреда Голдера освещалась в работах А. Дьюби [Dubie, 1989], Т. Эммонса и Б. Пэтнада [War, Revolution and Peace in Russia..., 1992]. Американская исследовательница П. Полански опубликовала ряд статей по истории формирования источниковой базы западного сибиреведения [Полански, 2002; Polansky, 2006, и др.]. Новейшие работы по истории русско-аборигенных отношений анализировались, в частности, А. Знаменским [Znamenski, 1995] и П. Вертом [Верт, 2008]. Общий очерк деятельности ведущих центров американского сибиреведения дал С. Коткин [Rediscovering Russia in Asia..., 1995]. Организационные основания немецкой историографии Сибири анализировал Д. Дальманн [Dahlmann, 2009]. Основные теоретико-методологические подходы, существующие в современном западном сибиреведении, рассматривает в своей статье Я. Кусбер [Kusber, 2008].

Отдельного упоминания заслуживает исследование американского историка, сотрудника департамента истории и философии Университета Анкориджа С. Хэйкокса, посвященное англоязычной историографии Русской Америки [Haysokh, 1990]. Хэйкоккс дает обзор не только работ английских, американских и канадских историков, но всей литературы на английском языке, включая переводы работ советских исследователей – С.Б. Окуня, С.Г. Федоровой, Р.В. Макаровой, Б.П. Полевого и др. Попутно в статье приведена характеристика процесса освоения русскими Северо-Тихоокеанского региона. Особое внимание С. Хэйкоккс уделяет научной дискуссии, начатой Р. Фишером и на-

правленной против концепций Ф.А. Голдера, Г. Бэнкрофта и Р.Дж. Кернера о целях русской экспансии и значении экспедиций В. Беринга.

Очевидно, что разрозненные статьи и рецензии не дают целостной картины развития западного сибиреведения в конце XIX – начале XXI в. Кроме того, для отечественной историографии традиционным стал вывод об узости источниковой базы зарубежных исследований и идеологической тенденциозности их авторов. Но такой своего рода уравнительный подход к оценке достижений зарубежных коллег ведет к упрощенному пониманию сложного процесса развития историографии и зачастую не соответствует действительному положению дел в западной исторической науке.

Целью исследования является реконструкция организационного и концептуального развития англо- и германоязычной историографии Сибири в XX в., установление его закономерностей и этапов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Изучение организационных основ и источниковой базы западного сибиреведения, в целом – объективных условий его развития;
2. Выявление основных теоретико-методологических подходов, предложенных западными сибиреведами; анализ проблематики исследований;
3. Изучение конкретных работ по истории Сибири, объяснение причин возникновения и смены основных концепций сибирской истории;
4. Оценка перспектив дальнейшего развития англо- и германоязычной историографии Сибири.

Объектом исследования является историографическое направление, развивавшееся в XX – начале XXI в. в исторической науке англо- и германоязычных стран и связанное с изучением истории Сибири. Выбор в качестве объекта исследования англо- и германоязычной историографии Сибири объясняется безусловным лидерством англо-американских и немецких исследователей, о чем свидетельствует как общее количество напи-

санных ими научных работ, так и разнообразие предложенных теоретико-методологических подходов и концепций. Важно отметить и высокую степень взаимопроникновения и взаимовлияния англо- и германоязычной историографии, позволяющую говорить об общих тенденциях их развития и рассматривать в качестве объекта комплексного исследования.

Предмет исследования – организационные основы англо- и германоязычной историографии Сибири, а также концепции сибирской истории конца XVI–XIX вв., предложенные британскими, американскими, канадскими и немецкими исследователями. В представлении западных ученых именно в начальный период сибирской истории была заложена прочная основа русского присутствия в регионе, что позволило России сохранить свои территориальные приобретения, в то время как другие колониальные империи их утратили. В зарубежной историографии конец XIX в. также рассматривается как определенный рубеж, отмеченный началом строительства Транссибирской магистрали (1891 г.) и знаменующий переход к более интенсивному освоению и развитию региона.

В хронологическом отношении историографическое исследование охватывает конец XIX – начало XXI в., когда на смену описательной литературе пришли профессиональные научные исследования, создавались специализированные научные центры, расширялась источниковая база западного сибиреведения, предлагались новые теоретико-методологические подходы к изучению истории присоединения и освоения Сибири.

За рубежом наиболее заметный вклад в разработку сибирской проблематики внесли представители исторической науки Великобритании, США, Канады и Германии, что определяет территориальные рамки историографического исследования. Для получения более полного представления о развитии англо- и германоязычной историографии нами также привлекались работы австралийских, индийских, австрийских и швейцарских авторов.

В англо- и германоязычном сибиреведении преобладало представление о единстве процесса освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и Северо-Тихоокеанского региона, общности целей и методов России в Северной Азии и Северной

Америке, что соответствовало представлению о Сибири, существовавшему в XVII–XIX вв., как всей территории от Урала до Тихого океана. Таким образом, в территориальном отношении рассматриваемые нами работы западных исследователей охватывают всю Сибирь, Дальний Восток и северную часть Тихоокеанского региона, где находились территориальные владения России.

Методология. Определяя методологическую основу историографического исследования, необходимо принять во внимание общую ситуацию, сложившуюся в исторической науке на рубеже XX–XXI вв., а также дискуссии, которые ведутся в отечественной историографии по наиболее острым теоретико-методологическим проблемам. В их числе – «радикальный исторический и эпистемологический релятивизм», утвердившийся в гуманитарном знании под влиянием постструктурализма и постмодернизма, которые подорвали «веру в научный и общественный прогресс» [Иггерс, Ван, 2012].

Вопрос о возможности объективного научного познания и реконструкции исторической реальности, множественности и субъективности ее интерпретаций активно обсуждается в новейшей отечественной историографии. Неизбежность отказа от «гносеологического оптимизма» и невозможность восстановления картины прошлого во всей полноте подчеркивали Б.Г. Могильницкий и А.Я. Гуревич. По оценке Ю.Л. Бессмертного [2000], многими западными историками «неповторимость и уникальность явлений осмысливаются как норма, а стабильность и устойчивость – как исключение». Л.П. Репина [2004] отметила, что в историографии последней трети XX в. появилось новое отношение к документам, «в том смысле, что последние не отражают, а интерпретируют прошлую реальность, и поскольку реконструкция прошлого в таких условиях – цель недостижимая, задача историографии – конструируя искомое прошлое, помочь индивидам и социальным группам (особенно маргинальным) в обретении ими собственной идентичности».

Но как же тогда возможно строгое научное историческое знание, и вообще история как наука, основанная на строгой доказательности, точности мышления, построении теорий, на-

целенная на выяснение закономерностей, установление законов исторического развития?

Научный статус истории отстаивала О.М. Медушевская (1922–2007), развивавшая теоретико-методологические основания «когнитивной истории», предметом которой является процесс мышления как важнейшая отличительная особенность человека и основа культуры. В качестве эмпирического объекта когнитивная история рассматривает все интеллектуальные продукты, созданные людьми осознанно, т.е. целенаправленно. Такие продукты выполняют определенную функцию, они структурированы «в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены». Интеллектуальные продукты имеют системное качество и, следовательно, «способны фиксировать такой информационный ресурс, который говорит не только о них самих, но и той системе, в рамках которой оказалось возможным их возникновение» [Медушевская, 2008: 258]; (см. также комментарии С.И. Маловичко. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_mininkov/15-1-0-113).

Таким образом, в исторической науке наблюдение, исследовательский эксперимент и получение проверяемых данных становятся возможными, если изучать сознание человека опосредованно – через созданные им материальные образы, вещи, или реализованные продукты целенаправленной человеческой деятельности; т. е. исторические источники [Казаков, Румянцева, 2009].

Безусловно, нельзя забывать о субъективности исследователя, сформированного определенной культурно-исторической средой, тем более что историограф зачастую должен сопоставлять исторические труды и концепции, порожденные национальными историографиями, имевшими не так уж много точек пересечения и соприкосновения и зачастую развивавшимися независимо друг от друга. Кроме того, историограф имеет дело с трудами, написанными представителями не только иных культур и историографических традиций, но и других исторических эпох. Как отмечал М.А. Барг, «историк, изучающий более или менее отдаленное прошлое, оказывается перед проблемой языка культуры. Как индивид, включенный в систему культуры своего времени, он мыслит и выражает осмысленное в категориях,

принципиально иных в сравнении с языком культуры изучаемого исторического прошлого» [Барг, 1984: 92].

Выход М.А. Барг видел «в процессе длительного и продуманного историком (олицетворяющем настоящее) диалога с прошлым, диалога, который ему по необходимости приходится вести на языке культуры прошлого, однако по вопросам, интересующим науку настоящего, которая, естественно, потребует перевода услышанного на свой собственный язык. Очевидно, что, даже отвлекаясь от меры овладения историком языком культуры интересующего его прошлого, сама фрагментарность сохранившихся свидетельств о нем (оставляющая многие вопросы в ходе диалога без ответа) неизбежно превращает “услышанное” в толкование, а историописание – в современную историку мысленную реконструкцию предмета обучения» [Там же: 95].

Задача «толкования» смысла источника (в нашем случае – историографического) предполагает использование теоретического багажа герменевтики – учения о принципах интерпретации текстов, требующего, по выражению Х.-Г. Гадамера, «учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы» [Гадамер, 1988: 14].

Обращаясь к проблеме субъективности интерпретаций, О.М. Медушевская признавала, что «переход от интерпретаций к пониманию возможен только при наличии общей картины мира двух индивидов, позволяющей осмыслить выбор одного из них в категориях, понятных другому» [Медушевская, 2010]. Если же пытаться воссоздать логику мышления другого индивида по аналогии с собственной, то возникает так называемый «герменевтический круг», выход из которого возможен только через соотнесение фонового знания (общего для участников коммуникативного акта. – Д. А.) с выраженным путем использования сравнимых категорий.

При этом исследовательница подчеркивала, что для когнитивного подхода важно отличать память (индивидуальную или коллективную) от знания. Знание – это совокупность информации, фиксированной в вещественной форме (источниках). Сим-

волическая функция исторической памяти вытесняет ее функцию как информационного ресурса, исторического знания [Там же: 66–67].

Л.П. Репина, напротив, не видит между историей и памятью никакого разрыва, призывая не забывать о «не до конца отрефлектированных ментальных стереотипах у историков, а также о процессах интеллектуализации обыденного исторического сознания». Признавая наличие социально-сциентистского подхода, сторонники которого рассматривают проблему исторической памяти с позиций историзма и требуют, чтобы историческое сознание превалировало над социальной потребностью, более перспективными исследовательница считает теоретические разработки с применением культурно-антропологического подхода (И. Рюзен), в рамках которого центральное место в изучении истории историографии занимает как раз понятие «историческая память». Именно она мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними остро встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию. Л.П. Репина напоминает, что историкам так же непросто абстрагироваться от идеологии или групповых интересов; пытаясь развенчать социальную память, отделив факты от мифа, «историки просто вместо одной получают другую историю, стремящуюся стать новым мифом» [Репина, 2004].

Очевидно, что в историографическом исследовании необходимо учитывать не только сознательную деятельность историков «по созданию интеллектуальных продуктов» (историографических источников), но и влияние «коллективного бессознательного», социальной и исторической памяти.

При всех различиях оценок и представлений о возможностях объективного научного познания прошлого можно выявить общие для большинства исследователей (как и для автора этих строк) принципы, установки и методы. Исследователи фактически выделяют три уровня анализа – общенаучный, общесторический и специально-исторический.

Общенаучный уровень предполагает объяснение и анализ историографического процесса на основе общих диалектических

законов развития, принципов научности и объективности, системности и целостности, требует применения методов анализа и синтеза, исторического и логического методов [Ковальченко, 1987: 142].

Опираясь на принципы и методы научного познания, возможно ли выявить «общие закономерности» развития историографии? Как представляется, определенные этапы или стадии исторического познания необходимо соотнести с этапами развития науки в целом. На донаучной стадии источниками знаний о мире и обществе служат мифы и предания, при этом отсутствует разделение субъекта и объекта познания, окружающий мир «одушевлен», субъект познания имеет дело с неким «живым образом» объекта, что позволяет рассматривать их взаимоотношения скорее как «субъект-субъектные».

Развитие научных знаний создает субъект-объектную гносеологическую ситуацию, когда познание опирается на теории и логику, строгие понятия и категории. При этом в классической науке редко подвергалась сомнению способность субъекта получать объективное, истинное знание об объекте. В неклассической и постнеклассической науке специфика субъект-объектных отношений и роль субъекта познания выходят на первый план. Сомнения в познаваемости объекта (в нашем случае – исторической реальности, прошлого человечества) разрушают привычные представления о субъект-объектном взаимодействии.

В качестве выхода из кризисной ситуации предлагаются новые модели субъект-субъектных отношений (концепции «Другого», «чужой одушевленности», «диалога», «истолкования», коммуникации и др.). В развитии исторической науки и гуманитарного знания в целом данная стадия является неизбежной и закономерной, поскольку для индивида и общества познание прошлого всегда сопряжено с самопознанием.

На общеисторическом уровне анализа выявляются теоретико-методологические принципы, конкретные направления и концепции, существующие в исторической науке. Основопологающим здесь является принцип историзма, требующий смотреть на каждое явление с точки зрения его развития, объяснения при-

чин и условий его зарождения, определения основных стадий и характера его становления [Трельч, 1994: 528].

На специально-историческом уровне выполняется анализ конкретных историографических источников, применяются специальные исследовательские методы, т.е. способы, приемы обработки историографического материала и основные элементы методологической теории [Зевелев, 1987: 96]. Так, сравнительно-исторический метод дает возможность, с одной стороны, изучить историографические факты в тесной связи с той исторической обстановкой, в которой они возникли, а с другой – показать их качественные изменения на различных этапах развития. Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности зарождения и эволюции историографического направления.

В рамках историографического исследования возможно применение историко-типологического метода, но только в качестве «исторических типов» выступают типичные, устойчивые историографические подходы и концепции. Более тщательное изучение особенностей тех или иных элементов в структуре историографического направления предполагает использование проблемно-хронологического метода, который позволяет выделить в рамках историографии отдельные исторические проблемы (например, проблему присоединения Сибири, взаимоотношений пришлого и коренного населения и пр.).

Метод ретроспективного анализа позволяет на основе анализа современного состояния историографии проследить процесс оформления и развития научной мысли. При этом необходимо учитывать уровень развития исторической науки в тот или иной период, объективные условия, в которых работали исследователи, и не предъявлять к работам прошлого требований, которые не могли быть выполнены по объективным и субъективным причинам. Метод перспективного анализа позволяет определить направления, темы, проблемы будущего развития историографии.

Источниковую базу исследования составляют историографические источники – это те исторические источники, которые «определяются предметом историографии и несут информацию

о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования. Они используются наряду с историографическим фактом для установления закономерностей возникновения и развития историографии» [Зевелев, 1987: 118].

Требованием к историографическому источнику должно быть наличие в нем элементов историографической информации; возможность его использования с целью установления закономерностей историографии. При выявлении и анализе историографических источников следует отличать их от «историографических фактов». Как отметил А.И. Зевелев, «не каждый историографический факт “материализуется” в источник, доступный для широкого изучения (например, материалы лаборатории историка, рукописи книг и диссертаций, неизданные стенограммы дискуссий, научных конференций и т. д.)» [1987: 118].

В круг историографических источников, анализируемых в данной работе, входят как научные труды профессиональных историков, справочные и энциклопедические издания, так и литература научно-популярного, публицистического характера, рассчитанная на массового читателя и отражающая наиболее распространенные в западной историографии концепции.

К числу научных работ относятся монографии, статьи, материалы конференций и дискуссий, а также обзоры и рецензии, написанные профессиональными историками и отмеченные основательностью разработки исторической проблематики, глубоким знанием и использованием достижений историографии, применением научных методов исследования, позволяющих решать конкретные исследовательские задачи, теоретически и практически обосновать полученные выводы. Их авторы стремятся сформулировать новые идеи и предложить новые подходы, способствующие получению объективного и целостного представления об историческом процессе.

Данный тип историографических источников характеризуется научным стилем изложения исторического материала, использованием научной терминологии. По определению А.М. Сахарова [1981: 105], главным критерием отнесения тех или иных трудов к научным является глубина научного осмысления

исторического явления и процесса, при этом необходимо учитывать, что для каждого времени существует и свой критерий научной глубины.

Западными сибиреведами было создано немало высококлассных научных исследований. По наблюдениям британского историка А. Вуда [1991: 15], история Сибири в целом лучше изучена американцами, которых всегда интересовал ее «тихоокеанский аспект», а также канадцами, находившими значительное сходство между своей страной и Сибирью.

Сведения об англоязычной научной литературе по истории Сибири содержатся в библиографических трудах Р.Дж. Кернера [Kerner, 1931, 1939], Д.М. Шапиро [Sharigo, 1962]. В 1991 г. британский историк-сибиревед Д.Н. Коллинз, сотрудник Университета Лидса, опубликовал специальное библиографическое исследование, содержащее перечень научных трудов, посвященных Сибири и изданных в XVIII–XX вв. на английском языке [Collins, 1991]. Издание содержит несколько тематических разделов, включающих в общей сложности более 700 изданий (общее количество статей – 735, но зачастую в одной статье помещены сведения о нескольких публикациях).

Д.Н. Коллинз использовал литературу из книжных и архивных хранилищ Великобритании (фонды Центральной справочной библиотеки Лидса, Британской библиотеки в Лондоне и Йоркшире, Института полярных исследований им. Р. Скотта в Кембридже, Бодлианской библиотеки в Оксфорде и др.) и Канады (Арктический институт Северной Америки в Университете Калгари). Сведения о работах, вышедших в 1991–1999 гг., можно обнаружить в библиографических исследованиях Д. Коллинза, помещенных в нескольких номерах журнала «Сибирика» за 2002–2003 гг. [Collins, 2002a, 2002b, 2003].

Многие работы западных историков-сибиреведов удалось обнаружить в фондах Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН, Государственной публичной исторической библиотеки России, Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН

(Новосибирск) и др. В сети Интернет доступ к электронным полнотекстовым версиям многих научных публикаций предоставляют такие цифровые базы данных, как: JSTOR, MyLibrary, eLIBRARY, East View и др.

Среди научных работ особого внимания заслуживают монографии – самостоятельные исследования, которые основываются на источниках, часто впервые вводимых в оборот, и, по определению М.В. Нечкиной [1965], содержат новые, оригинальные идеи, продвигающие науку вперед. В их число входят работы обобщающего характера – таковы, например, монографии Ф.А. Голдера «Русская экспансия на Тихий океан, 1641–1850...» [Golder, 1914], Р.Дж. Кернера «Стремление к морю: курс русской истории» [Kerner, 1942], Дж. Ланцева и Р. Пирса «На восток – к империи» [Lantzeff, Pierce, 1973], У.Б. Линкольна «Завоевание континента: Сибирь и русские» [Lincoln, 1994], Дж. Форсайта «История народов Сибири» [Forsyth, 1992], Дж. Стефана «Российский Дальний Восток: история» [Stephan, 1994], А. Вуда «Замерзший фронт России: история Сибири и российского Дальнего Востока, 1581–1991» [Wood, 2011], Д. Дальманна «Сибирь с 16 века до современности» [Dahlmann, 2009] и др.

Отдельным историческим проблемам посвящены монографии Р. Фишера «Русская торговля мехами» [Fisher, 1943], Дж. Гибсона «Продовольственное обеспечение русской торговли мехами: снабжение Охотского побережья и Камчатского полуострова, 1639–1856» [Gibson, 1969], Дж. Ланцева «Сибирь в XVII в. Исследование колониальной администрации» [Lantzeff, 1943], М. Раева «Сибирь и реформы 1822 г.» [Raeff, 1956], Г. Баррэта «Россия на Тихом океане, 1715–1825» [Barrat, 1981], С. Маркса «Дорога к могуществу: Транс-Сибирская магистраль и колонизация Азиатской России» [Marks, 1991], Ю. Слезкина «Россия и малые народы Севера: Арктические зеркала» [Slezkine, 1994], М. Бассина «Имперское видение: националистическое воображение и географическая экспансия на российском Дальнем Востоке, 1840–1865» [Bassin, 1999], А. Знаменского «Шаманизм и христианство...» [Znamenski, 1999], К. Виценрата «Казачи и российская империя, 1598–1725: манипуляция, бунт и экспансия в Сибирь» [Witzenrath, 2007], Л. Блэк «Русские на Аляске, 1732–

1867» [Black, 2004], Э. Джентеса «Ссылка в Сибирь, 1590–1822» [Gentes, 2008] и др.

Нередко научные работы сопровождаются специально составленными приложениями, содержащими переводы документальных источников, карты, указатели, справочные материалы. Так, в 1920-х гг. Ф.А. Голдер опубликовал переводы документов, обнаруженных в архивах и имеющих отношение к истории Второй Камчатской экспедиции [Golder, 1922–1925]. В монографии Р.Дж. Кернера «Стремление к морю...» содержатся шесть приложений и двадцать историко-географических карт, составленных автором. Кроме того, в приложениях, подготовленных на основе сведений из трудов Н.П. Барсова, С.В. Бахрушина, а также документальных источников, содержатся списки речных систем и волоков, монастырей, сибирских островов, переводы первоисточников и т. д. В приложениях к монографии М. Раева «Сибирь и реформы 1822 г.» опубликованы переводы источников, помещенных в «Сборнике материалов по истории Бурятии XVIII и первой половине XIX в.» (Верхнеудинск, 1926, вып. 1), в «Статистическом обозрении Сибири», изданном МВД в 1810 г., и др.

Источниками историографического исследования являются и научные статьи, в которых зачастую предлагаются новые, оригинальные подходы к решению различных научных проблем. В истории западного сибиреведения большой резонанс вызвала работа Д. Тредголда «Русская экспансия в свете учения Ф.Дж. Тернера о «американском фронтире» [Treadgold, 1952]. Заметным событием стала публикация статьи Р.Х. Фишера «Семен Дежнев и профессор Голдер» [Fisher, 1956]; внимание историков привлекли исследования А. Вуда, посвященные истории сибирской ссылки; серия статей М. Бассина по истории освоения Дальнего Востока [Bassin, 1983, 1988, 1991] и др.

Особое внимание в рамках настоящего исследования уделяется специальным историографическим исследованиям, а также соответствующим обзорам и разделам в монографиях и диссертациях западных сибиреведов. Таковы, например, статьи Б. Дмитришина [Dmytryshyn, 1990], С. Хэйкокка [Haysokh, 1990], С. Коткина [Kotkin, 1997]. Значительный интерес представляют

историографические обзоры в монографиях Р.Дж. Кернера [Kerner, 1943]; Дж. Ланцева и Р. Пирса [Lantzeff, Pierce, 1973], Дж. Харрисона [Harrison, 1971], Л. Блэк [Black, 2004] и др. Данный вид источников позволяет увидеть историю становления англо- и германоязычной историографии Сибири в XX в. глазами самих зарубежных историков, учесть их мнения в оценке достижений и перспектив развития рассматриваемого историографического направления.

Не меньший интерес для историографа представляют рецензии (например, отклик Р. Фишера на книгу «История Сибири от русского завоевания до революции» [Fisher, 1991]) и материалы научных дискуссий (напр., дискуссия о сибирском «фронтире», инициированная в 2002 г. немецкой исследовательницей Э.-М. Столберг (см.: <http://h-net.msu.edu>)), которые, по замечанию И.Я. Биска [2007: 87], позволяют установить отношение научной общественности к вышедшему труду, борьбу мнений вокруг последнего, а также могут содержать варианты решения выдвинутых проблем. Иногда в рецензиях дается квалифицированная критика методики и техники анализа источников, которые применялись тем или иным исследователем.

Для получения более полного представления об историографическом процессе нами привлекались работы научно-популярного характера. Их авторы не стремились решить конкретные исследовательские задачи, но лишь обобщали историографический материал, воспроизводили устоявшиеся концепции и выводы.

Среди научно-популярных работ можно выделить труды общего характера, рассматривающие историю Сибири в целом или затрагивающие комплекс различных проблем, связанных с темой: работы А. Краузе [Krausse, 1899, 1900], Ю. Семенова [Semjonow, 1937, 1944], Э. Лесснера [Lessner, 1955], К. Греппера [Groppe, 1976], Б. Бобрика [Bobrick, 1992].

В сжатом виде общая характеристика сибирской истории дается в зарубежных энциклопедиях и справочных изданиях, из которых на Западе наиболее авторитетными считаются «Британика», «Американа», «Брокгауз» [Der Grosse Brockhaus; Der Kleine Brockhaus; The Encyclopedia Americana, 1943, 1962; The Encyc-

lopedia Britannica, 1946, 1994]. В настоящем исследовании использовались издания разных лет, позволяющие судить об основных тенденциях развития западной историографии Сибири.

При всем стремлении авторов энциклопедических статей к объективности в ряде случаев важнейшие события сибирской истории трактовались ими очень упрощенно. Так, по мнению авторов «Американской энциклопедии» 1943 г., причиной похода Ермака в Сибирь было всего лишь желание купцов Строгановых избавиться от своенравного атамана, который, в свою очередь, скрывался от московских властей [The Encyclopedia Americana, 1943: 770]. В том же издании содержится и явно ошибочное утверждение о том, что до 1580 г. Сибирь была неизвестна европейцам, хотя еще в 1549 г. Сигизмунд Герберштейн издал свои «Записки о московитских делах», содержащие более или менее точные сведения о Югре и Сибири (подробнее о распространении ранних известий о Сибири в Европе см.: [Алексеев, 1941: 609]).

Следует также заметить, что все энциклопедии содержат расхождения в датировке событий. Например, в изданиях «Британики» за 1981 и 1994 гг. поход Ермака относят к 1581 г., в изданиях «Брокгауза» – к 1579 г. («Малый Брокгауз» 1962 г.) и 1582 г. («Большой Брокгауз» 1934 г.).

Впрочем, значение данного типа историографических источников велико, поскольку они дают представление об общем уровне изучения сибирской истории на Западе. К тому же благодаря энциклопедиям результаты научных исследований становятся доступными не только узкому кругу специалистов, но и широким слоям населения [Резун, 1987].

Изучение работ публицистического характера позволяет лучше понять степень влияния общественно-политической ситуации на работу исследователей, усвоения историками идеологических формул и штампов, часто негативно сказывающихся на развитии исторической науки. В тех случаях, когда авторы публицистических работ обращаются к первоисточникам, методы их обработки далеки от научного подхода [Пашуто, 1968: 39]. К публицистике можно отнести, например, работы Э. Хельцле «Страна свободы. К истории русской освободительной мысли»

(*Saeculum*, 1954, вып. 4), М. Хиндуса «Казачья история» (Нью-Йорк, 1954); статьи, помещенные в сборниках под редакцией Т. Хунсака («Русский империализм от Ивана Грозного до революции», Нью-Брунсуик, Нью-Джерси, 1974 г.), М. Рывкина («Русская колониальная экспансия до 1917 г.». Лондон; Нью-Йорк, 1988 г.).

Сведения об институциональном развитии западного сибиреведения можно обнаружить в сети Интернет – на сайтах зарубежных архивов, вузов и научных учреждений. Для историков-сибиреведов наибольший интерес представляют Интернет-ресурсы специализированных научных центров, ориентированных на изучение истории русской колонизации Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. К примеру, на сайте Школы славянских и восточноевропейских исследований (www.ssees.ucl.ac.uk) излагается история возникновения и развития школы, приводится информация о Центре российских исследований и работающих под его эгидой семинарах, даются списки научных сотрудников. Наибольший интерес представляет описание архивных материалов, в том числе по истории Сибири, собранных первым директором школы Б. Пэрсом и хранящихся в библиотеке. Вообще сетевые ресурсы позволяют получить новейшие данные о работе зарубежных исследователей. Вместе с тем необходимо учитывать слабую сохранность данного вида источников, отсутствие надежных инструментов их архивирования.

В целом собранный и использованный нами историографический материал достаточно репрезентативен и позволяет решить поставленные нами задачи историографического исследования.

Глава 1

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СИБИРИ АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.

1.1. ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ И ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

В начале XX в. на Западе появляются специализированные центры изучения истории России, в рамках которых исследовались и проблемы колонизации Сибири и Дальнего Востока. Наибольшую активность в этой области проявляли исследователи из Великобритании, Германии и США, сопоставлявшие исторический опыт России с «колониальной» и «колониационной» историей своих стран.

У истоков британской славистики стояли Оксфордский (с 1869 г.)¹ и Кембриджский (с 1889 г.) университеты, предоставившие своим студентам возможность изучать русский язык и получать более основательные знания по истории и культуре России. Впоследствии в Оксфорде и Кембридже возникли общественные организации, призванные содействовать развитию культурных связей Великобритании и России. Так, в 1909 г. по инициативе кн. Ф.Ф. Юсупова появилось Русское общество Оксфордского университета, а в начале 1920-х гг. при активном участии В.В. Набокова было образовано Славянское и Восточноевропейское общество Кембриджского университета. На рубеже XIX–XX вв. под патронажем Имперского Института в Лондоне активно действовало Англо-русское литературное общество, основанное в 1893 г. (URL: www.ssees.ac.uk/archives/newarch.htm).

Параллельно с возникновением общественных организаций, способствовавших укреплению культурных связей между двумя странами, в Великобритании создавались специализированные научные центры славистики, прежде всего благодаря усилиям Р.У. Сетон-Уотсона (1879–1951) и Б. Пэрса (1867–1949). В 1907 г.

---

¹ По данным Дж. Стоуна, первая попытка создания кафедры славистики в Оксфорде была предпринята еще в 1840-х гг. — См.: [Stone G.].

Б. Пэрс создал Школу русских исследований в Ливерпульском университете, а в 1915 г. совместно с Р.У. Сетон-Уотсоном основал Школу славянских и восточноевропейских исследований (The School of Slavonic and East European Studies) как отделение Королевского колледжа в составе федерального Лондонского университета [Pearton, 1993; Roberts, 1991; Некрасов, 1962]. В 1922 г. Б. Пэрс стал директором Школы и одновременно секретарем Англо-русского литературного общества, включенного в состав Школы и просуществовавшего в таком качестве до 1936 г.

По определению Й. Робертса, основание Школы славянских и восточноевропейских исследований в годы Первой мировой войны явилось «классическим примером объединения научной и политической сфер деятельности». Наряду с проведением научных исследований Школа должна была содействовать решению ряда политических и стратегических задач, стоявших перед правительствами стран Антанты². Так, Р.У. Сетон-Уотсон «приложил руку» к созданию новых независимых государств в Восточной Европе, а Б. Пэрс не только руководил кафедрой русской истории, литературы и русского языка (в 1917–1936 гг.), но одновременно выполнял разнообразные правительственные поручения. В годы Первой мировой войны он действовал в качестве военного наблюдателя на Восточном фронте, а в январе 1919 г. был направлен в Сибирь, фактически оказавшись представителем британского правительства в ставке А. Колчака (хотя официальной целью его поездки было чтение лекций)³.

С 1932 г. Школа стала самостоятельной структурой наряду со многими другими колледжами, школами и институтами, из которых состоит Лондонский университет. В круг ее задач по-

---

² Следует заметить, что и в годы Второй мировой войны правительство привлекало Б. Пэрса и Р. Сетон-Уотсона в качестве консультантов по самому широкому кругу вопросов.

³ На родине высоко оценили заслуги Б. Пэрса, наградив его Орденом Британской империи. В свою очередь, советское правительство запрещало историку въезд в СССР вплоть до 1935 г. Вновь побывав в Советской России после столь длительного перерыва, Б. Пэрс опубликовал книгу «Москва принимает критику», где высказал ряд критических замечаний в адрес большевиков, но все же высоко оценил их достижения. — Подробнее см.: [Казнина, 2001].

прежнему входило обучение и содействие изучению языков, литературы, культуры и истории стран Центральной и Восточной Европы, в том числе истории СССР. В 1999 г. Школа вошла в состав Университетского колледжа Лондона, но сохранила свое привычное название и направление деятельности.

С момента своего основания Школа стала крупнейшим научным и образовательным центром. К настоящему времени она располагает обширной библиотекой, содержащей ок. 230 тыс. томов. В рамках Школы работают семинары и конференции, под ее эгидой публикуется серия монографий «Russian and East European Studies» и периодическое издание «The Slavonic and East European Review» (с 1922 г.). На страницах этих изданий появляются статьи по истории средневековой России, рецензии на работы советских и российских исследователей, а также публикации, посвященные различным вопросам истории «русской восточной экспансии» – статьи А. Байкалова, Г. Баррэта, Р. Дрю, Е. Карра, У. Кирхнера [1958], А. Сокола и др.

Сибирская проблематика вошла в круг исследовательских интересов сотрудников Школы уже на раннем этапе ее деятельности. В частности, Б. Пэрс за время своих продолжительных поездок в Россию сумел собрать множество документальных материалов, в том числе по истории Гражданской войны в Сибири (URL: <http://www.aim25.ac.uk/cats/58/7020.htm>). В 1926 г. он опубликовал свою «Историю России», в которой немало страниц уделил Сибири [Pares, 1945]. В дальнейшем выпускники и сотрудники Школы – Розмари Квестед, Анна Рейд, Джон Чэннон и другие обращались в своих работах к сибирской проблематике.

Тем не менее усилий одного специализированного центра было явно недостаточно, и в течение долгого времени успехи британских исследователей в изучении российской истории оставались сравнительно скромными. По наблюдениям А.Ф. Ротштейна [1957], даже незначительное число окончивших английские университеты по русскому циклу не могли найти работу по специальности, а объем исследований в этой области был крайне невелик.

В период Второй мировой войны отношение британских исследователей к российской тематике изменилось. В 1944 г. при Министерстве иностранных дел Великобритании создается Комитет по изучению вопроса о преподавании русского языка, культуры и истории, в отчете которого говорилось: «Советский Союз вышел из войны как одна из крупнейших политических и экономических единиц мира. Поэтому было бы нелепостью примириться с наличием лишь весьма скудного числа англичан, обладающих основательными знаниями об этой стране, и тем более с дальнейшим уменьшением числа таких людей» [Ротштейн, 1957]. Однако, в отличие от США, где в первое послевоенное десятилетие произошел резкий рост исследований по русской истории, британские студенты и аспиранты в данном отношении проявляли куда меньшую активность. До середины 1950-х гг. история СССР как отдельный предмет преподавалась только в Лондонском университете, а в остальных вузах – лишь в рамках специальных и всеобщих курсов истории.

«Оттепель», начавшаяся в СССР в середине 1950-х гг., способствовала росту интереса британской общественности к истории и культуре народов, населявших республики Советского Союза и страны «Восточного блока». В 1950-х гг. возникли новые общественные организации – Ассоциация славистов Британских университетов и Национальная ассоциация советологических и восточноевропейских исследований (обе организации объединились в 1992 г. в Британскую ассоциацию славянских и восточноевропейских исследований). В 1953 г. в Оксфордском университете (Колледж Св. Антония) учреждается Центр России и Восточной Европы (ныне – Центр русских и евразийских исследований). В 1961 г. в Великобритании был опубликован так называемый Отчет Хэйтера, в котором ставилась задача активизации и расширения «региональных» или «страноведческих» исследований (в том числе посвященных России). В результате появились новые центры русистики – в Бирмингемском университете (Центр русских и восточноевропейских исследований) и Университете Суонси.

Другим важным шагом стало создание в 1959 г. Ассоциации «Великобритания–СССР». Целью данной организации про-

возглашалось оказание содействия культурным контактам двух стран на нейтральной в политическом отношении основе. Ассоциация работала при поддержке английского правительства⁴, а в ее руководящие органы входили представители многочисленных организаций, охватывавших практически все сферы общественной жизни, в том числе учреждения науки и образования. Ассоциация оказывала помощь в исследовательской работе, способствовала созданию департамента русского языка в Университете Лидса, Института полярных исследований им. Р. Скотта в Кембриджском университете, Института советских и восточноевропейских исследований в Университете Глазго.

В начале 1980-х гг. при содействии Ассоциации «Великобритания – СССР», Школы славянских и восточноевропейских исследований, Британской Академии был организован Семинар сибирских исследований британских университетов. Инициатором его проведения и фактическим руководителем стал историк Алан Вуд – глава департамента русистики и советологии в Ланкастерском университете. В 1982 г. он основал журнал «Сибирика», на страницах которого публиковались материалы научных конференций, проходивших в рамках семинара.

В своем начинании А. Вуд получил финансовую поддержку Британского Совета, Фонда Форда и Фонда Наффилда. Участники семинара также платили членские взносы, призванные окупить почтовые, организационные и издательские расходы. До конца 1980-х гг. в рамках семинара были изданы четыре выпуска журнала «Сибирика» [Sibirica, 1983; 1986; 1988]. Журнал не только стал единственным в англоязычной историографии специализированным изданием по истории Сибири и Дальнего Востока, но и объединил усилия многих исследователей из разных стран.

В 1982 г. в Ланкастерском университете состоялась первая конференция, на которой с докладами выступили такие известные исследователи, как Т. Армстронг, В. Коннели, С. Кирби и

---

⁴ В 1991 г. с исчезновением СССР с политической карты мира Ассоциация была переименована в «Центр Британия–Россия – Центр Восток–Запад». На смену правительственному финансированию пришла помощь частных и общественных организаций.

др. В дальнейшем конференции проводились в Институте полярных исследований Кембриджского университета (1983 и 1984 гг.), Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета (1986 г.), Институте советских и восточноевропейских исследований Университета Глазго (1988 и 1989 гг.).

В работе семинара принимали участие как британские ученые (А. Вуд, Д. Коллинз, Дж. Стюарт и др.), так и специалисты из Канады (Дж.-Л. Блэк, Дж. Гибсон), США (Б. Дмитришин, О. Кобцев), ФРГ (В. Фауст), СССР (Л.М. Горюшкин), КНР, Финляндии и других стран. На основе материалов конференций к печати были подготовлены три сборника научных статей под общей редакцией А. Вуда [Wood, 1987, 1991; *The Development of Siberia...*, 1989].

К началу 1990-х гг. деятельность Семинара приобрела международный характер, способствуя более активному сотрудничеству и взаимодействию зарубежных и российских сибиреведов. Очередная конференция состоялась в сентябре 1991 г., местом ее проведения по предложению Л.М. Горюшкина был выбран г. Кемерово.

Вместе с тем финансовые и организационные трудности, приводившие к задержкам с выходом в свет очередных номеров «Сибирики», заставили редакционный совет принять предложение руководства Орегонского исторического общества (г. Портленд, штат Орегон) о переносе редакции журнала в США. В 1990 г. вышел первый выпуск американского издания под названием «Сибирика: журнал Северо-Тихоокеанских исследований» [Siberica, 1990], его редакторами стали директор Орегонского исторического общества Т. Воон и директор Центра исследований Северо-Тихоокеанского региона Э. Краунхарт-Воон. Европейским отделением редакции продолжали руководить А. Вуд и У. Джойс (Университет Глазго).

Американское издание «Сибирики» (как печатного органа Центра Северо-Тихоокеанских исследований) ограничилось двумя выпусками, продолжения не последовало. Седьмая конференция вновь состоялась в Великобритании (Лондонский университет, 1993 г.). В 1993–1995 гг. возобновилось издание исто-

рического журнала под новым названием «Sibirica: the Journal of Siberian Studies» [1993, 1995], после чего последовал еще более продолжительный перерыв – до 2002 г. Спад интереса британских исследователей к сибирской проблематике совпал с общим ослаблением интереса к России и русскому языку в Великобритании, что было характерно для 1990-х гг. (см.: [Hutchings]).

Только в начале XXI в. работа семинара приобрела должный размах, вновь стали проводиться конференции⁵. С 2002 г. возобновилось регулярное издание «Сибирики». До 2012 г. вышли 11 томов журнала (до 2005 г. – в Издательстве «Taylor & Francis», затем – в «Berghahn Books»), сначала по два номера в год, с 2009 г. – по три номера. С 2008 г. в журнале разрешена публикация отдельных статей на русском языке (URL: <http://berghahn.publi-sheer.ingentaconnect.com/content/berghahn/sibiric>). В 2004 г. А. Вуд и К. Бреннан сложили с себя обязанности по руководству журналом; должность редактора занял антрополог Александр Кинг (Университет Абердина), в группу ответственных редакторов вошли Д. Андерсон, Т. Аргунова-Лоу, К. Бреннан, П.А. Грэй, И.О. Хабек.

В 2006 г. в связи со сменой издателя главный редактор «Сибирики» А. Кинг опубликовал «Манифест сибирских исследований» [King, 2006], в котором подчеркнул, что журнал сохраняет свой междисциплинарный характер, а это означало публикацию результатов исследований в самых разных областях науки при условии, что научные результаты имеют непосредственное отношение к Сибирскому региону или могут представлять практический интерес для его жителей.

Главная цель, которую преследуют издатели и редакторы «Сибирики», заключается в том, чтобы вызвать дискуссии с участием самого широкого круга специалистов, а также получить обратную связь от читателей. В числе наиболее актуальных тем, обозначенных А. Кингом, следует отметить: миграции населения Сибири в первобытную эпоху и проблемы заселения Се-

⁵ В 2002 г. состоялась 9-я конференция в г. Лидс, Великобритания; в 2004 г. – 10-я конференция в г. Хьюстон, США. Местом проведения 11-й (на сегодняшний день – последней) конференции стал г. Владивосток (сентябрь, 2006).

верной Америки; прошлое и настоящее такого явления, как шаманизм, проблемы аборигенных этносов; конкретно-исторические формы колониализма и империй, рассмотренные сквозь призму исторического опыта Азиатской России; история нефтегазовой и других отраслей добывающей промышленности в Сибири.

* * *

В США основоположником руссиеведения признан гарвардский профессор А.К. Кулидж (1866–1928)⁶, который еще в 1890-х гг. начал читать лекции по русской истории, а в октябре 1896 г. на страницах «*American Historical Review*» опубликовал доклад «Призыв к изучению истории Северной Европы» (в том числе и России). А.К. Кулидж стал первым директором университетской библиотеки и за время пребывания на этой должности собрал большую коллекцию материалов, связанных с дореволюционной историей Российского государства [Curtiss, 1970; Чернавская, 1995]; URL: http://www.law.harvard.edu/library/special/collections/rare_books/index.html). Среди учеников А.К. Кулиджа — известные американские историки-сибиреведы Ф.А. Голдер и Р.Дж. Кернер.

Выходец из России Ф.А. Голдер (1877–1929) считал одной из главных задач своей жизни создание специализированных центров изучения русской истории. Во время своей первой поездки в Россию в 1914 г. американский исследователь встречался с А.С. Лаппо-Данилевским, вместе с которым планировал организовать работу по написанию и изданию 4-томной «Истории России». В условиях начавшейся Первой мировой войны и последовавших за ней внутривосточных потрясений замы-

---

⁶ А.К. Кулиджу посвятил серию своих исследований крупнейший историк-славист, профессор Индианского университета Роберт Ф. Бернс, впервые выступивший на эту тему на годичном собрании Американской исторической ассоциации в 1976 г. и издавший переработанный текст доклада на страницах «*Slavic Review*». Позднее Бернс опубликовал несколько других работ и, в частности, специальную монографию о Кулидже, а также книгу очерков, посвященных истории американской славистики. — См.: [Вугнес, 1978, 1982, 1994]. Подробнее см.: [Болховитинов, 2001].

сел двух выдающихся историков так и не был осуществлен. Многие из предполагаемых авторов научного издания (включая А.А. Шахматова, М.А. Дьяконова и самого А.С. Лаппо-Данилевского) умерли в годы Гражданской войны.

Осенью 1923 г. Ф.А. Голдер вознамерился предпринять серию исследований по истории революции в России: «Пришло время историкам изучить ее объективно, с точки зрения движущих ею общественных сил, а не только с точки зрения психологии ее участников, которых воспринимают лишь как людей, жаждущих крови». По мнению историка, «Русская революция является величайшим событием Новейшей истории; таким же великим, как Французская революция, влекущим за собой не меньшие последствия...». В сложившейся ситуации особую роль должны были сыграть американские историки, поскольку их российские коллеги, по оценке Голдера, были «больны духом и телом» и не могли объективно оценивать происходящее. Ф.А. Голдер призвал учредить новый институт, который будет заниматься историей Русской революции. В 1925 г. Фонд Лоры Шпельман Рокфеллер (Laura Spelman Rockefeller Memorial Fund) предоставил Стэнфордскому университету грант на создание Русского института.

В 1925 г. Ф.А. Голдер на два месяца вернулся в СССР, надеясь привлечь к сотрудничеству советских исследователей. Формальным поводом для визита стало приглашение посетить торжественные мероприятия, приуроченные к 200-летию Российской академии наук. Во время своей поездки Ф.А. Голдер, как представитель Стэнфордского университета, заключил соглашение с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей, а также с одним из отделов Наркомата иностранных дел. Данное соглашение предусматривало создание Института российской революции, организацию совместной научно-исследовательской деятельности и издание трудов советских и американских историков.

В 1927 г. Ф.А. Голдер совершил еще одну поездку в СССР, рассчитывая на месте решить накопившиеся проблемы. Однако все его попытки добиться разрешения на публикацию работы экономиста Л.Н. Литошенко (1886–1943), проходившего стажир-

ровку в Стэнфорде, а также на разработку дальнейшей программы сотрудничества с советскими учеными, оказались тщетными. Чиновники из правительственных учреждений боялись проявить инициативу, а преподаватели вузов и сотрудники исследовательских институтов страшились самой мысли о возможной поездке за границу. Спустя всего несколько лет многие из исследователей, которых Голдер намеревался пригласить для работы в своем институте, были арестованы. Впрочем, американский историк об этом уже не узнал, скончавшись от скоротечного рака легких 7 января 1929 г. В некрологе, написанном Л.Н. Литошенко, отмечалось, что в лице Ф.А. Голдера США и СССР лишились человека, обеспечивавшего «удивительные и ценные культурные связи между двумя совершенно разными мирами» [War, Revolution..., 1992].

Значительный вклад в становление американской славистики внесли русские историки-эмигранты. В Йельском университете (г. Нью-Хейвен) преподавали М.И. Ростовцев (с 1925 г.) и Г.В. Вернадский (с 1927 г.). А.А. Лобанов-Ростовский (1892–1979) преподавал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (с 1936 г.) и в Мичиганском университете (с 1945 г.). К младшему поколению историков-эмигрантов принадлежал А. Мазур (1900–1982), специалист по русской историографии и истории декабристского движения. В 1938–1941 гг. он готовил американских специалистов по русской истории в Университете Невады, после 1947 г. – в Стэнфордском университете в Калифорнии.

Наиболее заметную роль в привлечении американских исследователей к разработке вопросов русской истории сыграл М.М. Карпович (1888–1959), в свое время учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1917 г. Карпович переехал в США вместе с новым русским послом в Вашингтоне Б.А. Бахметьевым. После закрытия российского посольства в 1924 г. Карпович переехал в Нью-Йорк, где в 1927 г. по рекомендации М.И. Ростовцева получил должность преподавателя в Гарвардском университете. В 1940-х гг. Карпович сыграл большую роль в создании двух известных периодических изданий: «Russian Review» и «Нового журнала». С именем М.М. Карповича связана Гарвардская школа «интел-

лектуальной истории». В числе его аспирантов — Ричард Пайпс, Николай (Николас) Рязановский, Мартин Малиа, Дональд Тредголд, Марк Раев и др.

Наряду с Гарвардом ведущими центрами изучения российской истории в США стали Колумбийский, Йельский и Калифорнийский университеты. В первые послевоенные годы Колумбийский университет выпустил более сотни специалистов по русской и советской истории, впоследствии работавших в различных правительственных учреждениях и преподававших в вузах [Bugnes, 1994]. С 1945 г. в университете действовал Русский институт, основанный профессором Дж. Робинсоном. Всего в 1940–1950-х гг. в Колумбийском университете была подготовлена 21 диссертация по русской истории, тогда как в Беркли — 10 диссертаций; в Йельском университете — 9 [Болховитинов, 2001].

В годы «маккартизма» повышенный интерес к СССР мог вызвать и подозрения со стороны американских властей. Так был ликвидирован Институт тихоокеанских исследований, организованный группой либеральных интеллектуалов в Гонолулу в 1925 г. и закрытый в 1951 г., после того как в его деятельности усмотрели следы «заговора», организованного из Москвы [Thomas, 1974; Троякова, 2006]. Несмотря на перепады внутривнутриполитического курса США времен «холодной войны», в американских университетах только в 1950-е гг. наблюдалось более чем пятикратное увеличение количества диссертационных работ по истории России и СССР [Чернавская, 1995]. Исследователи российской и сибирской истории работали при поддержке многочисленных государственных и частных фондов (Родса, Рокфеллера, Форда, Фулбрайта, Национального фонда поддержки гуманитарных наук и др.), научных и общественных организаций⁷.

Количество исследований по истории России и СССР возросло после подписания в 1958 г. соглашения об обменах в об-

⁷ Например, М. Рывкин состоял в рядах Американской ассоциации содействия славянским исследованиям; У. Вучинич и Б. Дмитришин являлись членами Американской исторической ассоциации; последний был также членом Канадской ассоциации славистов; Дж. Ленсен — Американского общества истории русского военно-морского флота и Ассоциации азиатских исследований, и т. д.

ласти науки и создании Межуниверситетского совета по предоставлению стипендий, который в 1968 г. был преобразован в Совет по международным исследованиям и обменов (IREX). Американские ученые получили возможность читать лекции, работать в архивах и проводить совместные исследования с коллегами из СССР [Троякова, 2006]. По данным В.А. Тишкова, в 1960–1970-х гг. в американских университетах ученые степени получили около 200 специалистов в области истории СССР. [Тишков, 1985: 79–80]

С 1930-х гг. главным центром изучения истории «русской восточной экспансии» в США являлся Калифорнийский университет (Беркли), что было связано с деятельностью Роберта Дж. Кернера (1887–1956). Выпускник Чикагского и Гарвардского университетов, Р.Дж. Кернер, наряду с Ф.А. Голдером, способствовал превращению Северной Калифорнии в один из мировых центров славистики [Kotkin, 1997]. Уделяя внимание истории Северной Азии, Р.Дж. Кернер стремился объединить исследования, посвященные России, с изучением истории азиатских стран.

Выходец из семьи богемских эмигрантов, Р.Дж. Кернер в начале своей карьеры приобрел известность как специалист по истории Центральной Европы (в первую очередь, территорий, входивших в состав империи Габсбургов) [Kerner, 1920a, 1920b, 1919]. В конце 1920-х гг. историк занялся изучением проблем русско-турецких отношений, а после переезда в Беркли (в 1928 г.) заинтересовался темой «русской восточной экспансии», в том числе ранних контактов России с Китаем и Японией (см.: [Kotkin, 1997: 94–95]). В 1930 г. лишь немногие американские ученые разделяли убежденность Р.Дж. Кернера в актуальности данной проблематики, но скептическое отношение коллег не остановило исследователя. В 1932 г. журнал «Pacific Affairs» напечатал заметку о том, что в феврале 1931 г. в Беркли начал работу Семинар по Северо-Восточной Азии, главной задачей которого провозглашалось изучение исторических, политических, экономических и культурных факторов, определявших взаимоотношения России, Китая и Японии. Летом 1932 г. попытка инициировать аналогичные исследования была предпринята

и в Гарварде, но успехом она не увенчалась из-за недостатка соответствующих специалистов.

Р.Дж. Кернер разработал пятилетний план исследований. На первое место историк поставил изучение «истории экспансии России в восточном направлении – с самого начала и до наших дней, а также анализ современного положения России в Тихоокеанском регионе». Далее – его интересовали проблемы взаимоотношений Китая с Монголией и Манчжурией, «политика Японии в Северо-Восточной Азии» и, наконец, значение Северо-Восточной Азии для решения проблем Тихоокеанского региона.

Первая встреча участников семинара состоялась в марте 1931 г. во время банкета в Международном доме Калифорнийского университета в Беркли. Р.Дж. Кернер выступил с докладом по теме «Русские источники по истории Северо-Восточной Азии». До конца года состоялось еще два заседания, посвященных источниковедческим проблемам. Учитывая, что Кернер уделял большое внимание первоисточникам, необходимым условием для участников семинара было знание русского, китайского и японского языков⁸. К тому же предполагалось, что американские исследователи будут тесно сотрудничать с учеными из России и других стран. С целью организации такого сотрудничества Р.Дж. Кернер совершил в том же 1931 г. поездку по Дальнему Востоку⁹.

---

⁸ Из 13 профессоров Калифорнийского университета, первоначально включенных Р. Кернером в число участников семинара, пятеро владели китайским языком, только двое – русским, один – японским (и китайским), но никто, включая самого Кернера, не владел одновременно всеми тремя.

⁹ Во время поездки Р. Дж. Кернер отметил, что одним из основных направлений деятельности семинара может стать объективное изучение исследований, выполненных историками Японии, Китая и СССР, но поручить решение данной задачи местным научным кадрам он не решался, поскольку «роль марксистской теории в их работах слишком велика». Р.Дж. Кернер также заметил, что «дипломные работы и свободные исследования находятся на самом низком уровне, в зачаточной стадии – в Японии, и подчиненные коммунистическим целям – в Советском Союзе». Тем не менее, Р.Дж. Кернер настаивал, что «Калифорнийский университет должен играть ведущую роль в процессе, направленном на то, чтобы помочь исследователям из разных стран лучше узнать друг друга». – См.: [Kotkin, 1997: 94–95].

С самого начала Р.Дж. Кернер объявил о необходимости подготовки многотомного библиографического исследования, которое бы содержало сведения о монографиях и статьях, опубликованных на трех упомянутых языках, а также разделы, посвященные описанию имевшейся источниковой базы и научных учреждений, действовавших на тот момент в России, Китае и Японии. По мысли Кернера, такое библиографическое исследование должно было предшествовать написанию монографий, связанных с тематикой семинара.

В сентябре 1931 г. группа японских офицеров устроила взрыв на одном из участков Южно-Маньчжурской железной дороги, что послужило «основанием» для оккупации японскими войсками всей Маньчжурии. Все это положило начало череде таких событий и процессов в Азии, которые полностью оправдали и подтвердили актуальность темы семинара, организованного Р.Дж. Кернером. В 1935 г. исследователь получил средства на поездку в Советскую Россию (с января по июль). В 1939 г. увидело свет обещанное им библиографическое исследование, содержащее около 14 тыс. названий на семи языках [Kerner, 1939].

В сентябре 1941 г. Р.Дж. Кернер составил последний отчет о работе семинара, в котором упоминалось о подготовке двух докторских диссертаций – Дж. Ланцева и Р. Фишера (их монографии увидели свет в 1943 г. [Lantzeff, 1943; Fisher, 1943]). В 1942 г. Р. Кернер опубликовал свою известную работу «Стремление к морю...» – краткую версию запланированного труда по истории «русской восточной экспансии» [Kerner, 1942], но к этому времени семинар в общем и целом прекратил свое существование. Позднее под руководством Р. Кернера защитилось более 30 аспирантов, в том числе такие специалисты по истории Сибири и Дальнего Востока, как Дж. Харрисон и А. Малоземов [Harrison, 1953; Malozemoff, 1958].

Успешной работе семинара препятствовало множество обстоятельств: языковой барьер, отсутствие единых методологических оснований, нехватка времени для подготовки фундаментальных научных исследований, а также политическая обстановка в Азии, затруднявшая взаимодействие ученых из разных стран. Следует упомянуть и о неровных отношениях Р. Керне-

ра со своими коллегами, а также о нехватке достаточного числа студентов, отвечавших высоким требованиям взыскательного научного руководителя. Но тема, выбранная Кернером, не утратила актуальности по сей день: Северо-Восточная Азия, действительно, начинает определять судьбы не только континента, но и всего мира, только роль ведущего игрока теперь принадлежит не России и Японии, а Китаю.

В области сибиреведческих исследований дело Р.Дж. Кернера продолжил его ученик, профессор Калифорнийского университета Дж. Ланцев (1892–1955), который во второй половине 1940-х гг. читал спецкурс по истории Сибири. В историографии приводятся свидетельства того, что отношения между Дж. Ланцевым и Р. Кернером были очень непростыми¹⁰, что, впрочем, не помешало Дж. Ланцеву подготовить ряд специалистов по истории Сибири, в их числе – Р. Пирс, Э. Доннели и др.

Вплоть до 1970-х гг. курс Дж. Ланцева оставался единственным спецкурсом по истории Сибири, читавшимся в американских университетах [Harrison, 1971: 10]. Став ординарным профессором только в 1955 г., Дж. Ланцев, не отличавшийся крепким здоровьем, в том же году умер от инфаркта. Его место в Беркли занял Н.В. Рязановский – ученик М.М. Карповича. В 1956 г. не стало и Р.Дж. Кернера, которого сменил М. Малиа.

Беркли остается одним из крупнейших центров руссиеведения в США: с 1957 г. в университете действовал Центр славянских и восточноевропейских исследований, с 2000 г. существует Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований. Традиции изучения сибирской истории в Калифорнийском университете сохранились и после ухода Р.Дж. Кернера и Дж. Ланцева, подтверждением чему могут быть,

---

¹⁰ По свидетельству Р. Фишера, другого ученика Р. Кернера, Дж. Ланцев в частных беседах критиковал своего учителя, утверждая, что издательский комитет Калифорнийского университета поначалу хотел отказать Р. Кернеру в публикации «Стремления к морю...», но тот заставил членов комитета все же утвердить монографию к печати. Имя Дж. Ланцева, как соавтора, должно было появиться на титульной странице, однако Ланцев, увидев конечный результат, якобы не захотел нести за него какую-либо ответственность, ограничившись упоминанием своего имени в предисловии. – См.: [Kotkin, 1997].

например, статьи М. Бассина¹¹, сотрудника департамента географии, или работы Ю. Слезкина, профессора департамента истории, опубликованные в 1980–1990-х гг.

Наряду с Беркли крупным центром сибиреведческих исследований в США являлся Гавайский университет, руководство которого уже в конце 1920-х гг. проявило интерес к проблемам, связанным с историей «русской восточной экспансии». В 1928 г. в университете выступил с докладом Ф.А. Голдер, в 1935 г. лекции читал Р.Дж. Кернер¹². В разное время лекции по истории России и Сибири здесь читали А.Дж. Мардер, М.М. Карпович¹³, Б. Дмитришин, Дж.П. Марч, Д.У. Тредголд.

Летом 1932 г. в университете открылась Школа тихоокеанских и тзиатских исследований, частично финансируемая Корпорацией Карнеги. С 1937/38 гг. лекции по истории России и Дальнего Востока читали новые сотрудники Школы – Дензел Карр и Клаус Менерт; их курсы лекций были включены в Программу дальневосточных исследований. В 1941 г. К. Менерт покинул Гонолулу, с 1947 г. его место в Гавайском университете занял Джон Алберт Уайт (1910–2011), специалист по истории Гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири [White, 1950, 1964, 1995]. В Гавайском университете Дж.А. Уайт с 1949 г. читал курс «Россия в Азии» (основные сюжеты – экс-

¹¹ Исследовательский интерес М. Бассина к сибирской проблематике проявился еще в период его работы в Университете Висконсина и послужил основанием для принятия ученого в число сотрудников Калифорнийского университета. Та же схема действовала и раньше – в 1940-х гг. профессор Университета Оклахомы С. Томпкинс был приглашен на исторический факультет Калифорнийского университета после выхода в свет его монографии «Аляска. Промышленник и первый поселенец» [Норманн, Оклахома, 1945 г.], написанной при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера.

¹² Р.Дж. Кернер читал два курса в течение летнего семестра 1935 г.: «Центральная Европа после 1867 г.» (исторический факультет) и «Новейшая история России» (Школа тихоокеанских и азиатских исследований). Концепцию Р. Кернера в дальнейшем в своих курсах развивали К. Менерт, Дж. Уайт и Дж. Стефан.

¹³ Летом 1955 г. М.М. Карпович читал в Гавайском университете два курса: «История Советской России» и «Интеллектуальная история современной России».

пансия Российской империи и Советского Союза на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке); в 1951–1956 гг. также вел семинар по русской истории для аспирантов.

В мае 1967 г. по инициативе Дж.А. Уайта создается Комитет русистических исследований (Russian Area Studies Committee) под председательством Р. Уэйда. Благодаря деятельности сотрудников нового научного центра студенты могли прослушать соответствующие курсы по истории, географии, политологии, религии, философии, русскому языку и литературе. В 1970 г. таких курсов было уже 27, читали их восемь профессоров на пяти факультетах. По итогам обучения выдавались сертификаты (к середине 2000-х гг. их было выдано около 30) [Polansky].

В 1984 г. Джон Стефан (р. 1941) возродил курс Дж.А. Уайта по истории освоения русскими Восточной Азии и Тихоокеанского региона, а в феврале 1986 г. возглавил вновь созданный Центр «Советский Союз в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Center for Soviet Union in the Asia Pacific Region – SUPAR), являвшийся структурным подразделением Школы азиатских и тихоокеанских исследований. В середине 1990-х гг. Центр из-за прекращения финансирования был закрыт. В 1996 г. Дж. Стефан организовал семинар по истории Сибири. К 2001 г. общее число студентов, посещавших его курсы, превысило 400 чел. из более чем двух десятков стран, в том числе СССР и России [Там же]. Одновременно Дж. Стефан сотрудничал с Центром Восток–Запад, созданным в Гонолулу в 1960 г. и готовившим, среди прочего, обзоры по ситуации в СССР и России.

После исчезновения СССР количество американских студентов, интересующихся российской и советской историей, резко сократилось. Крупными центрами изучения сибирской и дальневосточной проблематики остаются Вашингтонский университет и Университет Аляски (здесь в 1993 г. был создан Американо-Российский центр, специализированная исследовательская структура, ориентированная на изучение российского Дальнего Востока).

По наблюдениям Т.Г. Трояковой, лидером в области изучения экономической и социальной истории российского Дальнего Востока следует признать Центр изучения России, Вос-

точной Европы и Центральной Азии им. Г. Эллисона, существующий как структурное подразделение Школы международных отношений им. Г. Джексона в Вашингтонском университете (Сиэтл). В ноябре 2004 г. здесь проходила конференция, на которой директор Центра С. Хансон и директор Института Карнеги Б. Рубл выступили с докладом, в котором предложили «заняться восстановлением исследований по России в Соединенных Штатах» [Троякова, 2006: 127–128].

К числу научных центров, занимающихся проблемами освоения Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки, относятся и специальные исследовательские институты, созданные по инициативе самих историков. В их числе – Вениаминовский исследовательский институт, открывшийся в 1985 г. при Духовной семинарии св. Германа на Аляске. Одним из основателей и первым директором института (в 1985–1988) стал американский историк О. Кобцев. Институт располагает богатым архивным материалом, включающим документы Русской православной церкви на Аляске (1820–1940-х гг.), музейную коллекцию артефактов культуры аборигенного населения и пр. (Sibirica, 1986: 5). Сфера научных интересов сотрудников института включала в себя этнографию народов Аляски, историю христианства в Сибири, Русской Америке и других северных регионах Российской империи.

С конца 1970-х гг. активной разработкой вопросов сибирской истории занялось Орегонское историческое общество (г. Портленд), расширившее свои библиотечные и архивные фонды, издательскую деятельность, благодаря которой свет увидел сборник документов «В Сибирь и Русскую Америку» (To Siberia...). Наряду с этим в 1970–1980-х гг. Орегонское историческое общество содействовало переводу на английский язык и изданию русских источников в серии «North Pacific Studies Series» (под редакцией Т. Воона).

В 1988 г. при содействии американского правительства Орегонское историческое общество учредило Центр исследований Северо-Тихоокеанского региона, который проводил ежегодные конференции с участием крупнейших исследователей со всего мира. Среди наиболее активных деятелей центра – историки-

сибиреведы Б. Дмитришин (США) и Дж. Гибсон (Канада), продолжатели традиций Калифорнийской школы.

Заметный вклад в англоязычную историографию Сибири внесли сотрудники научных учреждений других стран: Канады (Дж.-Л. Блэк [Black J.-L., 1986, 1989], Центр изучения канадско-российских отношений, Карлтонский университет в Оттаве), Австралии (Д. Локвуд [Lockwood, 2003], Университет Мельбурна), Э. Джентес (Квинслендский университет)), Индии¹⁴.

Отдельного упоминания заслуживают специализированные центры изучения Арктики, прежде всего, Институт полярных исследований им. Р.Ф. Скотта, основанный в Кембридже в 1920 г. В 1930-х гг. Институт послужил базой для организации научных экспедиций в Арктику и Антарктику. В течение многих десятилетий его сотрудники (в их числе – известный историк Т. Армстронг) изучали самый широкий круг исторических, социально-экономических, естественнонаучных проблем, связанных с жизнью в полярных широтах¹⁵. С 1960-х гг. при Институте действует Шеклтонская мемориальная библиотека, фонды которой представляют большой интерес для специалистов, изучающих Арктику.

В 1945 г. американские и канадские ученые создали Арктический институт Северной Америки, с отделениями в Нью-Йорке и Монреале. С 1947 г. его сотрудниками велась работа по составлению «Арктической библиографии», предназначенной для Министерства обороны США и служившей ценным справочником для исследователей. Ее составители достаточно полно и оперативно вели учет публикациям, увидевшим свет на Западе и в СССР и посвященным арктической проблематике.

¹⁴ С 2007 г. Институт азиатских исследований им. Мауланы Абул Калам Азада (MAKAIAS) совместно с Институтом истории СО РАН (Новосибирск) и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН (Улан-Удэ) проводят международный научный семинар и публикуют результаты научных исследований, посвященных различным регионам Евразии, в том числе Сибири и Дальнему Востоку.

¹⁵ Примечательно, что в первой половине 1940-х гг. Институт им. Р. Скотта оказывал правительству помощь в создании оружия, одежды и оборудования, необходимых для ведения войны в условиях холодного климата.

С 1947 по 1975 г. вышло 16 томов «Арктической библиографии» (Arctic Bibliography..., 1953–1963, vol. I–XI; 1965–1976, vol. XII–XVII). С 1948 г. под эгидой этого Института издавался журнал «Арктика», до 1951 г. выходявший трижды в год, а затем – ежеквартально. В 1975 г. Институт стал структурным подразделением Университета Калгари.

В конце XX – начале XXI в. проблемы российского Крайнего Севера оказались в сфере внимания сотрудников Центра арктических исследований Смитсоновского института (США), департамента антропологии Университета Абердина (Великобритания), Института Макса Планка по этнологии (ФРГ)¹⁶. В 1997 г. группа студентов Венского университета, изучающих культурную антропологию и интересующихся проблемами Крайнего Севера, основала рабочую группу «Арктика и Субарктика»¹⁷.

* * *

«Исходным пунктом» немецкой славистики по праву считается г. Галле (Халле), где на рубеже XVII–XVIII вв. жил и работал А.Г. Франке (1663–1727) – сторонник пиетизма, основавший в Галле школьный городок (подробнее см.: [Winter, 1953; Hintzsche, 2000]). В 1698 г. Петр I поручил одному из своих приближенных, П. Постникову, посетить Галле и ознакомиться с существовавшей там системой образования. Все это положило начало масштабной программе студенческих обменов, при самом активном участии Университета Галле, где наряду с А.Г. Франке преподавал К. Вольф, продолжатель дела Г.В. Лейбница, ратовавшего за модернизацию России и превращение ее

¹⁶ Институт Макса Планка по этнологии открылся в мае 1999 г. Одно из основных направлений его работы связано с исследованием тех трансформаций, которые в современных условиях переживают малые народы Крайнего Севера. В Институте действует Центр сибирских исследований («Сибирская группа»; директоры – Крис Ханн и Гюнтер Шлее, координатор – Иоахим Отто Хабек), сотрудники которого изучают социально-экономические и социокультурные процессы в Западной Сибири, Якутии (Саха), Эвенкии, на Чукотке и Камчатке.

¹⁷ Участники группы проводят тематические конференции и оказывают содействие в публикации научных работ, связанных с арктической проблематикой. – См. официальный сайт: www.sub-arctic.ac.at.

в истинно европейскую страну¹⁸. Несмотря на то, что К. Вольф отклонил предложение о работе в Петербургской академии наук, он в дальнейшем оказывал помощь в поиске и отправке в Россию студентов, в основном из германоязычных стран.

С Университетом Галле были связаны многие немецкие ученые, работавшие в России: первый президент Петербургской академии Л. Блюментрост; руководитель Академической гимназии Г.З. Байер – один из первых исследователей истории и языков народов Юго-Восточной Сибири; организатор первой научной экспедиции в Сибирь Д.Г. Мессершмидт; участник Второй Камчатской экспедиции Г.В. Стеллер (Штеллер) и др.

В XVIII в. список немецких ученых – исследователей Сибири дополнили И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, К.Г. Мерк и др.; в XIX в. – А. фон Шамиссо, А. фон Гумбольдт, Г.Х. фон Лангсдорфф, А.Т. фон Миддендорф, А. Эрман, Г. Радде, К.Э. фон Бэр, О. Финш, А. Брем. Как заметил современный немецкий исследователь Д. Дальман [Dahlmann, 2009], почти все они находились на службе у русского правительства или, подобно А. фон Гумбольдту, путешествовали по приглашению монархов и высокопоставленных вельмож, что, безусловно, не умаляло значимость их научных достижений.

В самой Германии XIX в. был отмечен новым всплеском интереса к Сибири. Во второй половине столетия немецкие авторы все отчетливее осознавали действительный экономический потенциал региона. В работах К. фон Цепелина, Г. Крамера, К. Виденфельда, опубликованных на рубеже XIX–XX вв., затра-

¹⁸ В эпоху, когда русские только начали осваивать Сибирь, западноевропейская общественность охотно читала сообщения о малоизвестных уголках Московского царства. Среди тех, кто живо интересовался владениями России в Азии, был Г.В. Лейбниц, мечтавший проложить через Сибирь торговые маршруты в Китай, тем самым приблизив высоко ценимую им китайскую культуру к европейцам. В конце XVII в. Лейбниц разработал программу модернизации России, превращения ее в неотъемлемую часть Европы. Важной составляющей этой программы было создание в России современной системы образования и науки, в том числе учреждение Академии. В период между 1711–1716 гг. Лейбниц трижды встречался с Петром I, дав тому несколько ценных советов, которыми русский царь, по-видимому, воспользовался. Подробнее см.: [Hintzsche, 2000].

гивались проблемы истории Сибири, рассматривались перспективы хозяйственного освоения этого региона, роль Транссибирской магистрали, экономическая и военная политика русского правительства в Азии [Krahmer, 1897; Wiedenfeld, 1900; Zepelin, 1907–1911].

В начале XX в. в Берлине появились специальные исследовательские структуры, ориентированные на изучение истории восточноевропейских государств, включая Россию. В 1902 г. в Университете Фридриха Вильгельма (ныне Университет им. Гумбольдта) начал работу Семинар по истории Восточной Европы¹⁹. В 1913 г. в столице Германии учреждается Немецкое общество по изучению Восточной Европы, объединившее специалистов высших учебных заведений, редакторов и журналистов.

В июле 1918 г. в Бреслау основан Институт Восточной Европы (функционировал до 1945 г.), послуживший образцом для других центров «остфоршунга», возникших в межвоенный период (в Кенигсберге, Берлине, Лейпциге) [Spiga, 1959]. В 1925 г. профессор Берлинского университета и основатель Немецкого общества по изучению Восточной Европы Отто Хетцш (1876–1946) учредил журнал «Osteuropa».

В 1920-е гг. Сибирь привлекала внимание немецких исследователей как пример успешного освоения огромного «жизненного пространства» на востоке Евразии. По словам С. Коткина, некоторые немецкие специалисты, в том числе и «пионер остфоршунга» О. Хетцш, стремились объединить изучение восточных регионов СССР с исследованием стран Азии, полагая, что Россия протянула через Сибирь своего рода «мост между культурами Европы и Азии».

Разработка вопросов сибирской истории могла быть более плодотворной, если бы немецкие исследователи не оказались жертвами политической ситуации в нацистской Германии. К примеру, О. Хетцш лишился своей университетской должности в

¹⁹ В 2002 г. в Гумбольдтовском университете состоялась конференция, посвященная 100-летию Семинара по истории Восточной Европы. Ее участники проанализировали опыт изучения истории восточноевропейских стран немецкими учеными в XX в. и оценили перспективы развития данного историографического направления.

1935 г., после того как согласился стать научным руководителем аспиранта – польского еврея [Burleigh, 1988]. В итоге его работа, посвященная истории Азиатской России, долгое время оставалась неопубликованной и увидела свет уже после смерти автора [Hoetzsch, 1966].

В 1930–1940-х гг. одним из наиболее авторитетных представителей «остфоршунга» был ученик О. Хетцша – Клаус Менерт, сыгравший заметную роль в истории не только немецкой, но и американской исторической науки. В начале 1930-х гг. К. Менерт являлся сторонником «Черного фронта» О. Штрассера, но в 1932 г. подвергся нападкам со стороны «коричнево-рубашечников», а в 1936 г. отказался от должности корреспондента нацистских изданий. Данное обстоятельство позволило К. Менерту получить работу в Гавайском университете, где он предложил собственную программу изучения истории «русской восточной экспансии».

Однако и в Гонулулу К. Менерт столкнулся с множеством трудностей, поскольку не захотел отказаться от немецкого гражданства и публично осудить нацистов. В итоге он был вынужден подать в отставку и покинуть университет в июне 1941 г., после чего совершил многочисленные поездки по Азии в качестве журналиста и вернулся в Западную Германию после войны. В 1946 г. К. Менерт был полностью оправдан американским трибуналом в Германии. В 1950-х гг. историк являлся советником канцлера ФРГ К. Аденауэра, в 1970-х гг. – канцлера Г. Шмидта. В то время К. Менерт вновь неоднократно посещал США, выступал с лекциями в Гавайском университете, несмотря на обвинения, продолжавшие звучать в его адрес²⁰. Оставляя в стороне политические взгляды К. Менерта, отметим, что при-

²⁰ В США К. Менерта обвиняли в нелояльности, шпионаже, антисемитизме и даже в том, что именно он подал японцам идею атаковать Пирл-Харбор (в августе 1949 г. об этом писал журнал «TIME»). Историки ГДР именовали К. Менерта «нацистским шпионом». Так, Б. Шпиру сообщает, что в 1941–1945 гг. Менерт по заданию Риббентропа издавал в Шанхае газету «The XX Century», считавшуюся рупором нацистской пропаганды, а также читал лекции в немецкой Медицинской академии в Шанхае, после чего в 1947 г. был выслан из Китая. — Подробнее об этом см.: [Spiru, 1959: 56–57; Rediscovering Russia..., 1995].

менительно к сибирской проблематике он разделял мнение своего учителя, О. Хецша, об актуальности сопоставления исторического опыта различных регионов Европы и Азии, а также отдавал должное усилиям русских по созданию континентальной державы.

В послевоенное время в ФРГ сложилась разветвленная сеть учреждений, занимавшихся изучением истории СССР (в том числе истории Сибири). В ноябре 1949 г. в Штутгарте воссоздается Немецкое общество по изучению Восточной Европы. В 1951 г. начал работу Институт Восточной Европы при Свободном университете в Западном Берлине, деятельность которого финансировалась различными промышленными фирмами и официальными органами ФРГ, США и Западного Берлина [Восленский, 1966]. В 1952 г. в Мюнхене открылся Институт Восточной Европы (в 2007 г. переехал в Регенсбург, в 2012 г. объединился с Зюдост-Институтом в Институт изучения Восточной и Южной Европы). Помимо федеральных структур финансирование исследований осуществлялось через благотворительные фонды – Круппа, Тиссена, Фольксвагенверк, фонды политических партий ФРГ (фонд Аденауэра – ХДС, фонд Ханса Зиделя – ХСС).

Среди немецких авторов, затрагивавших в своих работах различные вопросы сибирской истории, представителями научных учреждений были Г. Штёкл и Ф. Жуайе (Кельнский университет), Г. Штаттмюллер (в 1960–1963 гг. – директор Мюнхенского института Восточной Европы), Д. Гайер (директор Института восточноевропейской истории и страноведения в Тюбингенском университете) [Stoeckl, 1953; Joyeux, 1981; Stadtmüller, 1963; Geyer, 1976: 273–296], Д. Дальманн (заведующий кафедрой восточноевропейской истории в Рейнском университете им. Фридриха Вильгельма, Бонн) и др.²¹

Специальных периодических изданий, посвященных истории Сибири и Дальнего Востока в ФРГ не выпускалось, но ряд статей по теме публиковался в журналах, посвященных исто-

²¹ Важно отметить, что Д. Дальманн в 1996 и 2005 гг. проводил в Рейнском университете семинары по истории Сибири.

рии Восточной Европы и России: «Труды Института Восточной Европы. Серия «История» (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts: Reihe Geschichte), «Ежегодники истории Восточной Европы» (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas), издаваемые с 1953 г. мюнхенским Институтом Восточной Европы, а также в «Ежегоднике всемирной истории», «Берлинском ежегоднике восточноевропейской истории» (в 1990-х гг.) и др. В отличие от своих коллег в США, Канаде и Великобритании западногерманские исследователи не проявляли инициативы в деле создания специализированных сибиреведческих центров.

В то же время в Восточной Германии сформировалась группа специалистов (Э. Винтер [Daniel Gottlieb Messerschmidt..., 1962–1977], Г. Мюльпфордт [Mühlpfordt, 2001], П. Хоффман [Hoffmann, 2005]), изучавших историю научных экспедиций в Сибири в XVIII в. Во главе группы стоял Эдуард Винтер (1896–1982) – австрийский историк, после Второй мировой войны переехавший в Восточную Германию, где сначала работал в Галле, затем – в Берлине. В течение послевоенного периода история российско-немецких научных контактов и академических экспедиций в XVIII в. послужила предметом многочисленных исследований У. Германа, Э. Матеса, Э. Доннерта, У. Грабоша и др. [Donnert, 1983; Gehrman, 1993; Grabosch, 1985; Matthes, 1981]²². В мюнхенском Институте Восточной Европы аналогичную проблематику разрабатывал Г. Робель [Robel, 1979, 1980, 1987a, 1987b, 1992].

В течение последних трех десятилетий, как в западной, так и в восточной частях Германии сибиреведческими исследованиями занимались Л. Томас (Ludmila Thomas) В. Хинцше (Wieland Hintzsche), Н. Вайн (Norbert Wein), Й. Штадельбауер (Joerg Stadelbauer), К. Вайсс (Claudia Weiss), Э.-М. Столберг (Eva-Maria Stolberg), С.К. Франк (Susi K. Frank) [Dahlmann, 2009: 16].

После 1990 г. в объединенной Германии ведущим центром сибиреведческих исследований вновь становится Галле, где в рамках сотрудничества между Фондом Франке, Архивом Российской академии наук (Санкт-Петербург) и Институтом исто-

²² О современных исследованиях, посвященных научному наследию Г.Ф. Миллера, см.: <http://www.muller.org.ru/> (дата обращения: 25.12.2012).

рии СО РАН (Новосибирск) публикуется серия «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» (документы, научные отчеты и описания путешествий участников Второй Камчатской экспедиции – Г.В. Стеллера, И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова и др.)²³; проводятся многочисленные конференции и выставки²⁴. По признанию участников проекта, плодотворное сотрудничество между немецкими и российскими учеными стало возможным после того, как в 1992 г. Фонд Франке вновь обрел утраченную в 1946 г. самостоятельность.

Роль специализированных исследовательских структур, созданных на Западе с целью изучения сибирской проблематики, трудно переоценить. Такие научные центры позволили объединить усилия самого широкого круга специалистов для решения масштабных задач (например, создания архивных и книжных коллекций, перевода и публикации источников, проведения международных научных форумов и пр.), способствовали сохранению и передаче накопленного научного опыта новым поколениям исследователей, сделали возможным поступательное развитие рассматриваемого историографического направления даже в периоды относительного спада общественного интереса к прошлому и настоящему Сибири.

1.2. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В XX в. для западных специалистов работа в архивах и библиотеках Российской империи, а затем и в СССР, была, как правило, сопряжена с множеством трудностей, зачастую непреодолимых. В таких условиях особое значение приобретали уси-

²³ Подробнее о документальной серии см. в следующем параграфе.

²⁴ Международные конференции, посвященные Г.В. Стеллеру, проводились в 1994 и 1996 гг., Г.Ф. Миллеру и И.Г. Гмелину – в 2005 г. В 1999 г. в рамках Дней культуры Германии в Новосибирске, Тюмени, Санкт-Петербурге работала передвижная выставка «*Terra Incognita Sibirien*». В сентябре 2005 г. состоялся научный симпозиум «Три столетия академических исследований Югры – от Миллера до Штейница». В 2006–2012 гг. в Галле при участии Фонда Франке и Международного общества Г.В. Стеллера проводились российско-немецкие научные форумы, посвященные различным проблемам и персоналиям, связанным с историей академических экспедиций в Сибири в XVIII в.

лия зарубежных исследователей, направленные на создание книжных и архивных коллекций «россики» в их собственных странах.

На Западе наиболее крупными собраниями таких материалов располагают научные и образовательные центры США. Первые, совсем небольшие библиотеки славянской литературы появились в Новом Свете уже в XVIII в. благодаря стараниям членов Американского философского общества в Филадельфии (с 1743 г.) и Американской академии искусств и наук в Бостоне (с 1780 г.). В XIX в. книги, изданные в России, регулярно пополняли фонды Библиотеки Конгресса, Йельского, Гарвардского и Корнельского университетов, Нью-Йоркской публичной библиотеки. С 1880-х гг. обмен книжными изданиями между США и Россией осуществлялся на основе официального межгосударственного соглашения [Пивоваров, 2007].

В 1906 г. Библиотека Конгресса приобрела коллекцию книг и рукописей, собранных сибирским купцом и библиофилом Г.В. Юдиным (1840–1912) (см.: [Преображенский, 1961; Штейн, 1991; Половникова, 1996, 2003; Пивоваров, 2001; Еще раз о библиотеке..., 1992]). В 1904 г. Юдин впервые разместил в иностранных газетах объявление о продаже библиотеки, насчитывавшей к тому времени около 80 тыс. томов. Отклик поступил лишь из Библиотеки Конгресса США, администрация которой направила в Красноярск своего представителя для осмотра коллекции. По итогам экспертизы американцы согласились приобрести библиотеку за 100 тыс. руб. (40 тыс. дол. США). Предложенная цена сначала не устроила Юдина, однако следующий, 1905 год, с его бурными революционными событиями, заставил владельца библиотеки всерьез задуматься о ее будущем и поспешить с заключением сделки.

Большую роль в судьбе юдинского книжного собрания сыграл выходец из России, сотрудник Библиотеки Конгресса А.В. Бабин (1866–1930), который не только перевозил книги в Вашингтон, но и опубликовал описание коллекции на английском и русском языках. По его оценкам, действительная стоимость книжного собрания в 3 раза превышала сумму, выплаченную Г.В. Юдину.

Президент США Т. Рузвельт в письме к Г. Патнему, директору Библиотеки Конгресса, по достоинству оценил приобретение юдинского собрания: «Этим поступком Вы обеспечили Библиотеке Конгресса ведущее место в славянской библиографии не только в США, но, насколько я могу судить, и где бы то ни было за пределами России». Обработкой материалов лекции занимались А.В. Бабин, М.З. Винокуров, Г.К. Дерман, сотрудники Славянской секции Библиотеки Конгресса, созданной в 1917 г. на волне возросшего интереса американцев к России и Восточной Европе.

Среди прочего коллекция Г.В. Юдина включала в себя многочисленные материалы по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америке (карты, записки путешественников, материалы Российско-Американской компании и пр.) (подробнее см.: <http://international.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfsplash.html>). Впрочем, как отмечает современный исследователь Е.Г. Пивоваров, при всем значении коллекции Юдина, с самого начала ее приобретение не привело к качественным изменениям в американских славистических (и, добавим, сибиреведческих) исследованиях. Из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных специалистов, способных хотя бы частично обработать, классифицировать и каталогизировать приобретенные издания, юдинское собрание в течение долгого времени оставалось недоступным для американских читателей.

Библиотека Конгресса располагает и другими материалами, имеющими отношение к Сибири и Русской Америке. В Рукописном отделе хранятся документы, собранные Ф.А. Голдером в Петрограде в 1914 г. [Dubie, 1989; Zalewski, 1985; Болховитинов, 1990: 344; 1991: 278; Петров, 2000] (рукописи, относящиеся к экспедиции В. Беринга, деятельности РАК, продаже Аляски в 1867 г.; материалы «Исследовательского проекта по истории Аляски», участники которого в течение 1936–1938 гг. собрали 15 томов машинописных копий документов, о деятельности РАК; собрание документальных источников «Россия – Москва», содержащее в том числе предписания Сената относительно академических экспедиций в Сибири в XVIII в. и т. д. [Пивоваров, 2007].

Наиболее крупной коллекцией, хранящейся в Рукописном отделе, являются архивы Русской православной церкви на Аляске, полученные М.З. Винокуровым в 1927–1940 гг. [Белобородько, 1969]. В 1983 г. после смерти М.З. Винокурова Историческая библиотека штата Аляска приобрела коллекцию микрофиш с копиями собранных им книг, рукописей, журналов, фотографий и других документов, касающихся Восточной Сибири и Русской Америки. Обработку материалов осуществила сотрудница Библиотеки Конгресса А. Шэлкоп, при участии профессора антропологии Л. Блэк (Университет штата Аляска, г. Фэрбенкс) и специалиста по истории Русской Америки Р.А. Пирса [Vinokoureff, 1986; Pierce, 1986; Самсонова, 2002].

В конце XX в. доступ к библиотечным фондам был облегчен благодаря активно развивавшимся Интернет-технологиям. Программа Национальной цифровой библиотеки, с момента ее реализации в 1995 г., обеспечила распространение во всемирной сети высококачественных копий рукописей, карт, аудио- и видеозаписей, фотографий и печатных изданий, включая материалы, имеющие отношение к истории России и Сибири. В 1997–1998 гг. на волне дискуссии между сенатором Т. Стивенсом и директором библиотеки Дж. Биллингтоном возник проект «Встреча на границах» (Meeting of Frontiers), нацеленный на создание цифровой коллекции материалов, повествующих об освоении и заселении Сибири и российского Дальнего Востока, о встрече русских и американцев на Аляске и северо-западном побережье Америки (URL: <http://international.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfhome.html>). Повышенный интерес западной общественности к истории русско-американских контактов, как и в начале XX в., был обусловлен радикальными изменениями, происходившими в политической и экономической жизни России на рубеже 1980–1990-х гг.

В декабре 1999 г. открылся сайт «Встреча на границах». К участию в проекте были привлечены РГБ (Москва) и РНБ (Санкт-Петербург), Институт «Открытое общество», Библиотека Расмусона (Университет штата Аляска в Фэрбенксе), Институт истории СО РАН и Государственная публичная научно-техническая библиотека (Новосибирск), Томский и Иркутский государствен-

ные университеты, музеи Омска, Томска, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Улан-Удэ. В 2001–2002 гг. сканировались материалы в Новосибирске и Иркутске. Одновременно Библиотека Конгресса заключила договор с Государственной библиотекой Геттингенского университета о создании цифровых копий материалов из коллекции Г.Т. фон Аша. На сайте «Встреча на границах» также размещены некоторые материалы библиотеки Г.В. Юдина.

Наряду с Библиотекой Конгресса значительные коллекции материалов, связанных с Россией, имеются в хранилищах Гуверовского института войны, революции и мира (в системе Стэнфордского университета), библиотек Гарвардского и Колумбийского университетов (Бахметьевский архив), Музея русской культуры в Сан-Франциско. В большинстве случаев такие документальные собрания появлялись благодаря усилиям исследователей – выходцев из России.

В США наиболее известным и успешным собирателем русских материалов стал Ф.А. Голдер. В 1903 г. он предпринял первую попытку получить средства на поездку в Россию для работы в архивах, но тогда его усилия не увенчались успехом. В 1912 г. Голдер обратился с просьбой о содействии к историку Дж.Ф. Джеймсону – редактору журнала «American Historical Review» и руководителю департамента исторических исследований в Институте Карнеги в Вашингтоне. Джеймсон поддержал инициативу Голдера, поскольку сам давно вынашивал идею создания каталога материалов, хранящихся в российских архивах и имеющих отношение к американской истории.

В феврале 1914 г., получив от Джеймсона рекомендательные письма к видным российским историкам, А.С. Лаппо-Данилевскому и С.М. Горяинову (директору Архива МИД), Голдер приехал в Россию. В течение нескольких месяцев историк работал в архивах Гидрографического департамента, Академии наук, Военного министерства и др. Плодотворной работе помешала начавшаяся война, и в ноябре Ф.А. Голдер был вынужден вернуться в США²⁵. Несмотря на то, что командировка в Рос-

²⁵ На обратном пути Ф.А. Голдер пересек всю Сибирь и Тихий океан. Позже он вспоминал, что прибыл в Сиэтл, имея в кармане лишь счет от врача и 50 центов, взятых в долг.

сию оказалась не слишком продолжительной, Ф.А. Голдер сумел подготовить «Указатель материалов по американской истории в русских архивах», опубликованный в 1917 г. и содержащий перечень документов по истории дипломатических отношений между Россией и США [Golder, 1917].

В 1916 г. в связи с приближающейся 50-летней годовщиной продажи Аляски Американское географическое общество обратилось к Ф.А. Голдеру с просьбой вновь совершить поездку в Петроград, чтобы найти в архивах и перевести на английский язык журнал Г.В. Стеллера – участника Второй Камчатской экспедиции. В феврале 1917 г. Голдер отбыл на пароходе из Сиэтла во Владивосток, а уже 4 марта (по нов. стилю) прибыл в столицу Российской империи. Несмотря на бурные политические события, историк не прерывал свои архивные изыскания. По собственному признанию Голдера, об отречении Николая II он узнал, направляясь в библиотеку²⁶.

По условиям контракта с Вашингтонским университетом в Пуллмане (Washington State College, Pullman) Ф.А. Голдер должен был вернуться в США к началу учебного года, и уже в августе он покинул Петроград. За считанные месяцы, проведенные в революционной России, историк все же успел собрать необходимый материал (лоцманские книги, официальные рапорты, журнал Г.В. Стеллера), впоследствии включенный в его двухтомный труд «Плавание Беринга...» [Golder, 1922–1925]; (URL: <http://archive.org/details/beringsvoyagesac02gold>). Кроме того, ему удалось вывезти в США коллекцию различных материалов (книг, газет, листовок, прокламаций и т. п.), связанных с революционными событиями.

---

²⁶ Вместе с тем историк находил время и для расширения круга полезных знакомств. По просьбе американского посла Ф.А. Голдер сопровождал Президентскую комиссию железнодорожных инженеров, направлявшихся из Сибири в Петроград, а затем совершивших поездку по городам Европейской России. Во время одной из поездок Голдер познакомился с П.Н. Милюковым, который еще летом 1914 г. переправил в Финляндию свою богатую коллекцию русских книг. Голдер заручился согласием Милюкова по поводу отправки книг в США (сейчас они хранятся в Калифорнийском университете).

В 1920 г. историк отправился в трехлетнюю поездку по Восточной Европе и Ближнему Востоку с целью сбора книг и рукописей для фондов Библиотеки Гувера. В Советской России, при содействии А.В. Луначарского и М.Н. Покровского, ему удалось собрать несколько десятков тысяч разнообразных материалов²⁷. Коллекция Ф.А. Голдера, хранящаяся в Гуверовском институте, включает в себя письма, дневники, копии архивных документов по истории России XIX – начала XX в., в том числе источники по истории освоения Аляски и деятельности Русско-Американской компании (URL: <http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/tf0w10010v/admin/>). Меньшая по объему коллекция документов, собранных Голдером, находится в другом книжном хранилище Стэнфордского университета – Библиотеке С.Х. Грина. Среди этих рукописей – источники, имеющие отношение к Первой Камчатской экспедиции В. Беринга и истории Русской Америки (URL: <http://cdn.calisphere.org/data/13030/33/tf2t1n9933/files/tf2t1n9933.pdf>).

В Библиотеке Гуверовского института также хранится коллекция А.Я. Гутмана-Гана (1873 – после 1933), собиравшего материалы по истории Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке [Полански, 2002; Polansky, 2006]. Библиотека Йельского университета располагает коллекцией материалов, собранных В. Ладом-Моцарским и связанных с Россией и Русской Америкой²⁸ (часть его коллекции хранится в библиотеке Университета штата Аляска в Фэрбэнксе).

Среди русских эмигрантов крупным коллекционером был А.С. Лукашкин (1902–1988) – сын сотрудника КВЖД, создатель «Дальневосточного архивного фонда», насчитывающего 101 наименование дореволюционных периодических изданий. Коллекция находится в Музее русской культуры в Сан-Франциско, которым долгое время руководил А.С. Лукашкин; копии изданий в виде микрофильмов хранятся в Беркли и Стэнфорде.

²⁷ В частности, среди приобретений Ф.А. Голдера оказались дневники петроградского архивиста Г.А. Князева и московского историка Ю.В. Готье.

²⁸ Валериан Ладом-Моцарский (1898–1971) – финансист, сын царского генерала, эмигрировал из России накануне революции, учился в Колумбийском университете.

Обширное собрание книг по истории «русской восточной экспансии» имеется в библиотеке Гавайского университета²⁹. Начало коллекции положил К. Менерт, его дело продолжили библиограф Патрисия Полански и историк Джон Стефан, который приобретал книги во время своих многочисленных поездок в СССР, а впоследствии организовывал регулярный книжный обмен с советскими библиотеками. В начале 2000-х гг., завершив преподавательскую деятельность, Дж. Стефан передал библиотеке этого университета собственную коллекцию материалов по истории российского Дальнего Востока, Китая и Японии.

В Библиотеке Байе Университета Мельбурна хранится крупнейшая в Австралии коллекция материалов о России, собранная К.М. Хотимским (1915–1990) – русским эмигрантом, уроженцем Томска. При участии Хотимского формировались коллекции «россики» в Библиотеке Фишера Сиднейского университета и Русском эмигрантском архиве Австралийского национального университета (г. Канберра).

Американский историк русского происхождения Дж.А. Ленсен после стажировки в СССР в начале 1960-х гг. привез коллекцию микрофильмов с редкими архивными документами. В 1981 г., уже после смерти Ленсена, собранную им обширную коллекцию разнообразных материалов по истории Азиатской России (кроме микрофильмов и ксерокопий она включает в себя около 4 тыс. томов печатных изданий) приобрел Центр славистики в Университете Хоккайдо (Саппоро).

В Национальном архиве США (Вашингтон) находится архив г. Ново-Архангельска (1802–1867), переданный США по условиям договора о продаже Аляски. Материалы по истории Русской Америки, собранные Г.Г. Бэнкрофтом в процессе работы над «Историей Аляски», имеются в Бэнкрофтской библиотеке Калифорнийского университета в Беркли. Там же хранится коллекция материалов Р.Дж. Кернера, подаренная биб-

²⁹ Среди исследователей, пользовавшихся материалами библиотеки, был А.С. Уайтинг (р. 1926) – выпускник Колумбийского университета, автор известной на Западе книги «Siberian development and East Asia: threat or promise?». Stanford Univ. Press, 1981.

лиотеке в 1957 г. его вдовой и включающая в себя микрофильмы, более тысячи книг и брошюр, а также несколько сотен экземпляров периодических изданий.

Источниками по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки располагают Орегонское историческое общество (г. Портленд, США), Музеи Вениаминова и Баранова на Аляске (г. Кадьяк, США), Институт европейских и российских исследований (до 1998 г. – Институт советских и восточноевропейских исследований) Карлтонского университета (Оттава) [Dmytushyn, 1990: 32; Kobtzeff, 1986: 5].

Национальный архив Соединенного Королевства (в 2003 г. под этим названием объединились Публичный архив и Комиссия по историческим рукописям), расположенный в Лондоне, содержит документы, связанные с деятельностью Московской компании, активно участвовавшей в открытии Северного морского пути в XVI – начале XVII в.³⁰, различные материалы по истории Сибири XVIII в., собранные английскими дипломатами и путешественниками, посещавшими Российскую империю; материалы по истории Русской Америки, в том числе из фонда Компании Гудзонова залива. В Британском музее хранится архив английского путешественника и историка У. Кукса (1747–1804) – автора наиболее ранних в английской историографии специальных работ по сибирской истории [Болдырева, 1960]. Школа славянских и восточноевропейских исследований располагает коллекцией документальных источников по истории Сибири и Дальнего Востока, собранных Б. Пэрсом.

При всем разнообразии и обширности имеющихся на Западе документальных и книжных коллекций, зарубежные сибиреведы неизменно стремились получить доступ к советским ар-

³⁰ Организованные в конце XVI в. на деньги торговой Московской компании плавания Уиллоуби и Ченслера, Пита и Джекмена в Северном Ледовитом океане – самостоятельная и очень важная страница европейской колонизации Северной Азии, неизменно привлекавшая внимание зарубежных исследователей. – См.: (The Encyclopedia Britannica, 1946: 291); [Armstrong, 1984: 429; Stewart, 1984].

хивам и библиотекам³¹. Такая возможность представилась в середине 1950-х гг., в условиях относительного улучшения отношений между Западом и СССР периода «оттепели». В числе немногих молодых специалистов, получивших разрешение на стажировку в столичных вузах, оказались и исследователи истории русского «продвижения на восток».

Так, в ЛГУ стажировались Э. Доннели (в 1958–1959 гг.) и Дж. Ленсен (1961 г.). В Москве в качестве сотрудников дипломатических ведомств работали Р. Квестед и Г. Хуттенбах. В последующие десятилетия СССР в научных целях посетили Р. Пирс, Дж. Гибсон, А. Вуд, Г. Баррэт, Дж. Стефан, С. Маркс и др. Канадский историк Дж. Гибсон работал в Архиве Географического общества СССР, ЦГАДА (ныне – РГАДА), ЦГИА (РГИА). Его соотечественник Г. Баррэт получил доступ к фондам ЦГИА ЭССР (Тарту) и архива Эстонского государственного исторического музея (Таллинн). Британский историк А. Вуд, побывавший в СССР в 1978 г., изучал материалы архивов г. Иркутска. В 1980-х гг. С. Маркс работал с фондами ЦГАОР (ныне – ГА РФ).

Впрочем, большинство западных исследователей имели дело преимущественно с опубликованными источниками. Кроме того, ими активно использовались многочисленные труды русских и советских историков, имеющиеся в фондах Британской библиотеки и Библиотеки Конгресса, книжных хранилищах Вашингтонского, Гарвардского, Калифорнийского, Оксфордского, Принстонского университетов.

Наиболее часто исследователи обращались к многотомным документальным изданиям XIX – начала XX в.: «Акты исторические» (в 5 т. СПб., 1841–1842), «Дополнения к актам историческим» (в 12 т. СПб., 1846–1872), «Памятники сибирской истории XVIII в.» (в 2 т., СПб., 1882–1885), «Полное собрание русских летописей» (в 24 т. СПб., 1841–1914), «Полное собра-

³¹ Некоторые исследователи считали работу в русских архивах не столь уж необходимой. По мнению Дж. Харрисона, «архивная работа в Советском Союзе не всегда плодотворна, хотя бы по той причине, что многие архивы со временем были уничтожены. В ряде случаев архивы, особенно провинциальные, закрыты для использования». – См.: [Harrison, 1971: 128].

ние законов Российской империи с 1649 г.» (в 44 т. СПб., 1830), «Сибирские летописи» (СПб., 1907), сборники Императорского Русского исторического общества (в 148 т. СПб., 1867–1916) и «Акты археографической экспедиции» (в 4 т. СПб., 1836).

Западные авторы использовали материалы периодических изданий («Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», «Журнал Министерства народного просвещения»), сборники документов, изданные советскими историками С.Б. Окунем, М.И. Беловым и др. [Окунь, 1936; Русские мореходы..., 1952].

Многие источники по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки были переведены и опубликованы на английском и немецком языках, что сделало их доступными для самой широкой читательской аудитории. В этой связи необходимо отметить заслуги таких исследователей, как Т. Армстронг, Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон, Б. Дмитришин, Д. Коллинз, Р. Пирс, П. Полански, Р. Фишер и др.

В начале XX в. британский ученый и путешественник Дж.Ф. Баддели (1854–1940) в течение нескольких лет переводил на английский язык источники по истории русско-монгольско-китайских отношений в XVII в., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Итогом его работы стала публикация двухтомного сборника документов «Россия, Монголия, Китай...» [Baddeley, 1919]. Первый том издания содержит пространное введение с историческим и географическим разделами, а также оригинальные тексты некоторых документов (статейных списков, писем и др.), ранее не публиковавшихся не только на английском, но и на русском языке. Во втором томе опубликованы англоязычные тексты документов, связанных с миссиями И. Петрова и В. Тюменца, И. Петлина и А. Мундова, Ф.И. Байкова, Н.Г. Спафария и др.

В 1974 г. Издательство Хаклитовского общества опубликовало сборник первоисточников под названием «Поход Ермака в Сибирь» [Armstrong, 1974]. Наряду с текстами царских указов и грамот 1558–1584 гг., содержание которых связано с продвижением русских за Урал, составители сборника (Т. Армстронг, Т. Минорски, Д. Уайлман) перевели на английский язык и опубликовали.

ликовали тексты сибирских летописей (Строгановской, Есиповской, Ремезовской), сопроводив их текстологическими комментариями³².

В 2000 г. увидела свет серия репринтных изданий «Сибирские открытия», подготовленная к печати британским историком Д.Н. Коллинзом [Collins, 1991]. В рамках этой серии Д. Коллинз переиздал на английском языке источники нарративного характера: записки и воспоминания участников посольских миссий (И. Идес, А.Брандт), ученых и инженеров (С. Бергман, Ч.Г. Хууз, А. Нобл), путешественников (Ф. Нансен), предпринимателей (М. Прайс, С. Тернер), журналистов (И. Стадлинг, Р.Л. Райт, Б. Дигби), политических и общественных деятелей (И.В. Шкловский, В.М. Зензинов), в разное время побывавших в Сибири [Siberian Discovery, 2000].

Свой вклад в публикацию источников по сибирской истории внесли также американские и канадские исследователи. С 1972 г. в издательстве Р. Пирса в г. Кингстон (Канада) публиковались труды по истории Аляски и северной части Тихоокеанского региона, в том числе записки Е.Е. Врангеля, Г.И. Давыдова, Я.Е. Нецветова, Г.И. Шелихова, атлас М.Д. Тебенкова в 30-томном издании «Alaska History Series» [Davydov, 1977; Wrangell, 1980; Shelikhov, 1981; Tebenkov, 1981; The Journals of Iakov Netsvetov..., 1980]. Совместно с Э. Доннели Р. Пирс опубликовал работы В.Н. Берха и П.А. Тихменева [Berkh, 1974; Tikhmenev, 1978]. В 1970–1980-х гг. сотрудники Центра исследований Северо-Тихоокеанского региона (г. Портленд; США) Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон перевели на английский язык и опубликовали труды С.П. Крашенинникова, К.Т. Хлебникова, П.Н. Головина и др. [Golovnin, 1983; Explorations of Kamchatka...,

³² Исходные тексты взяты из сборника «Сибирские летописи» (СПб.: Имп. Археогр. комиссия, 1907) и ПСРЛ (т. 14. 1-я половина. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец / под ред. С.Ф. Платонова и П.Г. Васенко. СПб., 1910). Одновременно в СССР готовилось издание сибирских летописей, увидевшее свет в рамках «Полного собрания русских летописей» в 1987 г. (т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. М.: Наука, 1987).

1972; Colonial Russian America..., 1976; The End of Russian America..., 1979; The Wreck of the Sv. Nikolai..., 1985; Soft Gold..., 1985].

Во второй половине 1980-х гг. супруги Воон издали сборник документов «В Сибирь и Русскую Америку», подготовленный к печати в сотрудничестве с Б. Дмитришиным (To Siberia and Russian America..., 1985–1988). Трехтомное документальное издание снабжено иллюстрациями, картами, примечаниями, указателями. Каждый том предваряет вступительная статья, посвященная соответствующему периоду в истории Сибири, а также предисловие с изложением принципов издания, разъяснением терминов, устаревших слов и т. п. В сборник включены некоторые редкие, ранее не публиковавшиеся документы из коллекции Г.В. Юдина, фондов Национального архива США, рукописного отдела Библиотеки конгресса в Вашингтоне и Бэнкрофтской библиотеки в Беркли. Издание вызвало положительные отклики не только западных, но и отечественных специалистов, поскольку опубликованные в нем источники, по словам Н.Н. Болховитинова, дают в целом объективную картину колонизации русскими Сибири и северо-западной части Американского континента [Болховитинов, 1991: 254].

Западногерманские историки получили возможность изучения новых источников по истории Сибири благодаря сотрудничеству Академии наук ГДР и советских историков, работавших над документальной серией «Источники и исследования по истории Восточной Европы». В рамках серии публиковались не только научные монографии, но и ранее не издававшиеся записки путешественников (например, труд Д.Г. Мессершмидта «Научные экспедиции в Сибирь» [Messerschmidt, 1962–1977]).

В результате договоренности между Министерством высшего образования СССР, Академией наук СССР и Немецким исследовательским обществом (Бонн Бад Годесберг) в 1958 г. западногерманским историкам была предоставлена возможность посещать СССР, однако такие поездки были редкими. Большинство исследователей предпочитали работать с фондами немецких архивных и книжных хранилищ, например, Баварской государственной библиотеки в Геттингене или библиотеки Ин-

ститута восточноевропейской истории при Свободном университете в Западном Берлине) [Geyer, 1976: 276–277].

Ценным источником по истории Сибири служат изданные на немецком языке труды исследователей Сибири XVII–XVIII вв. – голландца Н. Витзена, шведа Т. Страленберга, швейцарца Г. Фриза, немцев П.С. Палласа, И. Георги и др. [Fries, 1955; Georgi, 1779; Ides, 1707; Pallas, 1771–1801; Strahlenberg, 1730; Witsen, 1975]. Огромный интерес западных исследователей вызывали труды участников Второй Камчатской экспедиции, характеризующие состояние естествознания в эпоху Раннего Просвещения и затрагивающие темы из самых разных областей науки (геология, география, этнология, история и пр.) [Fischer, 1768; Mueller, 1777–1779, 1761–1764; Neudruck, 1973; Steller, 1774, 1793].

С конца 1990-х гг., вследствие того, что была опубликована лишь малая часть материалов этой экспедиции, немецкие исследователи В. Хинцше, Т. Николь, Д. Дальман совместно с российскими историками (А.Х. Элерт, О.В. Новохатко и др.) осуществляют издание документальной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». В рамках серии на немецком и русском языках публикуются документы, научные отчеты и описания путешествий участников Камчатской экспедиции, прежде всего Г.Ф. Миллера, Г.В. Стеллера, С.П. Крашенинникова, И.Э. Фишера и др. [Steller, Fischer, 2009; Muller, 2010; Миллер, 2009; Источники по истории Сибири..., 1998; Вторая Камчатская экспедиция..., 2001, 2009; Quellen zur Geschichte..., 2000a, 2000b, 2001, 2004].

Западные исследователи активно используют разнообразный фактический материал, содержащийся не только в документальных изданиях, но и в трудах русских историков. Из числа отечественных сибиреведов XIX в. наиболее часто западные авторы ссылаются на работы П.А. Словцова, Н.М. Ядринцева, А.С. Сгибнева, П.Н. Буцинского, В.И. Вагина, а также фундаментальный труд Н.Н. Оглобина [1895–1900]. По справедливому замечанию американского историка Б. Дмитришина, благодаря тому, что Оглобин ввел в научный оборот множество новых источников, его «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» стало основным вторичным источником для всех си-

биреведов. Среди дореволюционных историков, чьи работы высоко ценят представители западной историографии, следует также назвать профессора Харьковского университета П.Н. Буцинского [1893а, 1893б, 1889].

Из числа советских сибиреведов наиболее авторитетным для западных исследователей остается С.В. Бахрушин³³, в разное время подвергавшийся в отечественной историографии критике за лестные отзывы о Г.Ф. Миллере; преувеличение роли купцов и «промышленников» в освоении Сибири; недооценку правительственной и крестьянской колонизации и той пользы, которую принесли русские переселенцы сибирским «инородцам». В свою очередь, западные историки разделяли многие выводы С.В. Бахрушина, о чем свидетельствуют частые ссылки на его работы.

Об интересе западных исследователей к работам источниковедческого характера свидетельствует активное изучение за рубежом научного наследия другого советского историка-сибироведа – А.И. Андреева, подготовившего совместно с С.В. Бахрушиным публикацию «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, а позднее издавшего серию работ по источниковедению Сибири и сборник документов «Русские открытия в Тихом океане – Северной Америке в XVIII в.» [М., 1944]. В 1952 г. данный сборник был переведен и издан на английском языке [Andreev, 1952; Dmytryshyn, 1990b: 28].

К числу наиболее цитируемых на Западе советских историков относится и В.И. Шунков, концепция которого о ключевой роли крестьянства в колонизации Сибири вполне соответствовала не только официальной точке зрения советской науки, но и выводам некоторых западных исследователей, например, представителей Калифорнийской школы. В работах англо- и германоязычных авторов, посвященных истории взаимоотношений пришлого и коренного населения Сибири, активно использовался материал, собранный советским этнографом В.Г. Богоразом (см., например: [Vogoras, 1904]), а также сведения, со-

³³ Пожалуй, наибольшей популярностью пользуется монография С.В. Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (М., 1927).

державные в фундаментальном труде Б.О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» [М., 1960]. Кроме того, западные историки широко используют монографии В.И. Огородникова [1924], М.И. Белова [1955, 1969], «Историю Сибири» под редакцией А.П. Окладникова [1968], работы А.А. Введенского по истории торгового дома Строгановых [1962], С.Б. Окуня – по истории Российско-Американской компании [1939] и др.

Отдавая должное достижениям советской историографии, западные авторы все же уделяют преимущественное внимание работам своих соотечественников. К числу наиболее цитируемых западных исследователей относятся Дж. Баддели, Ф.А. Голдер, Дж. Кеннан, Э. Равенштейн, представители Калифорнийской школы – Р.Дж. Кернер, Дж. Ланцев, Р. Фишер. Современные сибиреведы часто ссылаются на работы Т. Армстронга, Г. Баррэта, М. Бассина, А. Вуда, Дж. Гибсона, Б. Дмитришина, Д. Коллинза, Дж. Ленсена, С. Маркса, М. Раева, Ю. Слезкина, Дж. Стефана, Д. Тредголда.

Ценность работ указанных авторов определяется хорошим знанием первоисточников, а пересмотр предложенных ими концепций напрямую зависит от дальнейшего расширения источниковой базы западного сибиреведения. Так, в свое время более внимательное изучение документальных источников позволило Р.Дж. Кернеру и Р. Фишеру опровергнуть некоторые выводы Ф.А. Голдера. В свою очередь, концепция Р. Кернера была отчасти пересмотрена Дж. Ланцевым, Р. Пирсом и Р. Фишером, на основе более внимательного изучения документальных материалов. Вместе с тем Дж. Гибсон, опираясь на изучение соответствующих источников, обосновал ряд предположений Р. Кернера о причинах колонизации русскими Дальнего Востока и Северной Америки.

Несмотря на разнообразие источников по истории Сибири, хранящихся в архивах и библиотеках за пределами России, перед западными исследователями по-прежнему стоят задачи дальнейшего расширения источниковой базы, более активной работы в российских архивах, изучения достижений отечественного сибиреведения.

1.3. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В XX в. в западной историографии, посвященной истории присоединения и освоения Сибири, наибольшее распространение получила концепция «русской восточной экспансии», разработанная американскими историками Ф.А. Голдером и Р.Дж. Кернером. Современная исследовательница В.Н. Чернавская [1994] выделила три основных периода в истории западного сибиреведения, при этом критерием периодизации послужила эволюция содержания концепции «русской восточной экспансии». По мнению В.Н. Чернавской, первый период начался со второй половины XIX в., второй пришелся на 1920–1930-е гг., третий охватывал 1940–1970-е гг. Принимая данную схему за основу, необходимо все же внести в нее ряд уточнений.

Во второй половине XIX в. сложная политическая ситуация на Дальнем Востоке придала особую актуальность и остроту вопросу о направлениях и целях «русской восточной экспансии», однако, как справедливо отмечает сама В.Н. Чернавская, подозрения, высказанные Т. Аткинсоном, Дж. Керзоном, А. Краузе и другими исследователями, относительно колонизаторских и имперских планов России, были отвергнуты рядом авторов (например, Дж.Ф. Райтом³⁴, Дж. Линчем), что уже ставит под сомнение существование стройной концепции, особенно в части ее исходных постулатов [Atkinson, 1860; Curzon, 1894; Krausse, 1900; Lynch, 1903; Wright, 1903].

На рубеже XIX–XX вв., в англо-американской исторической литературе были сформулированы основные причины продвижения русских на восток: «алчность колонизаторов», приведшая к непрерывной погоне за пушниной (данный фактор впервые в американской историографии отметил Г. Бэнкрофт; впоследствии он рассматривался в работах Ф.А. Голдера, Дж.Ф. Райта и др.);

³⁴ По замечанию В.Н. Чернавской, труд Дж. Райта представляет собой один из последних образцов описательной литературы, в котором большое внимание уделено физической географии региона – непосредственной специальности автора, а также описанию многих сторон жизни русского Дальнего Востока второй половины XIX в. Однако работа Дж. Райта не отличалась подробным рассмотрением вопросов сибирской истории.

поиск выхода к морю; также стремление колонистов к обретению личной свободы [Bancroft, 1970; Golder, 1914]. Нельзя утверждать, что западная историография удовлетворилась данными выводами, носившими явно предварительный характер. Все указанные причины относятся к числу конкретных мотивов, побуждавших к действию, но содержание процесса «русской восточной экспансии» ими отнюдь не исчерпывалось.

Анализ социально-экономических и политических факторов сибирской колонизации определил содержание следующего этапа, которому в периодизации В.Н. Чернавской соответствуют 1920–1930-е гг., когда в западной историографии выработывались общие схемы русской истории, а также общеметодологические основы ее изучения. По мнению исследовательницы, в этот период особое развитие получила «евразийская концепция» истории России, нашедшая отражение в работах Г.В. Вернадского и впитавшая в себя ряд положений русской дореволюционной историографии о важном значении географического фактора, колонизационного движения, «борьбы леса со степью» и т. п. [Vernadsky, 1954].

Влияние этих идей В.Н. Чернавская считает определяющим для ученых Калифорнийской школы, в первую очередь, Р.Дж. Кернера [Чернавская, 1994: 196]. Действительно, американский историк высоко отзывался о работах Г.В. Вернадского. Но в этой связи необходимо заметить, что, во-первых, по утверждению самого Р.Дж. Кернера, его интерес к теме возник в процессе написания библиографического обзора работ по истории России, а своими предшественниками он считал З. Ходаковского, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского³⁵. Уловив тенденцию поиска фундаментальных причин русской колонизации, Р.Дж. Кернер обобщил накопленный историографический опыт и предложил новую «формулу» исторического процесса, поручив ее проверку на сибирском материале своим ученикам.

---

³⁵ Примечательно, что в своей более поздней работе В.Н. Чернавская определила в качестве методологической основы работы Р.Дж. Кернера уже не исследования Г.В. Вернадского, а труды С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. – См.: [Чернавская, 1995].

Таким образом, второй этап в развитии концепции «русской восточной экспансии» следует увязать с деятельностью Р.Дж. Кернера и других представителей Калифорнийской школы. Хронологически он охватывал 1930–1970-е гг. В свою очередь, внутри данного этапа можно выделить период 1960–1970-х гг., когда ведущую роль играли представители младшего поколения учеников и последователей Р.Дж. Кернера – Р. Пирс, Дж. Гибсон, Э. Доннели, Дж. Харрисон и др.

На протяжении всего XX в. концепция «русской восточной экспансии» ассоциировалась прежде всего с именами Ф.А. Голдера и Р.Дж. Кернера. Главное различие подходов, предложенных американскими историками, заключалось в той роли, которую они отводили политическим факторам – правительственной политике, планам имперской экспансии, роли центральных и местных властей в колонизации Сибири, Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона.

Р.Дж. Кернер, стремившийся объяснить прочность позиций России в Северной Азии, основное внимание уделял социально-экономическим и географическим факторам, способствовавшим процессу колонизации. Признавая злоупотребления местных властей, историк расценивал правительственную политику в отношении колоний как вполне разумную и эффективную. С точки зрения Ф.А. Голдера, торговые интересы России за Уралом всегда подкреплялись силой оружия, местная администрация действовала практически бесконтрольно, и в целом процесс колонизации имел для коренного и пришлого населения Сибири гораздо больше негативных последствий, чем позитивных.

Нельзя забывать, что Ф.А. Голдер работал в более ранний период, когда специальное изучение вопросов сибирской истории на Западе только началось, а тема «русской экспансии» имела явное политическое звучание, поскольку интересы России на востоке входили в противоречие с устремлениями других колониальных держав, присутствовавших в Тихоокеанском регионе.

Авторы первых специальных работ по истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока не были профессиональ-

ными историками. В 1861 г. в Лондоне вышла в свет монография чл.-кор. Франкфуртского географического общества, сотрудника топографического отдела британского военного министерства Э.-Г. Равенштейна (1834–1913) «Русские на Амуре. Его открытие, покорение и колонизация», явившаяся, по сути, откликом на плодотворную деятельность графа Н.Н. Муравьева-Амурского по укреплению позиций России на Дальнем Востоке.

Э.-Г. Равенштейн представил политику русского правительства на Дальнем Востоке как последовательную и планомерную, направленную на упрочение русского присутствия. По его мнению, русские никогда не забывали о Приамурье, о чем свидетельствовали многочисленные планы его присоединения и освоения. Впрочем, Э.-Г. Равенштейн воздержался от политических оценок дипломатических документов, связанных с историей российско-китайских отношений.

Британский журналист А.С. Краузе (1859–1904) в работе «Россия в Азии. Хроника и исследование (1588–1899)», опубликованной в Лондоне в 1900 г., полагал, что Россия пыталась установить контроль над Северным Китаем подобно тому, который осуществлялся в отношении Бухары, а за строительством Транссиба должна была последовать новая попытка России завоевать мир [Krausse, 1900: XXIV]. Вместе с тем, Краузе не пытался представить Россию исключительным агрессором, но, напротив, довольно высоко оценивал достижения русских.

В своей более ранней работе «Дальний Восток. Его история и его вопрос» А.С. Краузе писал: «Чем больше я всматриваюсь в государственное управление России, тем сильнее восхищаюсь им, как примером несокрушимого триумфа разума над простой разумностью. Но, восхищаясь ее успехами, я не могу не замечать ужасных последствий для интересов Великобритании, и тем сильнее моя убежденность в том, что исследователь, показывающий способы достижения этого успеха и выявляющий средства, которые можно этому успеху противопоставить, выполняет свой долг в отношении страны, которую он с гордостью называет своей...» [Krausse, 1899: 6]. По его мнению, место России должна была занять Британская империя, при этом судьбы покоренных народов не имели большого значения, по-

скольку «цивилизация, благодаря своему превосходству в силе и ресурсах, должна восторжествовать, а мятежное варварство должно сдаться на милость наций, которыми оно пренебрегало» [Ibid].

К сочинениям А.С. Краузе по духу близка работа немецкого автора – генерал-майора К. фон Цепелина (1841–1913), вышедшая в Берлине в 1909 г. под названием «Дальний Восток, его история, его развитие в новейшее время и его положение после Русско-японской войны». Историю освоения русскими Дальнего Востока автор фактически представлял как череду военных кампаний, что совпадало и с взглядом А. Краузе на историю России как историю завоеваний, обусловленных потребностью государства в выходе к морю. Оценка положения России на Дальнем Востоке К. фон Цепелин также давал с военно-стратегической точки зрения [Zepelin, 1909, с 12].

В первые десятилетия XX в. тема «русской восточной экспансии» оказалась в центре внимания западных историков благодаря Ф.А. Голдеру, впервые предложившему целостный взгляд на процесс продвижения русских в Сибирь и на Дальний Восток [Golder, 1914]. В предисловии к своей работе Ф.А. Голдер заявлял, что не намерен уделять слишком большого внимания отдельным персоналиям – участникам историческим событий, поскольку они были лишь частицами общего процесса, подчинившего себе этих отчаянных, смелых, но, в сущности, обыкновенных людей, в действиях которых, по мнению историка, не было ничего героического [Golder, 1914: 14]. Вместе с тем монография Ф.А. Голдера почти полностью посвящена описанию деятельности конкретных землепроходцев и мореплавателей, достижения которых автор был готов признать не всегда.

В отличие от А.С. Краузе, вполне искренно восторгавшегося успехами русских на пути создания «колониальной империи», Ф.А. Голдер, наблюдавший резкие изменения в мире и в самой России в первые десятилетия XX в., был достаточно осторожен в оценках результатов «колониального строительства» России в Тихоокеанском регионе. При этом он не предлагал какой-либо стройной концепции и не подкреплял свои спор-

ные и разрозненные умозаключения основательной разработкой источников.

По верному замечанию современного исследователя С. Хэйкокса, в течение многих десятилетий западные историки были вынуждены опираться лишь на работы своих соотечественников, выразивших преимущественно негативное отношение к действиям русских на Дальнем Востоке, Тихом океане и в Русской Америке – предприятию, якобы с самого начала обреченному на провал [Наусох, 1990: 233]. Начало данной историографической традиции положили историк Аляски Г. Бэнкрофт [Bancroft, 1886] и его последователь в XX в. – Ф.А. Голдер.

В годы «холодной войны» западные историки охотно писали об агрессивном, военном характере колонизации Сибири и Дальнего Востока, сходстве методов русских и западноевропейских колонизаторов. Идеи Ф.А. Голдера об имперских целях «русской восточной экспансии» получили развитие в работах Дж. Ланцева [Lantzeff, 1947], А. Сокола [Sokol, 1952], Э. Хельцле [Holzle, 1954; Преображенский, 1962] и др.

По мнению В. Конноли, Россия была активным проводником интересов «колониального империализма», хотя отсутствие естественных барьеров между метрополией и колониями значительно облегчало их экономическую интеграцию и ускорило процесс колонизации [Корчагин, 1995; Conolly, 1967b: 8; Conolly, 1975a: 31]. Британский советолог В. Коларц (1912–1962) и американский историк Л. Тиллетт (1923–1992) считали представления о «мирном вхождении» Сибири в состав России историографическим мифом, созданным советскими историками. По мнению В. Коларца, российский колониализм был даже более агрессивным, чем колониальная политика других стран [Kolarz, 1953; Tillet, 1969: 3–4, 7–8, 15–16].

В монографии Дж. Ленсена «Русский натиск на Японию: русско-японские отношения в 1697–1875 гг.» одна из глав посвящена общей характеристике «русской восточной экспансии» [Lensen, 1959]. Указав на различные факторы этого процесса, Дж. Ленсен пришел к выводу, что именно погоня за пушниной привела не только к «освоению, покорению и колонизации региона», но и к покорению коренного населения и созданию

жестокой и коррумпированной системы управления. Откровенно негативистский подход автор подкреплял цитатами из монографии Ф.А. Голдера.

В 1972 г. в Стэнфорде под редакцией профессора У. Вучинича³⁶ увидел свет сборник статей «Россия и Азия: очерки влияния России на азиатские народы» [Vucinich, 1972]. Авторы статей этого сборника описывали освоение русскими Сибири и Дальнего Востока исключительно в терминах империализма и колониализма. Аналогичных взглядов придерживались и составители сборника «Русский империализм от Ивана Великого до революции» (под ред. Т. Хунсцака) [Russian Imperialism..., 1974]. В частности, западногерманский историк Э. Саркисьянц³⁷ в статье «Осмысление русского империализма» утверждал, что в отличие от европейской колонизации, русская экспансия на восток не была спонтанным процессом, ей предшествовала многовековая история поглощения русскими евразийских племен лесных охотников и степных кочевников [Sarkisyantz, 1974: 67–68]. Рассматривая сибирскую колонизацию как процесс подчинения пришлым русским населением коренных народностей Сибири, Саркисьянц пришел к выводу, что Российская империя руководствовалась (и продолжает руководствоваться), в первую очередь, идеологическими, а не биологическими критериями идентичности. Американский историк Г. Хуттенбах (Университет Нью-Йорка) увязывал освоение Сибири с решением внешнеполитических задач Российского государства [Huttenbach, 1974: 18].

В 1976 г. в Лондоне открылся Институт проблем мусульманских меньшинств, сотрудники которого стали заниматься сбором информации об условиях жизни мусульман в различных странах мира. Объединение усилий этого института и Американской ассоциации изучения народов Советского Союза и

---

³⁶ Ученик Р.Дж. Кернера, У. Вучинич в годы Второй мировой войны и некоторое время после ее окончания сотрудничал с рядом внешнеполитических ведомств США в качестве консультанта по ситуации в Восточной Европе.

³⁷ Э. Саркисьянц (р. 1923) – почетный профессор Гейдельбергского университета, в 1950-х гг. являлся сотрудником Внешнеполитической ассоциации ФРГ.

Восточной Европы привело к изданию в 1988 г. в Нью-Йорке сборника статей «Русская колониальная экспансия до 1917 г.» [Russian Colonial Expansion..., 1988]. Один из авторов проекта – С. Абедин, директор Института проблем мусульманских меньшинств, признавал, что отнюдь не всегда русские колонизаторы сталкивались на своем пути с народами, исповедующими ислам, однако русская экспансия до последнего времени осуществлялась преимущественно за счет территорий, населенных мусульманами [Ibid: VII].

Редактором сборника выступил американский историк М. Рывкин – профессор Нью-Йоркского университета и сотрудник Государственного департамента США. М. Рывкин рассматривал Россию как единственную сохранившуюся до наших дней континентальную империю, чьи владения многими ошибочно не воспринимаются как колониальные. Актуальность сборника М. Рывкин обосновывал необходимостью опровержения выводов советских историков, изображающих Россию носителем прогресса и цивилизации и представляющих колониальную экспансию как мирный процесс, а покорение некоторых народов оправдывающих соображениями безопасности границ Русского государства [Ibid: XI]³⁸.

Следует все же заметить, что в отличие от многих своих последователей, занимавшихся изучением сибирской истории, Ф.А. Голдер считал необходимым объединить усилия западных и советских исследователей с целью написания обобщающих трудов по истории России. Можно предположить, что осуществление данного проекта позволило бы пересмотреть традиционные для западной историографии представления о причинах и последствиях «русской экспансии», ее завоевательном, неизменно агрессивном, «колонизаторском» характере.

Кроме того, к концу 1920-х гг. стало очевидно, что работы Ф.А. Голдера во многом устарели. Под влиянием Р.Дж. Кернера американские историки стремились расширить круг исследовательских проблем, глубже понять отдельные аспекты «русской восточной экспансии». В частности, пристальное внима-

³⁸ Подробнее см.: [Ананьев и др., 2006].

ние уделялось действиям русских на западном побережье Северной Америки. В 1931 г. в серии «Записок Американского библиографического общества» Р.Дж. Кернер напечатал свое библиографическое исследование «Русская экспансия в Америке: ее библиографические основания» [Kerner, 1931].

Научные интересы Р.Дж. Кернера разделяли многие его коллеги по Калифорнийскому историческому обществу, которое в 1933 г. выпустило в свет сборник «Русские в Калифорнии», включавший, в частности, статьи профессора Э. Эссига «Русское поселение Форт Росс» и «Библиография, посвященная русским в Калифорнии», а также статью вице-президента Педагогического колледжа г. Сан-Франциско, историка Дж. Дюфура и выпускницы Калифорнийского университета А. Огден, посвященные хозяйственной деятельности жителей Русской Америки и продаже Аляски [The Russians in California, 1933].

В конце 1930-х гг. Р.Дж. Кернер подготовил к печати двухтомный труд, посвященный обзору письменных источников по истории Северо-Восточной Азии и опубликованный в 1939 г. в Беркли под названием «Северо-Восточная Азия: избранная библиография» [Kerner, 1939]. По признанию историка, в процессе работы над библиографическим исследованием у него возник интерес к вопросу о причинах и сущности продвижения русских на восток. Стремление ученого ответить на сугубо теоретические вопросы и выработать новую концепцию, позволяющую хотя бы отчасти объяснить сложные исторические процессы, привело к созданию известного труда «Стремление к морю: курс русской истории...» [Kerner, 1946]. Предложенная Р.Дж. Кернером концепция истории русской колонизации, одним из направлений которой было освоение Северной Азии, по сути, основывалась на выводах русских историков С.М. Соловьева и В.О. Ключевского о значении колонизационных процессов в истории России³⁹.

³⁹ Основные принципы своей теории «колонизации» С.М. Соловьев изложил в статье «О влиянии природы русской государственной области (Отечественные записки. 1850. Т. 69, № 4. Апрель. Отд. II. С. 229–244). Как показал венгерский исследователь Ш. Сили, многие идеи С.М. Соловьев почерпнул из трудов Г.Ф. Миллера, Н.И. Надеждина, З. Доленги-Ходаковского, не-

Наиболее важным фактором данного процесса Р.Дж. Кернер считал «стремление к морю». Как отмечал В.К. Яцунский, ссылки на научные труды, которые сделал Кернер «при самой постановке проблемы, указывают, что теоретически он стоит в этом вопросе на позициях французской географической школы», представители которой (П. Видаль де ла Блаш, Л. Февр) полагали, что «географическая среда отнюдь не определяет развитие общества – она лишь предоставляет возможности, использование или неиспользование которых определяется... историческими условиями развития того человеческого общества, которое окружено данной географической средой [Яцунский, 1945: 194]. В отечественной историографии Р.Дж. Кернер подвергся критике за «географический детерминизм», недооценку народной колонизации, ее сельскохозяйственного характера, а также за преувеличение роли торговли мехами [Яцунский, 1945: 195]. При всех недостатках предложенной Кернером концепции, его работа имела большое значение, поскольку в ней определялось теоретическое направление дальнейших исследований темы, подчеркивалось значение социально-экономических факторов колонизации.

Концепция «колонизации» находила своих сторонников среди западных сибиреведов и в последующие десятилетия. Впрочем, как отмечали составители сборника «Заселение российских окраин...», во второй половине XX в. западная историография, посвященная русской колонизации, была не столь обширна, как советская [Peopling the Russian..., 2007]. Зарубежные историки, находившиеся под влиянием концепций В.О. Ключевского и его учеников – П.Н. Милюкова и М.К. Любавского,

---

мецкого географа К. Риттера, представителей западноевропейского позитивизма. Ш. Сили также предположил, что С.М. Соловьев был знаком с трудами создателей «теории колонизации» Э. Уэйкфилда и Г. Меривейла, рассматривавших «колонизацию» как социально-экономический процесс, в ходе которого приехавшие в колонии для окончательного поселения иммигранты из метрополий занимают и осваивают земли, не вовлеченные в аграрное производство [Merivale, 1928; Wakefield, 1969]. Впрочем, по мнению Ш. Сили, в работах С.М. Соловьева семантика слова «колонизация» не несет в себе социально-экономических моментов (подробнее см.: [Сили, 2002]).

безоговорочно приняли тезис о фундаментальном значении колонизационных процессов и сосредоточили основное внимание на том, чтобы донести содержание трудов русских историков до западной аудитории. Западные исследователи оспорили утверждения советских коллег, преувеличивавших, с их точки зрения, «чистоту помыслов» русских землепроходцев и «прозорливость» создателей советской плановой экономики.

Вместе с тем единой концепции или подхода к изучению колонизации Сибири не существовало. «Колониальная» политика царизма в Северной и Центральной Азии подвергалась критике одними исследователями и превозносилась другими. Одновременно в их работах ощущалось влияние тех процессов, которые переживала западная историческая наука в период между 1950-ми – началом 1990-х гг. В частности, прослеживается смещение акцента с изучения общественно-политических процессов на проблемы социальной истории, хотя в течение всего указанного времени не утратили свою актуальность историко-экономические, историко-демографические и историко-географические исследования [Treadgold, 1957; Göhrke, 1968; Demko, 1969; Coquin, 1969; Bartlett R.P., 1979; Anderson B., 1980; Pallot, Shaw, 1990; Judge, 1992].

Составители сборника справедливо полагали, что большая часть исторических исследований, посвященных проблемам колонизации и вышедших до 1990-х гг., касалась преимущественно позднеимперского периода, в ущерб более ранним и более поздним эпохам. В результате «великая сибирская миграция» рубежа XIX–XX вв. выглядела неким исключительным явлением, а не просто одним из этапов долгой колонизационной истории. На Западе почти не изучались отдельные категории переселенцев (женщины, представители различных религиозных течений, ссыльные, «репрессированные»), история межкультурных и межэтнических контактов, экологические последствия колонизации.

Даже государственная политика, будучи наиболее тщательно исследованным аспектом колонизационного процесса, рассматривалась почти исключительно в контексте анализа отдельных инициатив, выдвигавшихся в различные периоды истории

и нацеленных на освоение того или иного региона. При этом основной акцент делался на сопоставлении первоначальных намерений и итоговых результатов, а вопросы управления и идеологии специально не рассматривались. Иными словами, в период «холодной войны» исторические исследования, посвященные российской колонизации, отличались информативной насыщенностью и, вместе с тем, были немногочисленными; столь же ограниченным был их методологический инструментарий. По своему характеру они являлись скорее эмпирическими, нежели концептуальными, специальными (монообъектными), а не сравнительными [Peopling the Russian Periphery..., 2007].

К числу таких специальных исследований, посвященных отдельным проблемам сибирской колонизации, следует отнести работы учеников Р. Дж. Кернера – Дж. Ланцева и Р. Фишера. Монография Дж. Ланцева «Сибирь в XVII в. Исследование колониальной администрации», ставшая первым в западной историографии специальным исследованием по истории местного управления Сибири, написана в основном в русле концепции Р. Дж. Кернера [Lantzeff, 1943]. В отличие от своего учителя, Дж. Ланцев отмечал преобладание в XVII в. вольнонародной колонизации над государственной, указывал на активное развитие сельского хозяйства в Сибири. Фактически автор поставил задачу всестороннего изучения истории социально-экономического развития Сибири на раннем этапе ее освоения. Однако он сам в дальнейшем сосредоточился преимущественно на изучении политических и идеологических аспектов сибирской колонизации.

Ранняя смерть Дж. Ланцева в 1955 г. не позволила ему закончить исследование по истории формирования русской «колониальной империи». Работу продолжил его ученик – канадский историк Р. Пирс, переработавший и дополнивший рукописные материалы своего учителя и в результате в 1973 г. в Монреале была издана монография «На восток – к империи. Освоение и завоевание открытой границы России (до 1750 г.)» [Lantzeff, Pierce, 1973]. В этой книге продвижение России на восток рассматривается как «огромное торговое предприятие государства», приходившее в упадок по мере истребления сибирского

пушного зверя. Одновременно русское правительство решало и политические задачи, связанные с укреплением восточных рубежей империи и покорением соседей, что, по мнению Дж. Ланцева и Р. Пирса, было обусловлено психологией превосходства, типичной для всех «экспансионистских наций», а у русских начавшей формироваться чуть ли не со времен Владимира Святого и Крещения Руси.

Вопросам социально-экономической истории Сибири посвящена монография профессора Калифорнийского университета Р. Фишера «Русская пушная торговля, 1550–1700». В его книге анализируется лишь один из факторов, имевших, по его мнению, принципиальное значение для успешной колонизации Сибири, хотя историк признавал, что освоение Сибири было обусловлено совокупностью политических, социально-экономических и социально-психологических причин [Fisher, 1943].

В 1960-х – середине 1970-х гг. наиболее активно историю сибирской колонизации изучали представители младшего поколения историков Калифорнийской школы – Р. Пирс, Дж. Харрисон, Э. Доннели [Donnelly, 1968]. К их числу следует отнести и канадского историка, профессора Йоркского университета (Торонто) Дж. Гибсона. Предметом его исследований являлась хозяйственная деятельность русских колонистов на Дальнем Востоке и в Северной Америке, а это потребовало привлечения обширного фактического и историографического материала [Gibson, 1969, 1976]. Дж. Гибсон посвятил ряд статей общей характеристике русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, а также эволюции представлений правительства и народа о сибирской колонии [Gibson, 1968, 1972, 1990, 1991, 1993].

По верному наблюдению составителей сборника «Заселение русской окраины», с 1990-х гг. характер опубликованных на Западе исследований по истории русской колонизации радикальным образом изменился, что отражало существенные перемены, происходившие в исторической науке вообще и в изучении российской истории в частности [Peopling the Russian Periphery..., 2007]. Историки получили доступ к ранее закрытым для них архивам. С ослаблением идеологического диктата появились основания для изучения преемственности между ко-

лонизационными процессами в различные периоды российской истории, а также для признания сходства между русской колонизацией — с одной стороны, и европейской, азиатской и т. д. — с другой⁴⁰.

Как и вся российская историческая наука, направление, связанное с историей колонизации, испытало на себе влияние «лингвистического поворота», «новых историй» — социальной, культурной, имперской. Узконаправленное изучение колонизационной политики сменилось исследованиями политической культуры, т. е. более глубоких изначальных представлений о территории, населении, его классовой и половой структуре, просвещении и прогрессе, механизмах и содержании власти, тех самых представлений, которые формировали правительственный подход к колонизации как государственному проекту [Khodarkovsky, 2002; Brower, 2003; Marks, 1995; Bassin, 1993; Moon, 1997; Ремнев, 2002; Sunderland, 2004, 2003; et al.].

В конце XX в. различным проблемам истории сибирской колонизации посвятили свои работы А. Вуд, Б. Дмитришин, Дж.-Л. Блэк, Дж. Гибсон. Влияние идеологии на правительственную политику в Сибири анализируется в серии статей сотрудника департамента географии Калифорнийского университета М. Бассина [Bassin, 1983, 1988, 1991]. Эволюцию правительственной политики в отношении аборигенного населения Сибири и роль идеологии в колонизационном процессе изучал Ю. Слезкин [Slezkine, 1994] — также сотрудник Калифорнийского университета.

Сторонником концепции «колонизации» выступил американский историк С. Маркс, который вписал массовые крестьян-

---

⁴⁰ В новейшей отечественной историографии примером такого сравнительного исследования может быть монография Ю.Г. Акимова «Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций» (СПб., 2010). Историк отметил, что характер заселения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв., определявшийся почти исключительно промысловой колонизацией, больше напоминал ситуацию во Французской Канаде, чем в английских колониях. Последние также отличались от французских и русских колониальных владений более высоким уровнем гражданских свобод. — См.: [Воробьев, 2011].

янские переселения за Урал, имевшие место в конце XIX – начале XX в., в общий процесс европейской колонизации [Marks, 1995]. По его признанию, западные историки часто не уделяют должного внимания роли России в этом глобальном процессе, хотя среди всех примеров колонизации в новейшей истории немногие страны могут сравниться с успешностью освоения Сибири, куда в течение 1891–1914 гг. прибыло примерно 5 млн крестьян.

По мнению С. Маркса, европейский империализм в большинстве случаев выступал проявлением экономического и военного могущества, тогда как продвижение русских на восток свидетельствовало, скорее, о геополитической слабости России. С самого начала колонизация Сибири характеризовалась «стремлением к однородности, которая противопоставлялась разнообразию элементов, образовавших империю», и лишь усиливала национальные противоречия, требуя перекачки скудных финансовых и интеллектуальных ресурсов на окраины, подальше от центральных территорий. В конечном итоге, столь ошибочная расстановка приоритетов способствовала краху царского режима, а вместе с ним распалась та самая империя, на строительство которой ушло так много сил и средств.

Н.Б. Брейфогле, А. Шрэдер, У. Сандерленд, подобно С. Марксу отмечали, что хотя западные исследователи европейской колонизации обычно забывают упомянуть о роли русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого Света [Peopling the Russian Periphery..., 2007]. Русским удалось заселить огромные пространства Северной Европы и Азии, от побережья Балтики до Тихого океана, от Арктики до Центральной Азии. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

Как отмечают западные исследователи, данный исторический процесс одновременно направлялся государством и получал народную поддержку снизу. Он характеризовался сотрудничеством разных социальных сил и народным энтузиазмом,

равно как репрессивными мерами со стороны государства и столкновениями между представителями различных социальных групп и сообществ. Колонизационный процесс приобретал различные формы и в то же время оставался некоей удивительной константой, содержащей в себе, даже по прошествии столетий, устойчивые элементы своеобразной российской географии, социальных и политических структур.

В конце XX в. русская колонизация обернулась «деколониацией», с неоднозначными и непростыми последствиями. Но причины депопуляции обширных пространств бывшей империи авторы сборника призывают искать в самой истории России: «В действительности, современный постколониальный ландшафт является прямым следствием долгой истории славянских миграций на окраинные земли, что в чистом виде дало смешение и изменение населения и территорий Евразии в подлинно континентальных (а, в действительности, трансконтинентальных) масштабах» [Peopling the Russian Periphery..., 2007].

По мнению многих западных исследователей, определяющее значение для хода и итогов колонизации имело влияние внешней среды. В частности, немецкий историк швейцарского происхождения А. Каппелер признавал наличие общих черт в процессе русской колонизации Сибири и западноевропейской колонизации Северной Америки (по его мнению, в обоих случаях имели место жестокость по отношению к коренным этносам и хищническая эксплуатация природных ресурсов), но считал, что не следует игнорировать географические различия, а также исторические традиции взаимоотношений русских с другими народами, поскольку Россия всегда была полиэтничной страной.

На этом основании А. Каппелер выступил против некритического использования в отношении России таких понятий, как «колониализм» и «империализм» [Каппелер, 2000: 7, 35]. Для объяснения уникальных черт колонизируемых окраин А. Каппелер, вслед за Д. Тредголдом, использовал теорию «фронттира», разработанную американским историком Ф.Дж. Тернером. По мнению Ф.Дж. Тернера, люди, жившие в условиях пограничья, становились все более независимыми, вместе с тем «фрон-

тир» способствовал возникновению «смешанной национальности». Исследователь пришел к выводу, что наиболее значительную роль «фронтир» сыграл в истории становления демократии в США и в Европе, поскольку способствовал развитию индивидуализма – «неприятно контролю и, в частности, любых форм прямого контроля», когда сборщик налогов рассматривается как «представитель угнетателей» [Turner, 1893: 199–227]⁴¹.

Впрочем, Ф.Дж. Тернер был не первым, кто связывал продвижение колонизаторов на запад с созданием уникальных американских демократических институтов. Впервые данная точка зрения была изложена в работах основоположников американского государства Б. Франклином и Т. Джефферсоном. Современные исследователи связывают появление концепции Ф.Дж. Тернера с внутривнутриполитической обстановкой, сложившейся в США на рубеже XIX–XX вв., когда завершилось освоение американского Запада, что свидетельствовало о закрытии «первого фронта». США стремились распространить свое влияние на дру-

⁴¹ Такой взгляд на влияние географической среды был присущ не только американским исследователям. В первой трети XIX в. определенное сходство территориальной протяженности, географического расположения Сибири и американского Запада, одновременность начала освоения этих регионов и оформления их государственных границ отмечали декабристы и А.И. Герцен. Во второй половине XIX в. сибирские областники в поисках причин серьезного отставания Сибири от темпов экономического роста американского Запада также сравнивали колонизационные процессы в обеих странах. На рубеже XIX–XX вв. представители либерально-оппозиционных течений (И.Х. Озеров, М.М. Ковалевский, П.Г. Мижухев, А.М. Сибиряков и др.) рассматривали переселенческое движение в США как модель для решения земельного вопроса в России. Критикуя российское самодержавие, либералы объясняли быстрое экономическое развитие США такими факторами, как свобода частного предпринимательства и беспрепятственный доступ к неосвоенным землям. – См.: [Соколов, 1990]. По сути, уже в начале XX в. в российской историографии была сформулирована главная проблема, которую предстояло решить в рамках сравнительных исследований по истории колонизации Америки и Сибири: почему условия пограничья, «фронта» способствовали развитию демократии в США, но не привели к возникновению демократической политической системы в Сибири. Очевидно, что сравнительные исследования должны были выявить специфику американского и сибирского общества. Однако в советской историографии в рамках формационного подхода изучалось в первую очередь типическое, а не специфическое.

гие регионы мира, воспринимая их как новый «фронтир», что, в свою очередь, требовало нового идеологического обоснования [Румянцев, Хахалкина, 2009: 117]. Впоследствии президент В. Вильсон сформулировал задачу распространения демократии для поддержания безопасности в мире под эгидой Лиги Наций, что вполне соответствовало представлениям американцев о «сакральном смысле» продвижения «фронтира» [Агеев, 2005: 137], о превосходстве англосаксонских политических институтов и необходимости их продвижения в глобальном масштабе.

Как отмечал М.Я. Пелипась [2003: 24–25], попытки президента В. Вильсона открыть «новый фронтир» в Европе получили свое логическое продолжение в деятельности Ф.Д. Рузвельта и участии США во Второй мировой войне. В послевоенный период можно говорить о своеобразном американском «пограничье» в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке. Термин «новый фронтир» (New Frontier) использовался для обозначения программы внутри- и внешнеполитических преобразований, предложенной Дж.Ф. Кеннеди.

В методологическом отношении теорию Ф.Дж. Тернера следует вписать в историю противоборства американских историков-«прогрессистов» и неокантианцев, полагавших, что любые общие понятия и закономерности являлись всего лишь продуктом мировоззрения историка. Под их влиянием сформировалось поколение историков-позитивистов, объявивших задачей «научной историографии» не постижение исторических законов, а максимально точное описание и классификацию фактов. В 1904 г. президент Американской исторической ассоциации Г. Смит заявил, что неповторимая индивидуальность исторических событий не оставляет историографии места для теоретизирования и обобщений.

В свою очередь, один из основоположников «прогрессизма» Дж. Робинсон выдвинул требование написания «институциональной» истории, основанной на поиске и изучении «отобранных эволюцией» сквозных тенденций и явлений прошлого. При этом ведущую роль Дж. Робинсон отводил явлениям в социально-экономической сфере. В известной степени он опирался и на концепцию Ф.Дж. Тернера, закрепившего приори-

тет в определении исторических судеб США за географическим фактором (наличием «свободных» для заселения и освоения земельных массивов) [Согрин, 1987: 16]⁴². Ф.Дж. Тернер также задался вопросом, имеет ли его теория ограниченное применение или может быть проверена на материале иной «колониальной среды», с другими политическими и экономическими условиями [The Significance..., 1932: 19]⁴³.

Ряд западных исследователей пытались применить теорию Ф.Дж. Тернера к истории освоения Сибири. Б. Самнер, Д. Тредголд, Р. Пирс признавали, что в некоторой степени феномен «фронтир» имел место и в Сибири [Treadgold, 1952; Lantzeff, Pierce, 1973; Sumner, 1949]. Основательная разработка теоретических вопросов велась сотрудником департамента истории Вашингтонского университета Д. Тредголдом – автором статьи «Русская экспансия в свете учения Ф. Тернера об американском фронтуре», опубликованной в 1952 г. [Treadgold, 1952]. Основания для проведения параллелей между американским продвижением на запад и движением русских на восток автор находил не только в работах Ф.Дж. Тернера, но и в трудах В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова [Treadgold, 1952: 147].

Присоединяясь к мнению американского исследователя А. Мазура о том, что уровень изученности сибирской истории в американской историографии оставляет желать лучшего, Д. Тредголд опровергал достаточно распространенное на Западе мне-

---

⁴² С концепцией Ф.Дж. Тернера согласны далеко не все. В западной историографии ее противниками в разное время выступили А. Лобанов-Ростовский [Lobanov-Rostovsky, 1965] и С. Маркс. По мнению отечественной исследовательницы И.М. Супоницкой, Ф.Дж. Тернер придавал слишком большое значение влиянию среды, утверждая, что американская демократия «вышла из американского леса». В действительности, природная среда оказалась вторичной для американской цивилизации, поскольку английские переселенцы приехали в Новый Свет с уже сформированным сознанием раннебуржуазной Западной Европы. Освоение Запада лишь развило традиции самоуправления, самоорганизации, свойственные американскому обществу; переселенцы воспроизводили на новых землях привычный порядок. – См.: [Супоницкая, 2005].

⁴³ Среди тех, кто пытался применить теорию «фронтюра» к истории России, следует назвать О. Латтимора, Дж. Весцинского, Дж. Пэллота, Д. Шоу. – См.: [Lattimore, 1947; Wiczyński, 1976; Pallot, Shaw, 1990].

ние о принудительном заселении Сибири – в основном за счет ссыльных – как одном из инструментов решения внешнеполитических задач, в частности, связанных с присоединением китайских территорий. Д. Тредголд утверждал, что принудительное переселение не могло решить задачу заселения огромных пространств Сибири и что основную массу сибирского населения уже в XVII в. составляли вольные крестьяне-переселенцы.

Путешественники, чиновники, политические ссыльные отмечали, что сибирские переселенцы отличались от крестьянского населения Европейской России в первую очередь тем, что меньше полагались на поддержку со стороны государства. Протестантская идеология, привнесенная в Северную Америку, в определенной мере соответствовала идеологии старообрядцев, поселившихся в Сибири. В Северной Азии также возникла «смешанная национальность», поскольку русские смешались и с аборигенным населением, и с переселенцами, прибывшими из других уголков Российской империи.

Сибирь также играла роль «предохранительного клапана», привлекая все новых поселенцев и уменьшая тем самым социальное напряжение в центральных районах Европейской России, о чем писали Дж.А. Харрисон [Harrison, 1971: 63] и Х.Р. Хуттенбах [Huttenbach, 1988: 60]⁴⁴. Впрочем, с этой точкой зрения соглашались не все. Так, К. Уайт отнюдь не считал, что в Ази-

---

⁴⁴ В современной историографии о возможном применении теории «фронттира» на сибирском историческом материале пишет Э.-М. Столберг. В 2002 г. на электронных страницах «H-Russia» немецкая исследовательница опубликовала статью «Фронтир и пространство в русской истории», положив начало дискуссии, в которой приняли участие многие западные историки, в том числе М.Бассин, Э.Джентес и др. (см. электронный ресурс: <http://h-net.msu.edu>). В 2004 г. на страницах журнала «Review» Э.-М. Столберг дискутировала на ту же тему с Х. Нолте и М. Остом. (См.: Stolberg E.-M., *The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte* // *Review* (Fernand Braudel Center). 2004. Vol. 27, N 3. P. 243–267). В частности, М. Ост, развивая идеи В. Рейнхарда, предлагал рассматривать историю освоения Сибири с точки зрения концепций «средневековой колонизации» и «колониализма Нового времени». См.: *Aust M. Rossia Sibirica: Russian-Siberian History Compared to Medieval Conquest and Modern Colonialism* // *Review* (Renand Braudel Center). 2004. Vol. 27, N 2. P. 181–205.

атской России социальные условия были менее «замороженными», чем в Европейской России. В отличие от Америки, где «фронтир» осваивался свободными поселенцами, в Сибири процесс колонизации неизменно контролировался правительством [White, 1987: 24]⁴⁵.

С точки зрения соотношения «субъекта» (исследователя) и «объекта» исторического познания, сторонники концепций «русской восточной экспансии», «колонизации» и «фронтира», как правило, не ставили под сомнение объективность своих выводов и не заостряли внимания на гносеологической проблематике, при этом много дискутировали о роли «субъекта исторического процесса» (государства, отдельных социальных групп и индивидов) в противовес «объективным условиям» (природно-климатической среде, социально-демографическим и экономическим факторам).

Следующий уровень теоретико-методологических дискуссий предполагал анализ соотношения общих закономерностей исторического процесса и специфики конкретного «объекта» исследования (т. е. самого процесса присоединения и освоения Сибири). Стремление выстроить единые схемы исторического развития, общие для разных стран и эпох (при всех особенностях и уникальности отдельных исторических явлений), присуще сторонникам «формационной» (в случае с представителями исторической науки ГДР) и «модернизационной» парадигм.

В современной историографии под «модернизацией» подразумевается переход от традиционного общества к современ-

---

⁴⁵ По мнению К. Уайта, теория «фронтира» — классический пример ситуации, когда «хвост виляет собакой», поскольку ее приверженцы недооценивают степень влияния институтов, существовавших в центре, на скорость и характер освоения окраин. В Америке «фронтир» осваивался преимущественно свободными переселенцами, действовавшими в условиях экономической системы, которая быстро становилась рыночной. В России постепенное усиление правительственного регулирования (ставшее реальностью уже к концу XVI в.) позволило государству, в конечном счете, полностью контролировать и процессы освоения новых территорий. Впрочем, в Америке была и обратная тенденция, связанная с нехваткой рабочей силы и обусловившая развитие института рабства, прежде всего в районах производства хлопка, спрос на который был не меньше, чем на рабочую силу.

ному, от аграрного к индустриальному, при этом на Западе модернизация осуществлялась на внутренней основе, как результат имманентного развития, и была комплексной, охватывая все стороны жизни общества – экономическую, социальную, политическую, правовую, культурную. В то же время в России, по мнению многих исследователей, модернизация была «вторичной», стимулированной извне, под давлением более развитого окружения, и она не носила комплексного характера [Российская модернизация..., 1993; Поткина, 1994; Селунская, 1996; Прокуракова, 2005].

Последовательным сторонником концепции «модернизации» выступал М.М. Карпович (1889–1959), выводы которого были усвоены многими западными исследователями российской истории. Согласно его мнению, революция в России не была «абсолютно неизбежной», так как мирная эволюция в экономической, политической, культурной областях накануне войны свидетельствовала об успехах модернизации⁴⁶. По мере экономического и культурного прогресса «опасность насильственного взрыва становилась более отдаленной», но война «сделала революцию весьма возможной, а человеческая ошибка сделала ее неизбежной».

По словам Н.Н. Болховитинова, отличительная черта печатных работ и лекций М.М. Карповича заключалась в том, что русская история всегда рассматривалась им как неразрывная часть истории Европы [Болховитинов, 2001; Bowden at al., 1937]. Соответственно, российская модернизация вполне вписывалась в общий контекст развития европейской цивилизации, а «модернизационный» подход парадоксальным образом может быть совместим с «цивилизационным», подчеркивающим своеобразие того или иного социума⁴⁷.

⁴⁶ О влиянии М.М. Карповича на становление американской русистики свидетельствует обширная историография. – См., например: [Болховитинов, 2005; Mosely, Malia, 1960; Раев, 2001; Зейде, 2008 и др.].

⁴⁷ В целом современные исследователи отмечают широкие возможности применения модернизационного подхода, усматривая в нем «многомерную и эластичную – по отношению к эмпирической реальности, познавательную программу». – См.: [Побережников, 2002; Алексеев и др., 2003].

Точку зрения М.М. Карповича разделяли и многие западные сибиреведы. Об успехах капиталистического развития Сибири в пореформенный период писали А. Байкалов, В. Конолли, В. Моут, К. Криптон, А. Колз, Б. Грэйсон, Н. Саул, Дж. Стюарт [Baikalov, 1933; Krypton, 1953; Conolly, 1979: 17; Mote, 1998; Kolz, 1976; Grayson, 1977: 1; Saul, 1978; Stewart, 1976, 1979]. По их мнению, отсталость социально-политических институтов самодержавного государства не служила серьезным препятствием на пути социально-экономического развития региона. Весьма четко данная мысль выражена в работе В. Конолли: «Нет оснований сомневаться в намерении царского самодержавия разрабатывать находящиеся за Уралом природные ресурсы, особенно в том время, когда оно направлялось более либеральным правительством. Ярко выраженная тенденция в этом направлении имела место, но ее преждевременно подорвала Первая мировая война» [Conolly, 1967b: 33; Передерий, 1984: 43].

Специфику, уникальные особенности «объекта» исследования (прежде всего с точки зрения его географических характеристик) подчеркивали сторонники геополитической теории «хартленда», которую сформулировал в начале XX в. английский географ Х.Дж. Макиндер⁴⁸. Согласно его теории, геополитическое положение государства определяется не столько его морским могуществом, сколько размерами подконтрольной ему части суши. В своем труде «Географическая ось истории», опубликованном в 1904 г., Х. Макиндер отводил ключевую роль так называемому «хартленду» – центральной части Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга (Америка – Африка – Океания).

По мнению Х. Макиндера, тот, кто контролирует «хартленд», контролирует мир. В начале XX в. большая часть этой территории находилась под контролем Российской империи, но

⁴⁸ Хэлфорд Джон Макиндер (1861–1947) – преподаватель Оксфордского университета, в 1903–1908 гг. – директор Лондонской школы экономики и политических наук. В 1910–1922 гг. – член Палаты общин, в 1919–1920 гг. – британский Верховный комиссар на юге России. В 1920–1945 гг. – глава Имперского комитета судоходства, в 1926–1931 гг. – председатель Имперского экономического комитета.

насколько прочным было российское присутствие в регионе? В свое время Ф.А. Голдер пришел к выводу, что Россия установила контроль над Северной Азией в результате агрессивной империалистической политики. Главным стимулом проникновения русских за Урал была добыча пушнины, а стратегической целью – политическое господство в регионе, при этом ставка делалась на насильственные методы и эксплуатацию коренного населения. Соответственно, ослабление контроля со стороны метрополии вполне могло привести к утрате Россией колониальных владений.

Несмотря на Гражданскую войну, разразившуюся после революции 1917 г. и охватившую в том числе большую часть Сибири и российского Дальнего Востока, оба региона удалось, в конечном счете, сохранить в составе нового Советского государства. При этом Советская Россия надолго утратила свое влияние в Восточной Европе, опровергнув тем самым формулу Х. Макиндера: тот, кто «контролирует Восточную Европу, командует Хартлендом».

После Второй мировой войны США стали играть роль противовеса растущему военному и политическому могуществу СССР. Наблюдая за фундаментальными геополитическими изменениями, происходившими в годы войны, Х.Дж. Макиндер ввел в свою теорию новую геополитическую ось – США, обосновал идею геополитических блоков и предсказал появление биполярного мира, в котором США будут противостоять Советскому Союзу, контролирующему Хартленд. В 1944 г. Н. Спайкмен опубликовал работу, в которой отводил ключевую роль в мировой геополитике так называемому Римленду – прибрежной зоне Азиатского континента, который должен быть подконтролен США.

Своеобразная «реабилитация» морских держав и повышенный интерес к Тихоокеанскому региону отразились и на проблематике работ западных сибиреведов. Во второй половине XX в. появляются многочисленные исследования, посвященные истории освоения Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Русской Америки (работы Дж. Гибсона, Дж. Ленсена, Дж. Стефана, Г. Баррэта и др.). Был возрожден тезис о контро-

ле над Северной Азией и Тихоокеанским побережьем как одним из важнейших условий политического могущества Российской империи и Советского Союза.

В 1990-х гг. Россия утратила прежнее влияние в Восточной Европе и в значительной мере в Центральной Азии, но сумела сохранить территориальные владения в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако в условиях затяжного экономического кризиса контроль над большей частью территории Хартленда сам по себе мало способствовал усилению позиций России на мировой политической и экономической арене.

Американские исследователи М. Хаунер, Дж. Ледан, Л. Динес предприняли новые попытки истолкования теории «хартленда» [Hauner, 1990; Le Donne, 1997; Dienes, 2005]. Так, Дж. Леданн, объединивший теорию «фронта» Ф.Дж. Тернера с концепцией Х. Макиндера о «стержневой территории», включающей континентальные и арктические водные системы и являющейся основой будущей евразийской империи, рассматривал историю русской территориальной экспансии на фоне медленных, но необратимых изменений в балансе сил в пределах этой «стержневой территории».

Таким образом, история освоения Северной Азии предстает как история борьбы между возвышающейся Россией и слабеющими геополитическими центрами за контроль над разделяющими их приграничными территориями («фронтами»); как история постоянного стремления дестабилизировать, расчлнить и даже аннексировать территории соседей с целью конечной оккупации всей «стержневой территории», а также как череда попыток германских народов и морских держав Запада и Востока помешать России достичь окраин «стержневой территории» [Ibid: 183].

В этом отношении характерна оценка, данная Дж. Леданом дипломатической истории России в XX в.: «Вряд ли необходимо добавлять, что история внешней политики Российской империи повторилась в советский период, тогда как США после 1945 г. приняли на себя миссию и бремя германских и морских держав, блокировавших советскую экспансию на пути к периферии «стержневой территории». Вполне можно задаться

вопросом, не будет ли современная Россия, сжатая до границ 1650 г. на большей части трех своих границ, пытаться вновь восстановить гегемонию на «стержневой территории», к чему она привыкла в советский и имперский периоды» [Ibid: XVII].

Отчасти предположения Дж. Леданна подтвердились в начале XX в., когда мировой спрос на сибирские природные ресурсы способствовал улучшению экономической ситуации в России и усилению ее политического влияния. Однако за специфической терминологией и традиционным для историков внешней политики понятием «баланса сил» скрывается новая модификация «географического детерминизма». Осознавая необходимость выявления объективных и фундаментальных причин возникновения континентальной Российской империи, Дж. Ледан полагает, что именно географические условия определили набор возможностей, альтернатив которым у амбициозной политической элиты России было немного. Как следствие, политическая роль, которую Россия играла в мире в разные периоды истории, вновь ставилась исследователем в зависимость от масштабов территории и ее географических особенностей, т. е. специфических характеристик «объекта» исследования.

Уникальные особенности исторических явлений исследуются в рамках «цивилизационного» подхода. В западном руссиоведении одним из его проявлений стала «евразийская теория» Г.В. Вернадского, по мнению которого, «географические особенности Евразии во многом определили ход исторического развития русского народа» [Вернадский, 1927: 8–9]. Идеи Г.В. Вернадского получили одобрение Р.Дж. Кернера, однако не нашли большого числа последователей среди западных сибиреведов [Болховитинов, 2001: 7]. К тому же, несмотря на стремление подчеркнуть уникальность «русско-евразийской» цивилизации, в своей многотомной «Истории России» (1943–1969) Г.В. Вернадский вновь вписал «географические, исторические, культурные и политические особенности истории страны как Евразии в... контекст западной науки», вернувшись к истории «колониализации» в духе В.О. Ключевского [Ионов, 2008: 146].

Своеобразие культурных, социальных и политических оснований российской истории более последовательно изучается

в рамках «имперской» парадигмы. Специфическим «объектом» исследования в данном случае служит «империя»⁴⁹ как некая сложная система, придающая включенным в нее элементам новые качества (своеобразный синергетический эффект)⁵⁰.

В отличие от теории «хартленда» и «евразийства», в рамках «имперской парадигмы» географические характеристики не являются определяющими; соответственно, отдельные регионы, входящие в состав империи, при всей их специфике мыслятся как неотъемлемые части единого пространства, отражающие в себе его фундаментальные характеристики. Изучение истории имперских окраин позволяет, в первую очередь, глубже понять своеобразие общенациональной культуры, формирующейся в рамках империи. В полной мере такой взгляд распространяется и на Сибирь, о чем свидетельствуют работы Я. Кусбера, К. Вайсс, С. Франк и др. [Kusber, 2008; Weiss, 2007a, 2007b; Frank, 1997, 1999].

По мнению А. Кинга, применение «имперского подхода» к изучению сибирской истории вполне оправданно, поскольку Сибирь, несмотря на статус «окраины» и удаленность от столиц, играла ключевую роль в формировании Российской империи и являлась ее «сердцевинной» [King, 2006: IX]. К тому же вслед за многими российскими историками А. Кинг не считает Сибирь колонией, учитывая, что регион полностью интегрировался в единое пространство Российского государства. Использование «имперской» терминологии, таким образом, позволяет отказаться от «колониального» и «постколониального» подходов, а также от понятия «внутренняя колония».

В свою очередь, критика «имперского подхода» ведется в рамках антиколониального и постколониального дискурсов (хотя, по верному замечанию И.Н. Ионова, зачастую все эти подходы переплетаются, создавая сложную познавательную и коммуникативную ситуацию, не всегда поддающуюся четкому анализу [Ионов, 2008]). Теоретики «постколониализма», в от-

⁴⁹ О различных значениях понятия «империя» и концепциях имперской истории см.: [Lieven, 2000].

⁵⁰ В последние годы «новая имперская история» разрабатывается и в отечественном сибиреведении. – См.: [Дамешек и др., 2007: 6].

личие от приверженцев цивилизационного подхода или теории «фронтира», основной упор делают не на особенностях объекта исторического исследования, но на переосмыслении позиции самого исследователя – субъекта исторического познания.

Одним из основоположников постколониального подхода считается Э. Саид – автор книги «Ориентализм», опубликованной в 1979 г. Пользуясь терминологией М. Фуко, для которого знание не может быть нейтральным или объективным, поскольку всегда является «продуктом властных отношений», Э. Саид рассматривал дискурс ориентализма как сложный комплекс «знания-власти», в рамках которого страны Запада сумели навязать Востоку такой образ его идентичности, в котором ему изначально отводилось зависимое и подчиненное положение. С точки зрения некоторых «постколониальных критиков», в России имел место еще более сложный процесс — «внутренняя колонизация», в рамках которой элита навязывала или предписывала народу тот образ его идентичности, который позволил бы преодолеть культурный разрыв между ними [Эткинд, 2001].

Многое сближает постколониальные исследования с постмодернизмом, в рамках которого историческое познание рассматривается как «диалог культур» или «игра». Историк-постмодернист вступает в диалог с другими культурами, позволяя им тем самым быть «услышанными» (в терминологии постколониализма – предоставляет слово «угнетенным или подчиненным народам», лишенным права голоса). Таким образом, и в рамках постмодернизма, и в рамках постколониализма абсолютизируется, выдвигается на первый план роль исследователя.

Общеметодологической основой обоих подходов является постструктурализм, отрицающий попытки рационального обоснования феноменов действительности, критикующий принципы «причинности», «идентичности», «истины», идеи «роста» и «прогресса».⁵¹ Вместо проблемы познания в центре внимания ока-

⁵¹ Впрочем, для истории исторической науки такая ситуация отнюдь не нова. Более века назад тезис об относительности исторического знания находил не меньшее число сторонников. В конце XIX в. под влиянием идей И.Г.Б. Дройзена, В. Дильтея, неокантианцев на смену «гносеологическому оптимизму» и вере в безграничные мыслительные возможности человека при-

зывается проблема языка, происходит «поворот к языку». Формально в постструктуралистских исследованиях акцент делается на механизме взаимодействия субъекта и объекта исторического познания через «дискурс», «коммуникацию», «интерпретацию», но фактически субъект познания исчезает, растворяется в «историческом бессознательном», в «великом интертексте».⁵²

В современном западном сибиреведении сторонником многих идей, предложенных постструктуралистами, выступил, в частности Э. Джентес, который подверг критике историков, высоко оценивающих сибирскую реформу М.М. Сперанского, реальный эффект которой был невелик. Э. Джентес полагает, что сибирскую реформу 1822 г. превозносят те, кто по сей день оста-

---

шла релятивизация исторического знания [Биск, 2007]. По мысли Н.А. Мининкова (URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_mininkov/15-1-0-113), отчасти это объяснялось неудовлетворенностью многих историков тем фактом, что в центре научного исторического познания на месте человека оказывались феномены надындивидуальной реальности, или, по характеристике М. Вебера, идеальные типы наподобие феодализма и капитализма, государства и властных структур. Следовательно, постановка человека (прежде всего, субъекта исторического познания) в центр исследовательского внимания отвечала гуманистическим тенденциям в развитии культуры Новейшего времени. В исторической науке первой трети XX в. наряду с крайним релятивизмом К. Беккера и Ч. Бирда наметились тенденции к поиску структур или систем, объединяющих субъект познания и субъект исторического процесса, а значит, позволяющих отыскать инструменты объективного научного познания прошлого. Так, представители Школы «Анналов» обратились к истории ментальностей, ценностных установок, исторической памяти, в целом к проблеме «коллективного бессознательного». В то же время интеллектуальная деятельность людей, рациональные и интеллектуальные начала изучались в рамках «интеллектуальной истории». В середине XX в., в первые послевоенные десятилетия вновь предпринимались попытки превратить историю в строгую науку, опирающуюся, подобно естественнонаучным дисциплинам, на эмпирические исследования и аналитические методы [Иггерс, Ван, 2012: 276]. Но уже в конце столетия вслед за Ж.-Ф. Лиотаром «постмодернисты» отвергли идею «единственной истории».

⁵² Историки, по мнению постмодернистов, имеют дело не с объективной реальностью, а с текстами; история ничем не отличается от литературы. При этом многими теоретиками «постмодернизма» язык рассматривается как автономная синтаксическая система, не отражающая реальность, а создающая ее. В итоге, на первый план выходит проблема интерпретации текста (и содержащихся в нем фактов) — сначала автором, а затем и читателями.

ется в плену позитивистского подхода (служащего основой, с точки зрения историка, и для марксизма, и для либерализма) и игнорирует новейшие философские концепции (подробнее см.: [Gentes, 2008: 204]).

В представлении историка, позитивисты ищут закономерности, ключевые факторы и «вехи» в истории (такими вехами в истории общества можно считать, например, реформы), знаменующие поступательное и линейное развитие исторического процесса в целом и национального государства в частности. Э. Джентес ставит под сомнение идею общественного прогресса, но считает более реалистичным путь, ориентированный на самосовершенствование каждого индивида. При этом историк апеллирует к теоретическому наследию М. Фуко и призывает анализировать не только роль высших органов власти, но также «эпистемологию» тех, кто принимал решения на местах, равно как и «контрповедение» со стороны отдельных людей и социальных групп.

По мысли Э. Джентеса, предложенное М. Фуко понятие «контрповедение» следует применить для анализа реального механизма функционирования государства, а в еще большей степени и для анализа его недееспособности. В рамках данного методологического подхода основной является идея о том, что государство следует воспринимать не как монолит (образ, поддерживаемый с помощью «политического театра» и маскирующий невежество и беспомощность властей предрержащих), но как «беспорядочное нагромождение процессов и взаимоотношений».

Безусловно, необходимо поддержать историка в его стремлении исследовать реальный механизм функционирования государственных структур в противовес декларированным целям правительственной политики. Однако с таким же успехом можно утверждать, что, отвергая стройные схемы и закономерности «позитивистской» историографии, Э. Джентес все же оставляет субъект исторического процесса во власти неких невидимых, неосознаваемых структур, создающих внешне «беспорядочное нагромождение процессов и взаимоотношений». В целом концепция Э. Джентеса соответствует преобладающим тенденциям в развитии современной историографии, ориентированной на

«индивидуализацию» исторического исследования (с повышенным интересом к субъективным эпистемологическим установкам самого исследователя).

Многие историки-сибиреведы основное внимание уделяют субъекту исторического процесса, изучая духовный мир прошлого и коренного населения Сибири, историю культуры, идей, эволюцию адаптационных механизмов и пр. В частности, в последние десятилетия появляются работы, посвященные проблематике «воображаемой географии и пространственного мышления», «пространственного конструирования». В США у истоков данного историографического направления на рубеже XX–XXI вв. стоял Марк Бассин [Bassin, 1991b], в Германии – Карл Шлегель и Мартина Лёв, отметившая недостаточное внимание исследователей к пространству как фундаментальной категории культуры (наряду с категорией времени).

Авторы работ, посвященных истории «пространственного конструирования» Сибири, отмечали, что в XVII в. жители западноевропейских стран воспринимали Россию как «северную» страну, а продвижение русских в Сибирь – как проникновение в глубь северных территорий. Вслед за В.Н. Татищевым и И. Страленбергом Урал стали воспринимать как границу между Европой и Азией, а Сибирь стала воплощением «другой земли». В самой России получение ясака с «инородцев» интересовало правительство поначалу куда больше, нежели картографическое описание Сибири. Новый, научный подход к пространственному представлению Сибири принес век Просвещения. В целом историкам удалось показать, что восприятие пространства – динамичный процесс, который определяется социальными и культурными условиями, изменяется во времени и оказывает непосредственное воздействие на социальный ландшафт [Kusber, 2008; Weiss, 2007a, 2007b; Frank, 1997, 1999; Kivelson, 2006; Sunderland, 2007].

Механизмы адаптации населения в процессе хозяйственного освоения Сибири анализируются в работе австралийского исследователя, специалиста в области экономической истории Колина Уайта. В 1987 г. он опубликовал монографию под на-

званием «Россия и Америка: причины экономического расхождения» [White, 1987].

К. Уайт полагает, что в Новом Свете наибольшую опасность для колонистов представляли инфекционные заболевания, однако в целом окружающие условия были более благоприятными, чем в Сибири. При меньших затратах американские колонисты получали куда большую отдачу. В итоге на любые внешние угрозы (в терминологии К. Уайта – «вызовы» или «риски») американцы отвечали активным поиском все новых способов адаптации, как на индивидуальном, так и на социальном уровне, при этом внешние вызовы никогда не были столь неблагоприятны, чтобы считать инновационное поведение «непозволительной роскошью». В Сибири внешняя среда была более суровой, подавляя стремление к поиску новых способов адаптации, что усугублялось негативным воздействием традиционных социальных и политических институтов, привнесенных из «метрополии».

Таким образом, реакцию американца на риски можно назвать творческой реакцией «преобразования», а реакцию сибиряка, пытавшегося адаптироваться или приспособиться к внешним изменениям, – реакцией «уклонения» или «избегания». При всей спорности некоторых выводов, сделанных К. Уайтом, предложенное им видение процессов адаптации позволяет преодолеть изъяны, присущие другим теоретическим схемам, в частности концепции «фронта». Примечательно, что в работе К. Уайта в центре внимания вновь оказывается субъект исторического процесса, преобразующий окружающую среду.

В целом историческое сибиреведение на Западе испытало на себе влияние многих историографических и идеологических концепций, пройдя ряд этапов, представляющихся вполне закономерными с точки зрения развития исторической науки. Для исторических трудов, посвященных Сибири и опубликованных в конце XIX – первой половине XX в., был характерен «объективизм», с его принципом реконструкции прошлого в историческом сознании, опорой на первоисточники, преимущественным вниманием к изучению объективных факторов в процессе «русской восточной экспансии». При этом последователи

Ф.А. Голдера и Р.Дж. Кернера, равно как сторонники теории «колонизации», подчеркивали ведущую роль субъекта исторического процесса – государства, отдельных социальных групп и индивидов; приверженцы теории «фронта» отмечали определяющую роль внешних условий, формировавших социум.

Со временем историки-сибиреведы по-новому определяли объект и предмет своих исследований, пытаясь ответить на вопрос о соотношении общего и особенного в историческом развитии, что открывало возможности для применения формационного, модернизационного, цивилизационного подходов, геополитических концепций.

В новейшей историографии просматривается тенденция к абсолютизации роли исследователя, что ставит под сомнение саму возможность познания исторического прошлого, когда «объект» исследования не реконструируется, а произвольно «конструируется» автором. Преодоление кризисных явлений в развитии современной исторической науки требует обобщения и переосмысления накопленного историографического опыта (прежде всего, переосмысления категории «субъект»), расширения источниковой базы (учитывая, что источник несет на себе отпечаток всего многообразия социальных отношений, а новые источники требуют применения новых методов анализа), обращения к теоретико-методологическому инструментарию других научных дисциплин.

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ И КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ СИБИРИ КОНЦА XVI–XIX вв. В АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ

В трудах западных историков, посвященных освоению русскими Сибири и Дальнего Востока в XVI – середине XIX в., одно из главных мест занимает изучение вопросов, связанных с присоединением Сибири к России, под которым в западной историографии понимается начавшееся в 1570-е гг. активное проникновение русских за Урал, организованное сольвычегодскими промышленниками Строгановыми при поддержке царского правительства и приведшее к поражению Сибирского ханства, а в первой половине XVII в. вылившееся в стремительное продвижение русских на восток – к Тихоокеанскому побережью. Интерес западных историков к начальному этапу присоединения Сибири вполне понятен, поскольку его особенности объективно обусловили весь дальнейший ход сибирской колонизации и требовали конкретной исторической оценки.

Наибольший интерес западные исследователи проявляли к выяснению причин и предпосылок продвижения русских за Урал, определению характера данного процесса, выявлению инициаторов присоединения Сибири, оценке последствий вхождения региона в состав России для коренного населения. В англо- и германоязычной историографии рассматривается довольно широкий круг причин, обусловивших присоединение Сибири к России – политические (в первую очередь военные), экономические (преимущественно торговые), социально-политические, социально-психологические. Среди предпосылок процесса исследователи называли укрепление Московского княжества и Российского царства, деятельность Строгановых, военные успехи Ермака и царских воевод.

Традиционным для зарубежного сибиреведения является вывод о военно-политических причинах присоединения Сиби-

ри. В работах, посвященных сибирской колонизации и вышедших на Западе в XVIII–XIX вв., тема присоединения Сибири затрагивалась вскользь, но авторы, как правило, следовали в русле концепции Г.Ф. Миллера о завоевании русскими новых территорий, что видно из работ У. Коукса, Т. Аткинсона, Дж. Керзона и др. В начале XX в., когда научный интерес к сибирской истории усилился, ответ на вопрос о причинах и предпосылках продвижения русских в Сибирь западные историки продолжали искать в общем процессе территориальной экспансии России, одним из направлений которого – и даже логическим следствием – была колонизация Сибири.

Последовательным сторонником данного подхода был А. Краузе, для которого вся история России состояла из череды непрерывных завоеваний, вызванных постоянной борьбой государства, окруженного враждебно настроенными соседями, за выход к морю. Мирное присоединение Западной Сибири, по мнению А. Краузе, лишь служило исключением из правил. Свои выводы историк обосновывал тем, что большая часть владений России в Азии оказалась непригодна для ведения сельского хозяйства – отсюда следовал вывод, что обладание ими является результатом политических амбиций правительства.

На рубеже XIX и XX вв. в западной историографии окончательно утвердилось представление об имперских устремлениях Российского государства, как одной из главных причин присоединения Сибири. В качестве основной предпосылки территориальной экспансии России в Азии в работах А. Краузе рассматривалось укрепление Московского княжества в XIV–XV вв., увеличение его военного потенциала, что привело к ликвидации в XVI в. Казанского и Астраханского ханств и позволило русским предпринимателям Строгановым превратить свои пермские вотчины в плацдарм для проникновения русских в Сибирь [Krausse, 1900: 4].

В данной схеме социально-экономические причины колонизации отодвигались на второй план, а многие аспекты темы – например, роль вольнонародной колонизации (о чем много писали отечественные исследователи), значение похода Ермака,

особенности правительственной политики в Сибири – были оставлены без специального рассмотрения.

Ф.А. Голдер, обратившийся к документальным источникам и работам русских исследователей, среди причин русской колонизации Сибири выделил в качестве основной потребность в пушнине [Golder, 1914: 14]. По наблюдению Р.Дж. Кернера, впервые в англоязычной историографии мысль о принципиальном значении пушной торговли для освоения Сибири была высказана в XIX в. американским историком Г. Бэнкрофтом. Более справедливым представляется замечание В.Н. Чернавской, считавшей, что родоначальником данной концепции был У. Коукс, который утверждал, что русскими двигала «страсть к обогащению» [Сохе, 1780: 19; Чернавская, 1995б: 12].

В отличие от Г. Бэнкрофта, Ф.А. Голдер подкреплял свои доводы, в первую очередь, материалами, содержащимися в сборниках документов и работах русских историков (В.К. Андриевича, А.С. Лаппо-Данилевского и др.). Впрочем, работа Ф.А. Голдера отличалась односторонностью подхода, и уже в 1931 г. Р.Дж. Кернер писал о необходимости пересмотра концепции Г. Бэнкрофта – Ф.А. Голдера [Kerner, 1946: 25–35].

В 1930-х гг. активная разработка вопросов, связанных с историей присоединения Сибири к России, осуществлялась преимущественно представителями американской исторической науки. Р.Дж. Кернер, рассматривавший сибирскую колонизацию как продолжение русской территориальной экспансии, обусловленной поиском выхода к морю, выделял основные факторы русской колонизации: разветвленные речные системы, соединяющие их волокы, остроги и монастыри как центры колонизационного движения, и добычу пушнины – как главный стимул к развитию торговых связей и расширению хозяйственной деятельности русских княжеств, а впоследствии и централизованного Русского государства.

Особое значение пушные промыслы, по мнению Р.Дж. Кернера, имели для освоения Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. Проследив историю развития этого промысла, Р.Дж. Кернер определил проникновение в IX в. новгородских купцов в «Заволочье», а затем и в Сибирь, как одну из наиболее

важных предпосылок сибирской колонизации. Другой важной предпосылкой стала активизация деятельности окрепшего Московского государства в XV–XVI вв. на восточных рубежах, что выражалось в многочисленных набегах русских отрядов на своих плательщиков дани. Одним из таких набегов историк считал и поход Ермака, который подорвал позиции сибирского хана Кучума [Kerner, 1946: 66–89].

В трактовке американского историка большее значение имела деятельность торгового дома Строгановых, предшествовавшая походу Ермака, и последующие действия правительственных войск. Р.Дж. Кернер придерживался взвешенного подхода в оценке роли государства, не указывая, подобно Ф.А. Голдеру, исключительно на ведущую роль правительства, его политические цели территориальной экспансии, но представляя на равных основаниях роль «государственного» и «частного интереса» (прежде всего, в лице купцов и промышленников) в присоединении и освоении Сибири [Ibid].

Ученики Р. Кернера посвятили свои исследования более тщательному изучению социально-экономических, политических и социально-психологических причин проникновения русских за Урал. Дж. Ланцев, в своей работе «Сибирь в XVII в. Исследование колониальной администрации» сделал существенное дополнение к концепции своего учителя, указав на преобладание в XVII в. вольнонародной колонизации над государственной. Данный тезис был позаимствован Дж. Ланцевым у Н.М. Ядринцева, но его осмысление могло привести к более основательному изучению социально-экономических факторов сибирской колонизации. Основными ее причинами Дж. Ланцев считал потребность русского правительства в увеличении объемов добычи пушнины и стремление обезопасить восточные рубежи государства от набегов воинственных соседей – в первую очередь, татар. Экспансионистские устремления русского правительства Дж. Ланцев и вслед за ним Р. Пирс объясняли психологией превосходства, типичной для русского народа [Lantzeff, Pierce, 1973: 221].

В числе предпосылок колонизации Дж. Ланцев и Р. Пирс называли деятельность новгородских и московских купцов, лик-

видацию татарских ханств (примечательно, что Дж. Ланцев отводил Ермаку весьма скромную роль в деле разгрома Сибирского ханства, ставшего возможным лишь после вмешательства правительственных войск), а также выработку правительством Бориса Годунова некоего плана колонизации, осуществление которого заложило бы основы дальнейшей экспансии России в восточном направлении [Lantzeff, Pierce, 1973: 109–127].

Таким образом, основной упор в концепции Дж. Ланцева делался на причины политического и социально-психологического характера. Фактически данная концепция стала своего рода противовесом исследованию другого ученика Р. Кернера – Р. Фишера, указавшего на усиление институтов крепостничества в Европейской России, которое вызвало массовое переселение крестьян на окраины государства (для сравнения, все советские историки сибирской колонизации полагали одним из важнейших мотивов крестьянской миграции усиление феодального и фискального гнета в европейской части России¹).

¹ Безусловно, американские историки не были первыми, кто обратил внимание на социально-политические и социально-экономические причины активного переселения русских крестьян в Сибирь. Об этом, в частности, писали авторы «Британской энциклопедии» в издании 1929 г., где сообщалось, что по мере усиления Московского государства все больше людей в поисках более свободной жизни бежали на окраины страны, в том числе в восточные регионы; Строгановы же, надеясь избавиться от непрошенных гостей, поручили таким «гулящим людям» защиту своих владений и снарядили их в поход против Кучума (начало военной кампании при этом датировалось 1580 г.). – См.: [The Encyclopedia Britannica..., 1929: 598–601]. В издании «Британики» 1946 г ведущая роль отводится вольнонародной колонизации, причем главными действующими лицами процесса предстают беглые крестьяне, а не только казаки, охотники и промысловики. В общих чертах данный взгляд на причины проникновения русских в Сибирь воспроизводится и в издании 1958 г., с той лишь разницей, что начало похода Ермака теперь датировалось сентябрем 1581 г. – См.: [The Encyclopedia Britannica..., 1958: 598]. В то же время для британских, американских и немецких энциклопедий общим оставался тезис о завоевании Сибири русскими, а главная причина «русской восточной экспансии» определялась как «погоня за пушниной». Инициаторами вторжения русских за Урал в большинстве случаев назывались Строгановы, в то время как Ермак предстает исполнителем их воли, роль государства при этом четко не определяется. В издании «Брокгауза» 1928–1937 гг., содержащем очень краткие сведения по истории Сибири, в частности по истории начального

Кроме того, в основе неумолимого и стремительного продвижения русских землепроходцев на восток лежали авантюризм и жажда наживы, стремление поддержать «имперский престиж» Русского государства за счет присоединения новых колоний [Fisher R., 1943: 47]. Но наиболее важным фактором сибирской колонизации, по мнению Р. Фишера, была пушная торговля, доходы от которой были настолько высоки, что способствовали преодолению общей экономической отсталости России [Fisher, 1943: 48].

Историю развития сибирской пушной торговли Р. Фишер, по сути, отождествлял с историей завоевания и заселения русскими Сибири. Несмотря на то, что Р. Фишер писал преимущественно о торговых интересах русского правительства за Уралом, в его работе достаточно четко прослеживается мысль о том, что добыча сибирской пушнины имела первостепенное значение для развития внешней торговли и внешнеполитических связей Русского государства, а также для большей политической консолидации внутри страны. Но в отличие от Дж. Ланцева, сосредоточившего основное внимание на рассмотрении политических причин сибирской колонизации, Фишер указал на наиболее существенный, с его точки зрения, аспект хозяйственного освоения Сибири.

Канадский историк С. Томпкинс согласился с доводами о том, что русское правительство в течение долгого времени воспринимало Сибирь лишь как источник добычи пушнины и что именно торговые интересы России обусловили продвижение русских в Сибирь [Tompkins, 1945: 16]. Спустя двадцать лет после выхода в свет монографии С. Томпкинса, благодаря которой он был приглашен на должность преподавателя в Калифорнийском университете, английский исследователь Т. Армстронг в своей работе «Русское заселение Севера» продемонстрировал устойчивость в западной историографии выводов, сделанных еще Г. Бэнкрофтом и Ф. Голдером и отчасти получивших развитие в рабо-

---

этапа ее освоения, присоединение Сибири в конце XVI в. описывается как масштабная военная операция. В 1961–1962 гг. данного подхода придерживались и авторы статей «Малого Брокгауза».

тах калифорнийских исследователей. Содержание «русской восточной экспансии», по мнению Т. Армстронга, сводилось, прежде всего, к погоне за пушниной [Armstrong, 1965: 32]. В другой своей работе, посвященной начальному этапу присоединения Сибири, Т. Армстронг назвал в числе предпосылок проникновения русских в Сибирь образование централизованного Русского государства при Иване III; присоединение Северного Урала к Московскому государству (после походов Федора и Семена Курбских в Югру в 1483 и 1499–1500 гг.); наконец, падение Казанского ханства, блокировавшего путь на восток [Armstrong, 1974].

О сочетании торговых и социально-психологических факторов сибирской колонизации писал американский исследователь Дж. Джордж. Историк пришел к следующему выводу: «Русское проникновение в Сибирь породило значительное количество блестящих искателей приключений и создателей империи. Эти люди были движимы как духом авантюризма, так и алчностью». Меха, «мягкое золото», были особенно важны для экономики этого времени, «в дополнение к соболу, горностаю, колонку, серебристой лисице и белке в список сокровищ, получаемых из Сибири, была добавлена северная выдра. Именно охота за шкурами калана определила «русское движение на севере» [George, 1969: 26; Алексеева, 1998: 108].

Сильное влияние данной историографической традиции прослеживается и в работах Дж. Ленсена и Р. Пирса. К. Уайт также признавал ведущее значение социально-психологического фактора колонизации и считал, что главным для сибирских землепроходцев было сочетание миссионерских и коммерческих устремлений (последние были связаны, прежде всего, с погоней за пушниной) [White, 1987: 24].

В своих первых работах, посвященных проблемам продовольственного снабжения русских колоний на Дальнем Востоке и в Северной Америке, Дж. Гибсон рассматривал пушную торговлю в качестве основного стимула «русской восточной экспансии», что к тому же объединяло ее с английской и французской экспансией в Канаде [Gibson, 1969, 1976]. Исследование вопросов хозяйственного развития русских колоний заставило Дж. Гибсона расширить круг социально-экономических причин

колонизации и писать о том, что присоединение Сибири совпало по времени с «мрачным столетием» 1570–1670 гг., отмеченным социальными потрясениями и глубоким хозяйственным кризисом, ударившим в первую очередь по крестьянам, в представлении которых Сибирь была спасительным прибежищем, «золотым дном» [Gibson, 1993: 81–84].

К аналогичному выводу пришел Дж. Харрисон, представивший в своей монографии «Основание Российской империи в Азии и Америке» своеобразный комментарий к концепции представителей Калифорнийской школы. По словам Харрисона, причиной крестьянского переселения в Сибирь в начале XVII в. было стремление уйти от «ужасов гражданской войны» и угрозы полного закрепощения. Вольные переселенцы составляли большинство переселенцев из Европейской России, тогда как процессы правительственной и вольнонародной колонизации практически не пересекались. Но данная точка зрения не стала общепризнанной и преобладающей в западной историографии, не получив достаточного документального обоснования.

Выразителей противоположной концепции в последние десятилетия XX в. было немало, среди них – английский историк Д. Коллинз, указавший на тесную взаимосвязь государственной и вольнонародной колонизации и подчинивший оба процесса все той же цели добычи пушнины, призывая не переоценивать роль крестьянства в истории Сибири [Collins, 1991a: 38–40].

Своего рода компромиссное решение, свидетельствующее, скорее, о стремлении к пересмотру результатов развития данного историографического направления, предложил канадский историк Дж.Л. Блэк, поставивший вопросы пушной торговли и крестьянского переселения в число важных, но далеко не единственных факторов, влиявших на ход колонизации Сибири (наряду с ними историк также упоминает научное освоение, решение политических задач колониальной экспансии, деятельность органов местного управления, в том числе военных и церковных учреждений, развитие системы ссылки и каторги, а также различные аспекты русско-аборигенных отношений в Сибири) [Black J.-L., 1991: 58].

Американский историк Б. Дмитришин также полагал, что присоединение Сибири было обусловлено многими факторами, различными по направлению, интенсивности и продолжительности своего воздействия и ставшими предметом многочисленных исторических исследований. Необходимость продвижения России на восток, в представлении историка, была продиктована соображениями безопасности, поиском новых источников доходов, давлением со стороны частного интереса и даже «религиозными мессианскими побуждениями». Указанные факторы обусловили покорение Казани и Астрахани, что послужило – наряду с успехами купеческой династии Строгановых и походом Ермака – предпосылками проникновения русских в Сибирь.

По определению Б. Дмитришина, с самого начала в Сибири существовала прочная связь между «частным и национальным интересом», неизбежная в трудных условиях освоения далекой колонии и, что более важно, соответствовавшая сущности социально-политического устройства Русского государства [Dmyt-yshyn, 1990b: 4–8]. Более четкого ответа на вопрос о причинах сибирской колонизации историк не дал, что отчасти объяснялось его убежденностью в недостаточной изученности многих вопросов сибирской истории и необходимости создания нового обобщающего исследования по данной теме.

Английский историк А. Вуд поддержал вывод Б. Дмитришина о том, что сибирская колонизация была чрезвычайно сложным процессом, в котором невозможно выделить ведущий фактор. Так, Вуд не был склонен разделять категоричное утверждение ряда западных исследователей (Р. Фишер, Дж. Мартин) о том, что без торговли сибирской пушниной усиление Москвы было бы невозможно, но, напротив, видел в «восточной экспансии» «территориальное и колониальное дополнение» к укреплению власти русского самодержавия [Wood, 1991a: 1–15].

В отличие от А. Вуда, У.Б. Линкольн, автор монографии «Завоевание континента. Сибирь и русские», утверждал, что именно Сибирь позволила России превратиться в мировую державу. Вывод историка о том, что путь на восток был самым безопасным для России, позволяет говорить о решении государством определенных политических задач в ходе сибирской коло-

низации. Исследователь указал и на торговые интересы России, на добычу пушнины, как важнейшую причину хозяйственного освоения региона, но оставил без должного обоснования тезис о «взаимодействии частных и государственных сил», в основе которого следует выявить комплекс социально-политических и социально-экономических причин [Lincoln, 1994: 55–57].

Калифорнийский историк Ю. Слезкин назвал в качестве предпосылок проникновения русских в Сибирь укрепление Московского государства, основание Архангельска, взятие Смоленска, Казани и Астрахани, что позволило Москве установить контроль над основными торговыми путями и совпало с повышением спроса на пушнину в Европе и Турции. По утверждению Ю. Слезкина, русское правительство поначалу волновало не присоединение новых территорий, но лишь получение с них максимального дохода, что ставит торговые интересы Русского государства на первое место среди причин колонизации Северной Азии [Slezkine, 1994: 12, 38].

Английский исследователь Дж. Форсайт опирался на тезис о том, что у России были те же методы колонизации, что и у других стран, и рассматривал весь процесс как череду непрерывных войн и ограбления коренных народностей, а в основе «русской восточной экспансии» видел все ту же погоню за пушминой и имперские амбиции русского правительства. Более того, Форсайт вступил в спор с советскими историками, отказываясь признать процесс колониальной экспансии в Северной Азии как объективный и неизбежный [Forsyth, 1992: 38–47].

О степени влияния такого подхода свидетельствует эволюция взглядов американского исследователя Г. Хуттенбаха. В 1974 г. в статье «Истоки русского империализма» автор охарактеризовал колонизацию Сибири как последнюю волну крестьянской миграции, обусловленную поиском свободной земли и уходом от податей. Г. Хуттенбах признавал, что крестьяне опередили казаки и промышленники, но отмечал, что вольная крестьянская колонизация по своим масштабам превосходила «официальное присутствие Москвы», представителями которой выступали купцы, духовенство и принудительно переселенные крестьяне. Коммерческие интересы правительства, связанные с до-

бычей пушнины, были, по мнению историка, следующим по значению фактором [Huttenbach, 1974]. В целом такая оценка совпадала с мнением большинства советских историков-сибиреведов, полагавших, что «в освоении обширных сибирских и дальневосточных земель принимали участие представители различных общественных групп населения России, но ведущую роль играли служилые люди и промышленники, добывавшие пушнину» [Чернавская, 2003: 29].

Однако в 1988 г. в статье «Московитское проникновение в Сибирь» Г. Хуттенбах в основе сибирской колонизации видел переплетение имперских амбиций и торговых интересов, а главную роль в колонизации отводил военно-административному аппарату. Об участии крестьянства в процессе освоения Сибири историк упомянул вскользь, отводя ему вспомогательную роль [Huttenbach, 1988a].

К числу историков, придерживавшихся традиционного вывода о ведущей роли торговых и военно-политических причин, следует отнести и немецкого исследователя А. Каппелера, который назвал в числе предпосылок продвижения русских в Сибирь усиление Московского государства, падение Казани и Астрахани, а также неудачные попытки «прорыва на западном направлении», после чего Россия снова с большей силой сконцентрировала свое внимание на «собираии земель Золотой Орды» [Каппелер, 2000: 20, 31–35]. Присоединяясь к позиции Р. Фишера, немецкий историк полагал, что «важнейшим стимулом и двигателем удивительно быстрой экспансии, осуществленной на территории протяженностью более чем 6000 километров, оставалась добыча пушнины, прежде всего драгоценного меха соболя».

Очевидно, ни одну из историографических традиций, рассмотренных выше, нельзя считать преобладающей. Отчасти такое разнообразие подходов объяснялось недостаточной изученностью сибирского исторического материала, что не позволяло дать четкий ответ на вопрос о причинах и предпосылках присоединения Сибири.

В зависимости от понимания причин этого процесса западные историки определяли инициаторов сибирской колони-

зации, и в этом вопросе палитра мнений была не менее разнообразной. Предпочтения авторов в данном вопросе распределяются между главными организаторами присоединения Сибири – царским правительством, купцами Строгановыми и казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем.

О преобладающей роли Строгановых писали А. Каппелер, Б. Линкольн, О. Руденко, Р. Фишер, М. Хиндус, Г. Хуттенбах. Все эти авторы в той или иной мере подчеркивали значение коммерческих интересов «русских колонизаторов», оставляя в стороне сугубо политические цели «русской экспансии» и уделяя преимущественное внимание деятельности Строгановых. Так, А. Каппелер писал, что поиски пушнины заставили Строгановых обратить внимание на зауральские земли. Один из состоявших на службе у купцов казацких отрядов под предводительством Ермака захватил столицу Сибирского ханства. Только после этого московское правительство, оправившись от первоначального замешательства, включилось в процесс «энергичного наступления» [Каппелер, 2000: 31–34].

Ведущую роль правительства подчеркивал А. Краузе, который представлял Строгановых лишь в качестве торговых агентов Московского государства². Данная историографическая традиция нашла отражение в работах Дж. Ланцева, Р. Пирса и Дж. Харрисона. О преобладании политических целей в процессе присоединения и освоения Сибири писал А. Вуд, призывавший исследователей не ставить укрепление Русского государства в прямую зависимость от успехов развития пушного промысла. Ряд историков сосредоточили свое внимание исключительно на деятельности правительства в Сибири – подобно

---

² Государство выступает инициатором присоединения Сибири не только в научных трудах того времени. Так, немецкий писатель Т.-Г. Пантениус в своей «Истории России», изданной в Лейпциге в 1908 г., излагает точку зрения, близкую к взглядам А. Краузе: изначально царь Иван Грозный пожаловал Строгановым земли, которые подвергались нападениям со стороны Кучума. Для защиты своих владений Строгановы наняли казаков Ермака, которые до того промышляли разбоем на Волге и вынуждены были теперь укрываться от карательных войск, посланных правительством. Начало похода Ермака против Сибирского царства Пантениус датирует 26 октября 1581 г. – См.: [Pantenius, 1908: 160].

Дж. Ледану или П. Пэрдью, авторов работ о геополитической основе «русской экспансии» [Le Donne, 1997; Perdue, 1996].

Т. Армстронг поддержал мнение советского исследователя А.А. Введенского о том, что проблему присоединения Сибири и роль отдельных участников процесса следует рассматривать с позиций всей восточной политики Московского царства. Британский историк задается вопросом: «Если бы Иван IV не разрешил Строгановым строить крепости в Зауралье в 1574 г., разве стали бы они предпринимать такой поход?» Кроме того, в «Новом летописце» прямо говорится, что именно Максим Строганов призвал Ермака и снарядил его войско. В то же время историк подчеркивает, что у Москвы не было четких экспансионистских планов; но всегда была готовность двинуться на восток, если представится удобная возможность [Armstrong, 1974].

Неизменно большой интерес западные авторы проявляли к личности казачьего атамана Ермака Тимофеевича. В 1843 г. увидела свет книга В. Миллера «Ермак и его товарищи, или Завоевание Сибири». По определению В. Миллера, покорение Сибири было «зеркальным отражением завоевания Америки»; казаков Ермака автор называет «разбойниками», но все же отмечает, что «завоеватели Америки, пришедшие под знаменами веры, выглядели еще ужаснее» [Müller W., 1843].

Представляя поход Ермака как одну из важных наиболее ярких страниц сибирской истории, лишь немногие авторы писали о ведущей или даже решающей роли Ермака в истории присоединения Сибири. В 1930–1940-х гг. в западной (в первую очередь англоязычной) историографии все чаще раздавались голоса сторонников идеи о принципиальном значении военного похода Ермака Тимофеевича, фактически ликвидировавшего последний оплот сопротивления продвижению русских на восток – Сибирское ханство. В 1936 г. В. Яхонтов (в ту пору — сотрудник Русского института культурных связей с Советским Союзом) писал о походе Ермака как о действительном начале присоединения Сибири [Yakhontoff, 1936: 6]. Данную точку зрения разделял Р. Кернер, одно время – его ученик Дж. Ланцев (очевидно, под влиянием своего учителя, поскольку позднее Дж. Ланцев расценивал поход Ермака как фиаско), С. Томпкинс

и др. В 1970-е гг. роль Ермака подчеркивали британские исследователи Т. Армстронг и Дж.М. Стюарт, в 1980-е гг. – Дж. Гибсон и Б. Дмитришин.

Так, в представлении Т. Армстронга, Ермак был «обычным разбойником», который ушел с Волги на восток после того, как царь Иван Грозный приказал «воровских волжских казаков пытать, казнить и вешать» [Armstrong, 1974: 12]. По мнению Т. Армстронга, «завоевание Сибири представляло собой процесс постепенного поглощения территорий, но отправной точкой был поход Ермака и его казаков». Хотя данную военную кампанию трудно назвать удачной, и число ее участников не достигало и тысячи человек, но это было первое масштабное вторжение русских в Сибирь. В целом, отмечает Т. Армстронг, истинные последствия этого события стали очевидны лишь по прошествии длительного времени. Вслед за историком необходимо признать, что «при современном уровне развития технологий тот, в чьих руках находятся природные богатства Сибири, приобретает колоссальное могущество».

Достаточно многочисленна группа исследователей, считавших, что государство, Строгановы и Ермак в равной степени способствовали присоединению Сибири. Одним из первых сторонником данной точки зрения выступил Дж.Баддели, опиравшийся на сведения из сибирских летописей [Сибирские летописи, 1907], труды Г.Ф. Миллера, Г.Г. Ховарта [Howorth, 1876–1888], Г.Е. Катанаева [Катанаев, 1893.] и др.

Британский исследователь замечает, что история похода Ермака нередко воспринимается как некая героическая легенда, хотя при ближайшем рассмотрении все события выглядят куда более прозаичными. Следует признать, что после падения татарских ханств Волга превратилась в прибежище для разного рода разбойничьих шаяк, орудовавших на караванных путях. Нападение на ногайское посольство переполнило чашу терпения Ивана IV, повелевшего найти и жестоко наказать виновных. Спасаясь от царского гнева, часть казаков под предводительством Ермака ушла вверх по Каме на р. Чусовую и в 1579 г. поступила на службу к Строгановым, для которых появление вооруженных людей было весьма кстати, поскольку во испол-

нение другого царского указа им надлежало нанять казаков для защиты русских владений от нападений туземцев. В итоге именно Строгановы снабдили отряд Ермака всем необходимым, чтобы нанести упреждающий удар по Сибирскому ханству, откуда люди Кучума совершали свои набеги.

Впрочем, поход на Кучума, начавшийся в 1581 г., не представлялся в Москве первостепенной задачей, что подтверждается текстом обнаруженной еще Г.Ф. Миллером «опальной» грамоты Ивана IV Строгановым и датированной 16 ноября 1582 г. Упрекая промышленников в том, что они укрывают у себя тех самых разбойников, которые расправились с ногайским посольством, царь потребовал отправить казаков на защиту Перми и Чердыни. Лишь после известий об успехах Ермака позиция Ивана Грозного изменилась.

Дж. Баддели не считал, что в разгроме войск Кучума решающее значение имело огнестрельное оружие, которое было известно и татарам (данную точку зрения разделяют и многие отечественные историки). По мнению британского исследователя, успеху русских куда больше способствовала вражда между Шейбанидами и Тайбугидами. Несмотря на то, что в монографии Дж. Баддели главными инициаторами похода на Сибирское ханство предстают Строгановы, историк подчеркнул, что окончательное присоединение и заселение Сибири в последующие годы стало возможным, прежде всего, благодаря усилиям русского правительства и Бориса Годунова. При этом Дж. Баддели не был склонен приуменьшать заслуги Ермака, видя в нем человека незаурядных способностей, харизматичного лидера, умевшего повести за собой людей. В народной памяти деяния атамана были приравнены к подвигу, им восхищались не только русские, но и представители сибирских этносов, верившие в магическую силу кольчуги атамана и поклонявшиеся его могиле.

Об объединении усилий правительства, промышленников и казаков писали также Б. Пэрс, Ю. Семенов, К. Грешпер. В конце XX в. наиболее последовательными сторонниками данной концепции выступили Дж. Форсайт и Ю. Слезкин.

По вопросу о характере присоединения Сибири зарубежные исследователи делятся на сторонников трех основных кон-

цепций – завоевания Сибири, ее мирного присоединения или же сочетания военных акций и мирного освоения³.

Влияние концепции завоевания, сложившейся еще в XVIII в. в работах Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера, прослеживается в работе Ф.А. Голдера, описывавшего историю сибирской колонизации как историю порабощения казаками коренного населения. В послевоенный период лишь немногие западные авторы (например, К. Грешпер, Дж. Форсайт) представляли сибирскую колонизацию как непрерывную масштабную военную кампанию.

Большинство исследователей писали о доминировании в правительственной политике в Сибири методов принуждения, зачастую подкреплявшихся силой оружия (Д. Коллинз, Дж. Мартин, О. Руденко, Ю. Слезкин, С. Томпкинс). Как правило, эти авторы анализировали преимущественно политический аспект колонизации – в первую очередь, создание системы «колониальной администрации» и ее политику в отношении коренного населения Сибири. В то же время хозяйственное освоение региона не становилось у них предметом специального рассмотрения.

Позицию указанных исследователей нельзя считать последовательным развитием концепции завоевания Сибири, о преобладании которой в западной историографии нередко писали советские историки. Как правило, зарубежные авторы признавали объективность и неизбежность присоединения Сибири русскими; прочность их присутствия в Северной Азии, что принципиально отличает Россию от других европейских колониальных держав, лишившихся с течением времени своих владений. В разное время об этом писали Р. Кернер и Дж. Ланцев, Т. Армстронг и Ю. Семенов, А. Вуд и Дж. Гибсон, Б. Дмитришин и Г. Хуттенбах.

Более того, с самого начала концепция завоевания была отнюдь не единственной в англо- и германоязычной историографии Сибири. Еще в начале XX в. о преимущественно мирном присоединении и освоении Сибири писали А. Краузе и Б. Пэрс. Концепцию Ф. Голдера подверг сомнению Р.Дж. Кер-

---

³ В новейшей отечественной историографии своих сторонников находят все три указанные концепции. – Подробно об этом см.: [Зуев, 2007].

нер, рассматривавший русскую колонизацию как сочетание военных акций и мирного освоения (что совпало по времени с выработкой советским историком В. Шунковым концепции присоединения Сибири). В числе сторонников данной точки зрения следует упомянуть Т. Армстронга, Дж. Гибсона, Дж. Ланцева, П. Пэрдью, Э. Саркисянца, Р. Фишера, Дж. Харрисона и др.

В зависимости от понимания причин и характера процесса присоединения Сибири зарубежные исследователи анализировали последствия данного процесса для коренного населения и оценивали различные аспекты русско-аборигенных отношений. Как правило, исследователи, подчеркивавшие первостепенное значение политических и торговых интересов России на востоке, писали о завоевании Сибири русскими (Ф. Голдер, К. Греппер, Дж. Форсайт и др.) или о преобладании в правительственной политике методов принуждения (Д. Коллинз, Ю. Слезкин и др.).

Впрочем, сравнительно немногие западные историки отмечали исключительно негативные последствия присоединения Сибири к России, делая основной акцент на проблеме эксплуатации коренного населения и природных ресурсов колонии. Так, Дж. Форсайт и Ю. Слезкин писали о непоправимом вреде, нанесенном русскими колонизаторами ряду коренных народностей Сибири, а Д. Коллинз со ссылкой на С. Бахрушина заявил, что от полного истребления аборигенов спасло лишь то, что московскому правительству было невыгодно сокращение численности ясачного населения.

К сходным выводам пришел английский исследователь Дж. Форсайт – автор монографии, посвященной взаимоотношениям пришлого и коренного населения Сибири. Основной целью его работы было опровержение выводов советских историков Сибири о прогрессивном значении русской колонизации, о неизбежности и объективности этого процесса. В его представлении, самобытные культуры коренных народностей неизбежно разрушались под натиском вторгнувшейся русской цивилизации, предпочитавшей методы насилия и принуждения принципам «мирного сосуществования» [Forsyth, 1992: 117–119].

Преобладание военных акций на начальном этапе присоединения Сибири и постепенный переход к политике невмешательства в жизнь коренного населения усматривали А. Каппелер, В. Коларц, В. Конолли. Так, о военных столкновениях между русскими и тунгусами, не прекращавшихся в течение всего XVII в., писала В. Конолли. По ее мнению, советская историография замалчивала негативные аспекты русской колонизации Якутии в дореволюционный период – в частности, многочисленные восстания якутов в XVII в., жестоко подавлявшиеся властями [Conolly, 1967a: 83; Корчагин, 1995]. В. Коларц выступил против утверждения советской историографии о мирном присоединении русскими территорий, населенных айнами, в 1850-х гг. [Conolly, 1974: 242, 244; Kolarz, 1954: 87; Корчагин, 2000].

Однако многие исследователи признавали, что официальная политика российского самодержавия, которую они определили как невмешательство во внутреннюю жизнь северных народов, способствовала сохранению их общественного устройства и традиционного образа жизни [Kolarz, 1954: 103; Armstrong, 1965: 116; Conolly, 1967b: 81-91]. Впрочем, такая политика не защищала инородцев от злоупотреблений со стороны местной русской администрации, казаков и торговцев. По заключению Т. Армстронга, русские редко вмешивались в дела инородцев, отношение к ним со стороны правительства было достаточно либеральным, но действия местных чиновников зачастую отличались бессмысленной жестокостью [Armstrong, 1965: 102–114].

Характеризуя начальный период продвижения русских за Урал, А. Каппелер отмечал преимущественно военный, насильственный характер присоединения сибирских территорий: «Уже татары бывшего Сибирского ханства в период «Смутного времени» в начале XVII в. подняли ряд крупных восстаний сепаратистского характера, в которых участвовали также ханты и другие этносы Западной Сибири. И якуты, и буряты, так же, как юкагиры, чукчи, камчадалы и коряки Северо-Востока, и после их формального подчинения вновь поднимали волнения» [Каппелер, 2000: 31]. Постепенно московское правительство пере-

шло к более сдержанной политике в отношении коренного населения, «чтобы не подвергать риску главную цель – регулярное получение ясака.

Сравнительно немногочисленная группа историков придерживалась мнения о преимущественно мирном и взаимовыгодном сосуществовании русского и коренного населения (Т. Армстронг, Дж. Гибсон, Дж. Ланцев, Р. Фишер, С. и Э. Данн [Dunn S.P., Dunn E., 1972: 291]). Исследуя взаимоотношения между русским и инородческим населением Сибири, Т. Армстронг эволюционировал от исключительно негативной оценки характера этих взаимоотношений в сторону признания преимущественно мирного характера процесса. Если в работе 1960 г. он писал о преобладании ожесточенных столкновений между русскими и сибирскими инородцами, то позднее пришел к выводу о том, что военные методы применялись русскими только на начальном этапе, а к началу XVIII в. на большей части сибирских и дальневосточных территорий установился мир [Armstrong, 1960: 114; 1965: 113–115; Armstrong, Rogers, Rowley, 1978; Корчагин, 1995].

Издание «Британики» 1994 г. содержит утверждение, что далеко не всегда вторжение русских оказывало пагубное влияние на коренные сибирские народности, и что в ходе освоения русскими Сибири улучшилось положение, например, бурят и якутов. Вслед за Дж. Форсайтом в «Британике» подчеркивается, что до прихода русских Сибирь населяло множество племен, но во время русского вторжения численность аборигенов была не так велика, чтобы они могли оказать серьезное сопротивление. Авторы энциклопедических статей отметили, что удивление вызывает не столько быстрота завоевания Сибири, сколько запоздалость этого процесса, хотя в данном случае история сибирской «колонии» явно рассматривается в отрыве от истории «метрополии».

В целом в современной западной историографии следует признать преобладающим вывод о негативном воздействии русской колонизации на жизнь коренных народностей Сибири, но если раньше исследователи объясняли все разнонаправленностью действий центральных и местных властей, то в исследова-

ниях Дж. Форсайта, Ю. Слезкина, У. Линкольна [Lincoln, 1994] ответственным за выработку политики в отношении «инородцев» предстает, прежде всего, правительство.

Наиболее последовательной политика царского правительства в отношении колоний выглядит в работе У.Б. Линкольна, считавшего «дикость и произвол властей» вполне естественным проявлением общего хода колонизации. Не случайно историк возродил и выдвинутый в свое время Дж. Ланцевым тезис о продуманности и последовательности действий правительства уже на раннем этапе колонизации, что связывалось с именем Бориса Годунова, а также об активном вмешательстве государства в жизнь сибирской колонии в период правлений Петра I, Екатерины II и Александра I.

2.2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В XVII–XIX вв.

В зависимости от понимания причин и характера присоединения Сибири западные исследователи определили ключевые проблемы истории социально-экономического развития региона. Представление о погоне за пушниной как главном стимуле проникновения русских за Урал побуждало выяснить действительную роль торговли мехами в экономике региона и значение сибирской пушнины для государственной казны. Концепция преимущественно мирного присоединения и освоения Сибири подчеркивала значение крестьянской колонизации, делала необходимым изучение проблем аграрной истории региона. Наконец, изучение механизмов и инструментов распространения российского влияния в Северной Азии заставляло обратиться к истории развития транспортных коммуникаций. В частности, западные исследователи уделяли большое внимание выяснению причин и последствий сооружения Транссибирской магистрали.

В первых работах по истории «русской восточной экспансии» проблемы хозяйственного освоения и управления рассматривались комплексно. Основой для такого подхода служило представление о военном характере присоединения Сибири,

ведущей роли административного аппарата в удержании колоний. Эту концепцию, предложенную в 1886 г. американским историком Г. Бэнкрофтом, развил Ф.А. Голдер, рассматривавший хозяйственные занятия русских колонистов в тесной связи с деятельностью местной сибирской администрации. Хаотичная и неэффективная система управления, по замечанию Ф.А. Голдера, была следствием того факта, что Москва долго не осознавала значения Сибири и не выработала четкого плана управления ею [Golder, 1914: 19]. Главной целью правительства и местного чиновничества историк считал сбор ясака, размер которого ограничивался единственным обстоятельством – угрозой сопротивления со стороны коренного населения Сибири. При этом Ф.А. Голдер писал о многочисленных злоупотреблениях чиновников, которые завышали размеры ясака, собиравшегося с «инородцев» [Ibid: 20].

В отличие от Ф.А. Голдера, Р.Дж. Кернер указал на самостоятельное значение вопросов социально-экономического развития Сибири, пытаясь найти в истории хозяйственного освоения региона ответ на вопрос: почему России удалось сохранить колониальные владения за Уралом, и какие силы создали, по определению историка, «географическое, экономическое и функциональное единство» метрополии и колонии [Kerner, 1939: 103]. По мнению В.В. Покшишевского, Р.Дж. Кернеру не удалось в полной мере показать действительное значение многих факторов, влиявших на ход сибирской колонизации, поскольку он явно переоценивал значение пушнины как стимула продвижения русских на восток, а также преувеличивал роль водных путей как фактора, способствовавшего скорости данного процесса. При этом американский историк не учитывал, что в Сибири уже с XVIII в., когда оформился Великий Сибирский тракт, старые речные системы потеряли прежнее значение [Покшишевский, 1947].

С такой критикой можно согласиться лишь отчасти, поскольку историко-географический характер работы Р. Кернера предполагал выяснение, в первую очередь, объективных природных условий, способствовавших или препятствовавших про-

цессу колонизации. Более глубокое изучение хозяйственной деятельности переселенцев, истории освоения и преобразования природной среды человеком должно было представлять предмет самостоятельных исследований.

Й. Кляйн стал первым западным исследователем, посвятившим специальное исследование сибирской торговле мехами в XVI–XIX вв. В основу его монографии «Сибирская пушная торговля и ее значение для завоевания Сибири», опубликованной в 1906 г. в Бонне, положены материалы докторской диссертации, которую автор защитил в Рейнском университете им. Фридриха-Вильгельма [Klein, 1906].

В качестве источников Й. Кляйн использовал труды И.Э. Фишера, Г.В. Стеллера, А.Ф. Миддендорфа, К. фон Бэра, К. Дитмара, Н.М. Ядринцева. В книге подробно описываются основные виды пушного зверя, обитавшего в Сибири, на Дальнем Востоке и в Русской Америке и имевшего промысловое значение; характеризуется роль промышленников и сибирских аборигенов в добыче пушнины; приводятся данные о ценах на меха, поступлениях ясака в казну, доходах сибирских ярмарок, торговле мехами со странами Запада и Востока, о деятельности отдельных купцов и торговых компаний. Исследователь выделил три взаимообусловленных и взаимосвязанных этапа хозяйственного освоения Сибири. Содержание первого этапа определялось погоней русских за пушниной; второй этап ознаменовался земледельческим освоением региона; третий – добычей металлов [Ibid: 116]. Соответственно, без первоначального повышенного интереса русских к сибирской пушнине вряд ли было возможно их стремительное продвижение на восток и удержание присоединенных территорий.

Представление о добыче пушнины как основной причине проникновения русских в Сибирь разделяли также представители Калифорнийской школы. Первым в англоязычной историографии специальным исследованием по истории хозяйственного освоения Сибири в XVII в. стал труд Р. Фишера «Русская торговля мехами» [1943]. Задачей ученого было обоснование тезиса Р. Кернера о добыче пушнины как основной причине ко-

лонизации Сибири. Одновременно Р. Фишер писал о «двух волнах» колонизаторов, первую из которых составили всевозможные авантюристы и предприниматели (в число последних Фишер включил и тех, кто состоял на государственной службе), главной целью которых была эксплуатация природных ресурсов Сибири. Вторая волна состояла из крестьян и прочих поселенцев, действительно осваивавших край. В своей монографии Р. Фишер рассматривал историю «первой волны», представители которой имели непосредственное отношение к сибирской пушной торговле. В этом отношении историк не увидел значительных различий между промышленниками и служилыми людьми, принимавшими активное участие в торговле пушниной, несмотря на запреты правительства и воевод.

Вообще, Р. Фишер полагал, что Россия была исключением в ряду других колониальных держав XVI–XVII вв., поскольку государство никогда не отдавало колонию целиком в руки частных торговцев и промышленников, а само выступало в роли предпринимателя, установившего для себя монопольные права и привилегии [Fisher, 1943: 48–71]. Р. Фишер не считал пушную торговлю единственным фактором сибирской колонизации, но активное участие государства в этом процессе объяснял, прежде всего, выгодностью экспорта пушнины, дававшего казне в начале XVII в. около 11 % дохода [Ibid: 108–123].

В.К. Яцунский пришел к выводу, что из приводимых Р. Фишером сведений о месте доходов, полученных от торговли пушниной, в общегосударственном бюджете более обоснованными представляются данные для 1680 г. (6,8 %) и 1701 г. (2,5 %), рассчитанные на основе сведений П.Н. Милюкова о бюджетах 1680 и 1701 гг. Сопоставляя доходы от пушнины с расходами правительства в Сибири, Р. Фишер пришел к выводу, что «Сибирь не только вполне покрывала производимые в ней расходы, но и давала значительную прибыль в московский бюджет».

В свою очередь, В.К. Яцунский сопоставил выводы Р. Фишера с данными де Родеса, согласно которым в 1653 г. продукты земледелия и скотоводства в сумме составляли свыше 70 %

от всего российского вывоза, что противоречит утверждению американского историка о ведущей роли мехов во внешней торговле Московского государства [Яцунский, 1945: 192]. Впрочем, нельзя не согласиться с общим выводом Фишера о том, что пушнина имела большое значение для внутренней жизни Московского государства, способствовала росту торговли и послужила одной из причин присоединения Сибири [Fisher, 1943: 230–234].

Анализируя тезис Р. Кернера об эксплуатации коренного населения и природных ресурсов, Р. Фишер сделал несколько важных выводов. Во-первых, он счел необходимым разделить политику государства в отношении сибирских «инородцев», от которой во многом зависело состояние пушной торговли, и действия местных властей, конкретных служилых людей и промышленников. Государство неизменно строго регламентировало ясачный сбор, ограничивало участие купцов и промышленников в торговле пушшиной, пресекало злоупотребления казаков и чиновников в отношении коренного населения, исходя при этом из требований здравого смысла и представлений о собственной выгоде.

По оценке Р. Фишера, такая политика была замечательной для государства, эксплуатировавшего более слабые народы, но он также отмечал, что слабая забота правительства о чиновниках приводила к тому, что на местах все законы так или иначе нарушались. В сущности, Р. Фишер опроверг вывод Ф. Голдера о том, что произвол чиновников объяснялся отсутствием у правительства четкого плана управления новой колонией. Напротив, политика государства была вполне определенной и последовательной, о чем свидетельствовали многочисленные законодательные акты, упоминаемые Р. Фишером.

Касаясь проблемы эксплуатации природных ресурсов – прежде всего, истребления пушного зверя, историк признавал неизбежность этих явлений вследствие неуклонного роста числа охотников, более совершенных приемов охоты у русских и практически безграничного спроса на пушнину. Однако исследователь отмечал, что речь следует вести об истреблении лишь

лучших особей пушного зверя, к тому же популяции достаточно быстро восстанавливали свою численность после перехода русских на новые территории [Ibid: 94–108].

Роль сибирской пушнины в торговле со странами Востока охарактеризовал американский исследователь Р. Келли. В своей статье «Сибирская пушная торговля со странами Востока (конец XVII – начало XVIII в.)», опубликованной в 1987 г. [Kelly, 1987], он показал, что пушнина, будучи одним из основных источников пополнения казны в XVII – начале XVIII в., играла в российской экономике почти такую же роль, какую в XX в. стала играть нефть. Добыча наиболее ценного меха (соболя, бобра, горноста, лисицы, куницы и белки) обеспечивала весьма приличное существование многим категориям сибирского населения, включая охотников, торговцев и скорняков и разнообразных местных «управителей». За сибирскую пушнину можно было получить иностранную валюту, она также служила важным инструментом в дипломатических отношениях России с другими странами.

Признавая большое значение торговли⁴, американские историки все же представляли процесс хозяйственного освоения Сибири как многофакторный, требующий всестороннего изучения. В числе сторонников данной позиции – Б. Дмитришин, британский историк А. Вуд и канадский исследователь Дж. Гибсон.

Вопросы аграрной истории Сибири в той или иной степени освещались в трудах А. Байкалова [Baikalov, 1932, 1933], Э. Лесснера [Lessner, 1955], А. Лобанова-Ростовского [Lobanov-Rostovsky, 1951]. В 1950–1970-х гг. специальные исследования по данной теме написали Р. Дрю [Drew, 1958, 1959], Д. Казмер [Kazmer, 1977], Х. Эллисон [Ellison, 1955]. В работах И. Стебельски изучалась роль крестьян, выходцев из малороссийских губерний, в сельскохозяйственном освоении Сибири [Stebelsky, 1984,

---

⁴ Различным вопросам истории сибирской торговли XVII–XIX вв. посвящены статьи и монографии Е.Е. Рича [Rich, 1955]; Р.Ф. Дрю [Drew, 1961], Р. Фишера [Fisher, 1944–1945], К.Ф. Фауста [Foust, 1961, 1968, 1969], С. Томпсона [Thompstone, 1980], Э.-М. Столберг [Stolberg, 2000] и др.

1993]. Анализируя широкий круг вопросов, связанных с аграрной историей Сибири, западные авторы в меньшей степени затрагивали такие темы, как роль «штрафной колонизации» в заселении и освоении региона; переселение крепостных, выкупленных казной у помещиков; «отходничество».

В англоязычной историографии наиболее известным исследованием, посвященным аграрному развитию Сибири, остается монография Д. Тредголда, опубликованная в 1957 г. и посвященная массовым переселениям крестьян в пореформенный период [Treadgold, 1957]. По признанию Д. Тредголда, в своем исследовании он стремился, в первую очередь, провести сравнение между освоением американского и сибирского «фронта». Создатель теории «фронта» Ф.Дж. Тернер утверждал, что именно наличие фонда свободных земель, а также постепенный сдвиг границы неосвоенных территорий на запад по мере притока переселенцев служат главным объяснением хода американской истории. Под влиянием «фронта» формировалась «смешанная национальность», развивался национализм, секционализм, демократия и индивидуализм.

Некоторые критики теории указывали на тот факт, что все вышеперечисленные феномены в определенной степени существовали и до переселения колонистов на Запад или же сформировались под влиянием других факторов, а не только процесса колонизации. С точки зрения Д. Тредголда, доказательства такого рода не опровергают выводы Ф.Дж. Тернера, хотя и показывают, что тому следовало быть осторожнее с определением «фронта» как универсального явления и яснее высказаться о той роли, которую играет культурное наследие, а также осветить, из каких истоков формируются те или иные институты.

Д. Тредголд не сомневался, что переселения крестьян в восточные регионы России во многом напоминали покорение американского Запада. Сибирь заселяли бывшие крепостные, бежавшие от угнетения и нищеты, и даже после 1861 г. освобожденные крестьяне часто уходили от правовых ограничений и бедности. В действительности у русских было куда больше причин для бегства на восток, чем у европейцев, бежавших в Аме-

рику; при том что на новых землях русские переселенцы приобретали куда меньше, чем жители Америки. Тем не менее, подобно американским пионерам, русские крестьяне добровольно шли на риск и покидали привычные места жительства, отправляясь в неизведанную даль в поисках лучшей доли.

Вместе с тем Сибирь не знала некоторых явлений, характерных для американского «фронта». Взаимоотношения пришедшего и коренного населения в Сибири были куда менее проблематичными, чем в Северной Америке, отчасти потому, что русские обращались с инородцами значительно лучше, чем американцы с индейцами, отчасти потому, что сибирские аборигены, как правило, не были слишком воинственными; но во многом и потому, что проживали они преимущественно не в районах аграрного освоения. Проблемы стали возникать по мере проникновения русских в степи Центральной Азии, что привело к масштабному восстанию казахов в 1916 г.

И все же, при всех различиях, в Сибири сложился социум, более похожий на тот, что сформировался в США, нежели в Европейской России. В Сибири люди проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались большей гибкостью, чем в остальных регионах России. На примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регионов империи могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

Вообще, как отмечает Д. Тредголд, миграция населения в Сибирь была частью более широкого процесса, разворачивавшегося в России в течение XIX – начале XX в., когда благодаря реформам Александра II на смену сословному обществу с законодательно закрепленной социальной стратификацией постепенно приходило общество, руководствовавшееся принципом равенства граждан перед законом. По мнению американского историка, крестьянство, как и остальные социальные классы России, в рассматриваемый период эволюционировало в сторону правового и экономического равенства, поднимаясь на тот уровень, где каждый индивид и семья в целом могли бы рассчитывать на большее, чем когда-либо за всю предыдущую историю России. В конце XIX – начале XX в. важным аспектом

аграрной политики правительства являлось содействие «землеустройству» крестьян, а одной из целей Столыпинской реформы – формирование слоя юридически свободных фермеров, владевших «консолидированной» земельной собственностью. Постепенно царским чиновникам стала очевидна возможная и фактическая взаимосвязь между землеустройством в Европейской России и переселениями в Сибирь.

При всей деспотичности самодержавия правительство сумело осознать и возглавить прогрессивный общественный процесс, связанный с крестьянскими переселениями. В то же время революционная интеллигенция страстно противилась этому процессу, отчасти по той причине, что считала самодержавие своим заклятым врагом, но прежде всего потому, что опасалась развития частной собственности, которая могла стать препятствием на пути утверждения социализма в той или иной его форме.

Характеризуя итоги сибирских переселений, Д. Тредголд утверждает, что крестьяне смогли получить землю и свободу в больших масштабах, чем когда-либо ранее. Часто переселенец объяснял причину своего решения оставить родное село «нехваткой земли» в европейских губерниях России, но если именно это было главным мотивом, то он вполне мог бы взять дополнительный участок земли в аренду. Конечно, арендованная земля требовала больших трудовых и денежных затрат, но перед переселенцами стояли куда более серьезные задачи – кроме всего прочего, они должны были порвать со своим прошлым и прошлым своих предков, со всей своей привычной жизнью, дававшей ощущение безопасности и предсказуемости.

Как полагает Д. Тредголд, помимо земли миллионы крестьян искали свободы, и возможность ее обретения являлась тем стимулом, который побуждал их срывать с насиженных мест и рисковать всем, что у них было. Никому в истории так и не удалось отделить свободу «экономическую» от свободы «политической»: ни тем, кто пытался разобраться в сокровенных мечтах и надеждах каждого индивида, ни тем, кто мечтал создать идеальное государство и общество. Угнетение и несчастья так и не смогли истребить в крестьянине желание обрести «землю и волю».

Стремление крестьян найти в далеком краю землю в определенной степени отражало кризис общинного землепользования с его трехпольным севооборотом в центральных и южных губерниях России. Растущая плотность населения сделала эту систему устаревшей и не способной накормить как сельское, так и городское население России. Переселение в Сибирь показало каждой крестьянской семье, какими путями она может достичь своих целей. Для российского крестьянства переселения имели двоякий эффект: в европейских губерниях они стали катализатором эффективного землеустройства; в Сибири – ярким примером стремительного роста сельскохозяйственного производства, со всеми вытекающими отсюда социальными и экономическими выгодами.

В заключительной части своей работы Д. Тредголд задался вопросом, можно ли говорить о развитии демократии и индивидуализма в Сибири в рассматриваемый исторический период? На уровне сельских миров в Сибири существовала давняя традиция самоуправления, как и в Европейской России. Несмотря на то, что сельская община как инструмент организации аграрного производства практически перестала существовать, сельский сход продолжал функционировать как орган демократии, причем в Сибири, где не было помещного дворянства, в дела сельских миров власть почти не вмешивалась. Однако историк вынужден признать, что демократия в смысле прямого народного участия в формировании властных органов так и не была в полной мере реализована. В целом Д. Тредголд объединил в своей концепции элементы теории «фронта», концепций «колонизации» и «модернизации». Важно также подчеркнуть несомненное влияние на него идей его учителя – М.М. Карповича, отмечавшего успехи экономического развития России на рубеже XIX–XX вв.

Монография Д. Тредголда получила самую высокую оценку в западной историографии – например, в работах В. Конолли, П. Дибба, Т. Армстронга, Н. Поппе, Дж. Гибсона, Б. Андерсон [Conolly, 1967; Dibb, 1972: 170; Armstrong, 1965; Poppe, 1971: 140, 144; Gibson, 1972; Anderson, 1980]. Так, известный монголовед Н. Поппе, перебравшийся в годы Второй мировой войны

из СССР на Запад, в своей статье «Экономическое и культурное развитие Сибири», опубликованной в 1971 г., присоединился к выводу Д. Тредголда о том, что «русские из европейской части России, переселявшиеся в Сибирь, делали это по двум причинам: они отправлялись в поисках либо свободных земель, либо личной свободы».

Вместе с тем концепцию Д. Тредголда критиковали советские историки, упрекавшие американского исследователя в стремлении «американизировать» Сибирь, доказать «преимущества буржуазных методов хозяйственного освоения», «ненужность» и «невозможность» революционного пути решения аграрного вопроса; отмечали идеализацию Д. Тредголдом переселенческой политики царизма, отрицание им процесса социального расслоения и разложения сибирской деревни и преувеличение значения географического фактора [Федоров, 1959; Складаров, 1962; Панкратова, 1969; Дубовский, 1973; Горюшкин, Сагайдачный, 1983; Передерий, 1980].

Особенности аграрного развития Сибири в XVII – начале XX в. рассматривались в работах Дж. Чэннона, Э. Доннели, С. Бекера и др. Так, сотрудник Школы славянских и восточно-европейских исследований Дж. Чэннон обратился к теме, обозначенной Л.М. Горюшкиным как «вопрос об истоках сибирского варианта русской общины» [Горюшкин, 1977: 6]. В своей статье «Региональные вариации общины (на примере Сибири)» [Channon, 1990] Дж. Чэннон справедливо отметил, что представления западных сибиреведов о таком социальном феномене, как русская крестьянская община, базируются в основном на выводах и обобщениях, полученных в результате изучения сельских миров в Европейской России. Опираясь в основном на выводы, полученные советской историографией [Александров, Покровский, 1968; Власова, 1984; Горюшкин, 1976; Громыко, 1977; Миненко, 1977], Дж. Чэннон попытался выяснить специфику сибирской крестьянской общины, проследить ее эволюцию в XIX – начале XX в. и понять, в частности, причины возникновения передельной земельной общины.

С самого начала Дж. Чэннон признавал, что истоки возникновения крестьянской общины в Сибири не менее «туманны»,

чем в центральных районах Европейской России. В советской историографии утвердилось мнение, что община в Сибири существовала с начала XVIII в. или даже с XVII в., хотя в разные периоды истории она приобретала различные формы, тесно связанные с характером землепользования и землевладения⁵.

В сущности, историк использовал теоретическую схему из статьи отечественной исследовательницы М.М. Громыко [1977: 47], предложившей следующую «иерархию» крестьянских общин в Сибири: однодеревенская община входила в сельскую крестьянскую общину, охватывавшую несколько близких населенных пунктов; последняя входила в более обширную, административно выделенную, низовую окладную единицу – сельское общество, которое, в свою очередь, было включено в состав волости, являвшейся одновременно и формой территориальной крестьянской общины (волостной общиной). По мнению Дж. Чэннона, возникновение волости как «поземельной единицы» было продиктовано стремлением ее членов защитить земельные наделы, которые они считали своей собственностью.

В первой половине XIX в. правительство косвенно стимулировало развитие сельских общин в фискальных и административных целях. В этих условиях поземельные функции волостной общины постепенно передавались сельским общинам. К середине столетия именно они стали доминирующей формой общинного землевладения, вытеснив волостные общины, по крайней мере, в Западной Сибири. Впрочем, в северных, наименее населенных и экономически неразвитых районах волостная форма сохранилась.

Дж. Чэннон отмечает, что переход от «индивидуально-общинного» землепользования к «общинно-передельному» был

---

⁵ По наблюдениям Л.М. Горюшкина, земельные сообщества, исчезавшие по мере хозяйственного упрочения переселенцев и роста индивидуального землевладения (чтобы возникнуть вновь с появлением новоселов), – это не общины и, видимо, даже не зародыши их. Последние справедливо усматриваются в XVII в. в общедеревенских владениях с определенной территорией земельных угодий, в оформляющихся сельских обществах с выборными должностными лицами, в случаях выступлений крестьянского «мира» в защиту своих прав. – См.: [Горюшкин, 1977: 6].

связан не только с фискальной политикой и усиливающимся регулированием деятельности общин со стороны государства, но также с относительной нехваткой земли. В конце XIX в. правительство стало поощрять переселения в Сибирь и создавало институциональные инструменты передачи земли новопоселенцам, в то же время рост объемов производства товарной сельхозпродукции (например, в сфере маслоделия), организованного с помощью сельских общин, приводил к сокращению площади сельскохозяйственных угодий, доступных для остальных крестьян. Относительная неравномерность распределения земельных владений в пределах общины приводила к тому, что на благополучные крестьянские хозяйства оказывалось все большее давление с тем, чтобы вынудить их уступить свою землю. В целом земельные переделы были тесно связаны с резкими и драматичными изменениями соотношения между количеством обрабатываемой земли и численностью населения.

Вопросы, связанные с земельным переделом, решались на сельских сходах, которые также занимались множеством других дел, включая раскладку налогов и прочих обязательств. Деятельность сельских сходов показывает, что община играла роль «буфера» между отдельными крестьянами и местным чиновничеством, а значит, и государством. «Миры» также регулировали порядок крестьянского землепользования, хотя степень их вмешательства в процесс сельскохозяйственного производства варьировалась в зависимости от региона. Данный вывод Дж. Чэннона, в сущности, соответствует представлениям советских сибиристов о «дуализме» общины⁶.

---

⁶ Как писала М.М. Громыко: «В ходе заселения новых территорий два фактора определяли возникновение крестьянских общин: феодальному государству для обеспечения фискальных и административных задач нужны были низовые органы власти, при этом целесообразно было использовать, в частности, крестьянское выборное управление, не требовавшее затрат на его содержание и обеспечивающее поручительство общины за каждого члена; параллельно действовала заинтересованность самих крестьян в создании территориальной общины, вызванная хозяйственными потребностями и спецификой их социального положения». — См.: [Громыко, 1977: 44].

В сравнении с крестьянскими общинами, существовавшими в Европейской России, сибирские сельские «миры» осуществляли земельные переделы значительно реже, а «черные переделы» практически не встречались. Сибирские переделы, скорее, напоминали частные земельные переделы (так называемые скидки-накидки), распространенные в нечерноземных областях Европейской России. Отличительная черта земельных переделов в Сибири – сохранение за каждым домовладельцем «отцовской пашни» (на основе представлений об изначальных «правах поселенца» и наследственной земельной собственности крестьянских хозяйств), при этом крестьянин сохранял участок, выделенный общиной, но также имел надел (как правило, не обрабатываемый), расположенный далеко от его усадьбы⁷.

Наконец, такие частные переделы встречались далеко не по всей Сибири. Общинно-передельная форма землепользования преобладала в некоторых местностях Западной Сибири, густо заселенной и экономически развитой территории, с наиболее пригодными для земледелия почвами и климатом и самым масштабным притоком переселенцев. По мнению Дж. Чэннона, главным препятствием на пути развития частного крестьянского землевладения оставались сохранявшиеся за государством права собственности и верховного распоряжения землей, хотя в начале XX в., особенно в ходе столыпинской реформы, принимались некоторые меры, призванные изменить сложившуюся ситуацию.

Историк считает необходимым подчеркнуть, что изменения в данной сфере происходили медленно, и сибирские крестьяне все же предпочитали полагаться на общину в деле распределения скудных природных ресурсов, нежели на институт частной собственности и механизмы рыночного перераспределения. Таким образом, работа Дж. Чэннона – редкий для западной историографии пример исследования, в котором основное

---

⁷ Дж. Чэннон в основном использует данные об эволюции сибирской общины в конце XIX в., содержащиеся в неопубликованной диссертации Д. Казмера. – См.: [Kazmer, 1973].

внимание уделяется не успехам модернизации и капиталистического развития сибирской деревни в XIX – начале XX в., а институтам традиционного общества и «феодално-крепостническим пережиткам».

Инвариантным фактором колонизационных процессов по обе стороны Уральских гор в схеме Дж. Чэннона предстает и та всеобъемлющая роль, которую продолжало играть государство. Вместе с тем он признает, что Сибирь давала переселенцам больше возможностей и больше свободы (что близко к выводам Д. Тредголда), хотя специфика сибирской окраины сочеталась с традициями хозяйствования и землепользования, принесенными из Европейской России.

В отличие от Дж. Чэннона, американский историк Э. Доннелли, один из представителей Калифорнийской школы, апеллировал преимущественно к теоретическому инструментарию теории «фронта» или «подвижной границы» (*mobile frontier*). В статье, посвященной истории проникновения русских в Башкирию и Казахстан, Э. Доннелли подробно описал историю освоения территорий на границах Южной Сибири и Центральной Азии, объединенных в конце XIX в. в составе Степного генерал-губернаторства [Donnelly, 1988]. Причины проникновения русских в указанный регион объяснялись, по его мнению, прежде всего, стремлением Петра I наладить торговые связи с городами Центральной Азии и Индии. Однако после двух неудачных экспедиций в Центральную Азию русским удалось установить контроль лишь над небольшой территорией, которая располагалась к югу от оборонительных укрепленных линий, возведенных вдоль Иртыша.

Впрочем, местному населению угрожали воинственные соседи – джунгары и кокандцы, что заставило казахских правителей искать защиты у русских. Окончательное подчинение казахов произошло лишь после того, как линия крепостей была возведена вдоль южной границы их территории, окружив казахские племена подобно тому, как расположенная западнее Оренбургская линия окружила башкир.

К концу XVIII в. русские казаки и крестьяне продвинулись в степи за оборонительную линию и поселились вдоль рек

Эмба, Ор, Иргиз, Тургай, Ишим и Иртыш. Тем самым русские колонисты оказались в районах традиционного проживания кочевников и взяли под свой контроль ключевые водные ресурсы. Источники свидетельствуют, что некоторые поселенцы выучили казахский язык и легко общались с коренным населением. В свою очередь, многие казахи начали вести оседлый образ жизни и занялись земледелием. В целом взаимоотношения между пришлым и коренным населением поначалу носили удивительно мирный характер, до тех пор пока приток русских не стал слишком велик и не вызвал обеспокоенность казахов.

Данный вывод контрастирует с позицией современных казахстанских историков, пишущих, в частности, о конфликтах между русскими и казахами из-за плодородных земель в «десятиверстной полосе», изначально проведенной российскими властями вдоль линии пограничных крепостей (см., напр.: [Ерофеева, 2001: 210]).

До середины XIX в. главной направляющей силой в колонизации степей Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии оставалось государство, видевшее своей главной задачей не столько аграрную колонизацию региона, сколько охрану торговых маршрутов и защиту своих подданных. Последнее стало особенно актуальным после введения кибиточной подати – меры, на которую казахи ответили серией восстаний в 1830–1860-х гг. Колонизация «подвижной степной границы» стала возможной только после того, как удалось обеспечить военную безопасность территорий. После этого тысячи крестьян хлынули на окраины империи в поисках «земли и воли», но, как представляется, данный процесс логичнее описывать уже не в терминах теории «фронта», а с позиций более традиционной концепции «колонизации».

Негативным последствиям колонизации Южной Сибири и Северного Казахстана посвящена статья другого американского историка – Сеймура Бекера (Университет штата Нью-Джерси), представляющая собой, по сути, обзор западной историографии по данной теме. При этом С. Бекер почти не ссылается на до-

кументальные материалы (за исключением Полного собрания законов Российской империи), не использует материалы из работ дореволюционных и советских историков. Автор отмечает, что масштабная крестьянская колонизация началась в Семиречье в 1868 г., в Акмолинском и Семипалатинском округах – в 1875 г., в Тургае и Уральске – в 1880-х гг. [Becker, 1988: 235–256]. Продвигаясь на юг и уходя все дальше от казачьих поселений, русские крестьяне практиковали «сухое земледелие», введенное в регионе еще казаками, и также разводили крупный рогатый скот и лошадей. Изначально правительство не поддерживало крестьянские переселения из опасений, что они могут оказаться дестабилизирующим фактором для крестьянства Европейской России. Однако позиция правительства, поддержанная генерал-губернатором Степного края, не ослабила поток вольнонародной колонизации, при этом самовольные поселенцы брали у казахов землю в аренду.

По заключению С. Бекера, принципиальное изменение позиции правительства произошло между 1889 и 1896 гг., когда в переселениях стали видеть средство решения проблемы избыточного населения в метрополии. Законом, принятым в 1889 г., предполагалось наделение крестьян земельными участками, освобождение от уплаты налогов и беспроцентные ссуды. Однако разрешение на переселение нужно было получить одновременно и из Министерства иностранных дел, и из Министерства государственных имуществ, которые должны были удостовериться в действительной необходимости переселения и наличии свободной земли.

Более половины крестьян-переселенцев продолжали уезжать без официального разрешения, надеясь избежать возможных ограничений и запретов. Тем временем власти начали постепенно уменьшать площади земель, отведенных казахам, для того чтобы увеличить земельный фонд, предназначенный для русской колонизации. Учреждение в 1896 г. Переселенческого управления свидетельствовало о решимости правительства содействовать колонизации в Сибири, решающего двойную задачу – уменьшая проблему перенаселенности и крестьянского не-

довольства в Европейской России и одновременно усиливая российское присутствие в отдаленных пределах империи вдоль границ с Китаем.

Как справедливо заметил С. Бекер, необходимой предпосылкой крупномасштабных миграций является наличие удобной и доступной сети транспортных коммуникаций. Такая сеть возникла в ходе строительства в 1892–1894 гг. западносибирского участка Транссибирской магистрали на отрезке между Уралом и Омском. Приезжая поездом в Петропавловск или Омск, крестьяне-переселенцы оказывались на границе плодородных пастбищных угодий, ранее не тронутых плугом. Железная дорога позволяла добираться до места назначения с наименьшими трудностями, а специальные тарифы для переселенцев делали путешествие относительно недорогим.

Взаимоотношения пришлого и коренного населения в регионе С. Бекер, подобно Д. Тредголду и Э. Доннели, описывал в духе теории «фронтира», однако основной акцент делал на негативных последствиях русской колонизации для коренных жителей степи. По его словам, в процессе расширения пахотных земель происходило сокращение пастбищных угодий и кочевий, и это продолжалось в течение многих десятилетий. Возникновение казачьих поселений вдоль северной границы казахских степей началось в XVIII в., и уже тогда это привело к блокированию традиционных маршрутов сезонных миграций, лишив кочевников значительной части зимних пастбищных угодий в долинах рек⁸.

Крупномасштабная крестьянская колонизация, начавшаяся в 1890-х гг., перерезала еще часть кочевых маршрутов и существенно уменьшила площадь пастбищных угодий. Кочевники были вынуждены искать новые пастбища, на землях худшего качества в более засушливых южных районах казахской степи. Уменьшение пастбищ означало сокращение стад и табунов и, следовательно, падение доходов. В то же время в аулах кочевников все чаще появлялись татарские и русские торговцы, у

---

⁸ К близким выводам приходит И. Стебельски. — См.: [Stebelsky, 1983].

местного населения формировались новые потребительские запросы, что увеличивало его зависимость от многих привозных товаров, например, чая или промышленных изделий.

С точки зрения С. Бекера, по своим последствиям данный процесс во многом напоминал взаимоотношения между белыми торговцами, с одной стороны, и поселенцами и индейцами, жившими на равнинах Дикого Запада – другой. Политика российского правительства вместе с тем была направлена на поощрение перехода кочевников к оседлому образу жизни, с этой целью их освобождали от уплаты налогов на пять лет и снижали налоговые ставки еще на пять лет для тех, кто начинал заниматься земледелием. Статья С. Бекера, опубликованная в конце 1980-х гг. в сборнике «Русская колониальная экспансия...» под редакцией М. Рывкина, вполне соответствовала традиционной для западной историографии концепции «русской восточной экспансии»⁹.

В том же сборнике помещена статья Д. Маккензи, рассмотревшего политические аспекты проникновения русских в Южную Сибирь и Центральную Азию [Mackenzie, 1988]. Историк задался вопросом, почему Россия, к тому времени уже ставшая огромной империей, двинулась на юг, в густонаселенные районы Центральной Азии, и взяла на себя ответственность за управление миллионами враждебно настроенных мусульман? Стало ли это завоевание следствием экспансии, спланированной царизмом в Санкт-Петербурге, или самовольных действий амбициозных генералов и губернаторов, руководивших имперскими окраинами? Было ли это покорение частью «явного предназначения» России, стремившейся заполнить вакуум власти и достичь своих естественных границ, выйдя к Индии, Афганистану и Персии? Для Д. Маккензи ответ очевиден: присоединение центрально-

---

⁹ В постсоветский период в отечественной историографии появилось множество работ, авторы которых также писали о преимущественно негативных последствиях русской колонизации для коренного населения Сибири и Дальнего Востока, тем самым солидаризируясь с позицией сторонников концепции «русской восточной экспансии». Подробнее об этом см.: [Зуев, 2007].

азиатских территорий с 1730 по 1850 г. следует считать естественным процессом заполнения вакуума власти, возникшего в XVIII в. после того, как кочевые народы ослабли вследствие длительных вооруженных столкновений друг с другом.

Об определяющей роли государства и его представителей в освоении Азиатской России писал С. Маркс, называвший «тщетными» попытки применить к Сибири теорию «фронта» и предпочитавший использовать более традиционную концепцию «колонизации», предложенную русскими историками еще в XIX в. [Marks, 1995]. Одну из своих статей С. Маркс посвятил деятельности ближайшего сотрудника С.Ю. Витте, статс-секретаря А.Н. Куломзина¹⁰, который, по мнению историка, заложил фундамент развития Сибири в течение всего XX в. [Marks, 1995: 35]. Его деятельность во главе Комитета Сибирской железной дороги позволила осуществить массовые переселения людей, а в дальнейшем – перемещение промышленных предприятий в Сибирь. Вместе с тем политика А.Н. Куломзина способствовала дальнейшему захвату земель, принадлежавших коренному населению региона.

Немногие исследователи считали царский режим эффективным или даже просто дееспособным, однако, по определению С. Маркса, колонизация Сибири «делает честь империи Романовых», во многом благодаря усилиям таких ее верных и талантливых слуг, как А.Н. Куломзин – «один из величайших колонизаторов в мировой истории». Если процессами колонизации США и Канады в разные периоды истории руководили сотни человек, то Куломзину приходилось выполнять свою миссию в одиночку, решая в самые сжатые сроки множество сложнейших задач одновременно. И все же, если А.Н. Куломзина и можно считать достойным конкурентом западным «колонизаторам», то этого не скажешь об империи, интересы которой он защищал. В целом С. Маркс не склонен преувеличивать успехи капиталистического развития Сибири в дореволюционный пе-

---

¹⁰ А.Н. Куломзин (1838–1902) – управляющий делами Комитета министров (1883–1902), одновременно с 1893 г. управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги.

риод, что сближает его концепцию с выводами отечественной (в первую очередь, советской) историографии¹¹.

В русле концепции «колонизации» написаны статьи В. Кивелсон, А. Знаменского, Ч. Стайнведеля, отмечавших ведущую и определяющую роль государства в процессе освоения Сибири и Дальнего Востока [Kivelson, 2007; Znamenski, 2007b; Steinwedel, 2007]. Историки пришли к выводу, что в первые века сибирской колонизации государство мало интересовалось этнической и религиозной принадлежностью колонистов, отдавая предпочтение заботам об эффективном политическом и хозяйственном управлении приграничными территориями. Новые подданные царя и русские первопроходцы могли принадлежать к разным этническим и религиозным группам, но должны были демонстрировать политическую лояльность – т. е. платить дань или налоги, поддерживать мир и социальный порядок и защищать свои земли в случае внешней угрозы или внутренней смуты. Взаимоотношения пришлого и коренного населения на местах складывались неоднозначно: несмотря на официальное требование гуманного обращения с сибирскими инородцами, местные власти, казаки и крестьяне часто прибегали к насилию в отношении аборигенов. Вместе с тем происходило достаточно быстрое смешение пришлого и коренного населения благодаря укреплению экономических и брачно-семейных связей, однако вопросы национальной принадлежности начали играть заметную роль лишь в конце XIX в.

Роль одной из этнических групп, а именно российских немцев, в освоении Сибири проанализировал В. Бруль. В 2003 г. в

---

¹¹ Так, Л.М. Горюшкин, хотя и писал о преобладании «фермерского» пути развития сельского хозяйства в Сибири, был все же вынужден признать, что регион оставался аграрно-сырьевым придатком, зависимым от промышленности Европейской России, которая по общему уровню развития значительно опережала наиболее далекую из «колонизуемых окраин». – См.: [Горюшкин, 1976: 368]. Более того, ряд советских историков (А.А. Храмов, Л.Г. Сухотина) в 1950–1960-х гг. указывали на значительные масштабы «феодално-крепостнических пережитков», сохранение системы «государственного феодализма» в Сибири на рубеже XIX–XX вв. – См.: [Храмов, 1956; Сухотина, 1961].

переводе на немецкий язык была опубликована его известная работа «Немцы в Сибири», ставшая фактом не только российской, но и западной историографии [Bruhl, 2003]. Он пришел к выводу, что объединение Германии в 1871 г. привело к нарастанию русско-германских противоречий, а это в свою очередь отрицательно сказалось на положении немцев в Российской империи. Благодаря политике русификации, проводимой Александром III, появилась законодательная основа для интеграции немцев в российское общество и их ассимиляции. В знак протеста многие немцы покинули страну, но небольшая их часть переселилась в Сибирь и Центральную Азию, где правительственный контроль был слабее.

Историк отмечает, что, несмотря на различные препятствия, чинимые русскими властями, немцы в Сибири продемонстрировали куда большие успехи в своем культурном и экономическом развитии, нежели переселенцы – представители других национальностей [Ibid: 530–531]. Впрочем, исследование В. Бруля подверглось критике за излишнюю эмоциональность и неточность ряда суждений. В частности, П.П. Вибе [2007] указал, что немцы селились не только в малопригодных для сельского хозяйства районах Кулундинской степи: крупные очаги немецкой колонизации возникли также в районе Омска и в Тарской тайге.

Уделяя столь пристальное внимание вопросам пушной торговли и крестьянской колонизации, западные исследователи в значительно меньшей степени освещали историю развития промышленности¹², транспортной системы в Сибири. В германоязычной историографии одним из немногих трудов, посвященных сибирским системам коммуникаций в первые века русской колонизации, стало историко-географическое исследование Е.Ф. Жуайе «Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в.», основное содержание которого сводится к детальному описанию каждого участка пути из Москвы в Даурию (подробнее см.: [Резун, 2003]).

---

¹² История Демидовских заводов на Алтае затрагивается, например, в монографии И. Бланчарда [Blanchard, 1989].

подавляющее большинство исследований по истории транспортной системы Сибири посвящено более позднему периоду и, прежде всего, строительству Транссибирской магистрали (Д. Тредголд, В. Моут, Х. Таппер, Б. Самнер, А. Геденштрём, Р. Норт, Х. Хукхэм) [Treadgold, 1957; Mote, 1998; Tupper, 1965; Sumner, 1940; Hedenstroem, 1924; North, 1979; Hookham, 1966]. Несмотря на ряд критических суждений, многие историки в целом положительно оценивали значение Транссиба (В. Конолли, П. Дибб, Б. Андерсон, Р. Меллор, Г. Вернадский, Б. Дмитришин) [Conolly, 1975; Dibb, 1972: 11; Anderson B., 1980: 129; Mellor, 1982: 67, 125; Vernadsky, 1961: 255; Dmytryshyn, 1977: 434; Передерий, 1984].

Так, Р. Норт отмечал не только социально-экономическую, но и военно-стратегическую роль Транссиба, поскольку магистраль способствовала усилению политических и военных позиций России на Дальнем Востоке [North, 1979: 68, 71]. Английский историк Дж. Вествуд подчеркивал, что после сооружения Транссиба возросли поставки пшеницы и мяса из Сибири в Европейскую Россию. А благодаря созданным вдоль магистрали медицинским, продовольственным и приемным пунктам произошло снижение смертности среди переселенцев [Westwood, 1964: 116].

В начале 1990-х гг. вышла в свет монография С. Маркса, посвященная строительству Транссиба и содержащая прямо противоположные суждения о роли и месте магистрали в истории региона [Marks, 1991]. Целью своего исследования С. Маркс полагал определение места Сибири в экономической и политической жизни России, а также выделение характерных черт экономического развития Российского государства. В числе использованных источников – труды Комиссии для исследования на месте процесса сооружения Сибирской железной дороги (1895–1896 гг.), состоящие из 25 томов; Отчет о деятельности Министерства путей сообщения по строительству Сибирской железной дороги (1889–1892 гг.); Журналы Комитета Сибирской железной дороги (1893, 1895–1902 гг.).

С. Маркс анализировал проекты строительства магистрали, предложенные министром путей сообщения К.Н. Посьетом

в 1875 и 1884 гг., дал оценку дискуссиям, разгоравшимся в правительственных кругах по данному вопросу, и в итоге пришел к выводу, что различные слои и группы российской бюрократии не смогли объединиться для выработки решений по важнейшим экономическим вопросам. На одно только принятие официального решения о строительстве Транссиба ушло более 15 лет.

Особое внимание в монографии уделяется рассмотрению деятельности С.Ю. Витте, который сыграл ключевую роль в организации строительства Транссиба, но опирался при этом, по определению В.С. Лаврова, на «режим личной власти», возвышаясь и над правительством, и над обществом [Marks, 1991: 222]. Витте исключал любую возможность дискуссий и выражения несогласия с его действиями, назначая на важные должности в правительстве слабых, уступчивых людей, а также учредив специальный административный орган – Комитет Сибирской железной дороги, который решал все вопросы, связанные со строительством магистрали. Все мероприятия, проводимые С.Ю. Витте, вполне вписывались в систему самодержавного государства, и, по заключению С. Маркса, оказались в значительной мере дискредитированы экономическим спадом начала XX в. Вместе с тем индустриализация «по Витте» предвосхитила проекты позднейшей, советской эпохи.

Сходную оценку, в основном негативную, историк дал всему проекту Транссибирской магистрали, который, по его мнению, не оправдал себя ни с экономической, ни со стратегической точек зрения. Неудовлетворительные результаты функционирования Транссиба и противоречивые итоги экономической «реконструкции» Сибири, осуществлявшейся под руководством государства, объяснялись тем, что все эти мероприятия преследовали, прежде всего, политические цели. Соображения экономической выгоды имели в глазах правительства куда меньшее значение. В своем стремлении сократить затраты на строительство или ускорить темпы работ государство часто закрывало глаза на проблему общей неэффективности проекта и повсеместной коррупции.

Все это позволило С. Марксу прийти к выводам, отличным от умозаключений других специалистов в области эконо-

мической истории России. В сущности, американский исследователь попытался опровергнуть распространенное в историографии представление об успешности российской «модернизации», которая лишь в малой степени отклонялась от общей траектории экономического развития европейских стран. Он показал, что главной движущей силой «модернизации» было правительство, но слабость российской экономики, по его мнению, как раз и заключалась в полной зависимости от самодержавного государства.

Точку зрения С. Маркса во многом поддержал А. Вуд. Соглашаясь с тем, что строительство магистрали способствовало «модернизации» российской экономики, британский историк все же указал, что у этого процесса в России были свои особенности: концентрация промышленных предприятий в нескольких крупных городах; преобладающее значение государственной инициативы, когда в реализации тех или иных «модернизационных» проектов большую роль играли сугубо политические, а не экономические факторы (в историографии такая экономическая система получила название «системы Витте»¹³); продолжающаяся эксплуатация и избыточное налогообложение крестьянства; большая зависимость от иностранного капитала и управленческого персонала. Свой отпечаток на процесс российской «модернизации» наложила и личность правителя – Николая II – человека, по своим убеждениям далекого от идей реформаторства, недальновидно игнорировавшего нараставшие социальные и национальные противоречия.

А. Вуд привел аргументы сторонников и противников сооружения Транссиба. Сторонники называли магистраль «мостом между Европой и Азией», который будет способствовать оживлению экономики и развитию торговых связей, поможет вывозить продукцию сельского хозяйства из Сибири и помогать голодающим в губерниях Европейской России. С политической точки зрения, проект оправдывался тем, что железная

---

¹³ Ведущую роль в осуществлении проекта Великого Сибирского А. Вуд вслед за многими исследователями также отводит С.Ю. Витте, который видел в будущей магистрали инструмент усиления имперского могущества России.

дорога должна была упрочить единство страны. Все это вызывало резкую критику со стороны «областников», которые полагали, что магистраль приведет к еще большей эксплуатации сибирской «колонии» со стороны «метрополии». Кроме того, проект представлялся слишком дорогостоящим. Действительно, строительство магистрали обошлось казне в 1 млрд руб., но эффективность ее работы оставалась под вопросом. К тому же, железная дорога не помогла России победить в войне с Японией.

Оценивая экономический эффект от Транссиба, А. Вуд основывается исключительно на работах западных исследователей (Д. Коллинза, В. Моута, С. Маркса). В то же время роль Транссиба в процессе дальнейшего индустриального развития региона (не говоря уже о военно-стратегическом значении магистрали, в том числе в годы Великой Отечественной войны), самым обстоятельным образом освещается в отечественной историографии и заслуживает более внимательного отношения со стороны зарубежных историков [Борзунов, 1965; Залужная, 1980; Сигалов, Ламин, 1988; Канн, 2011].

Суждения С. Маркса и А. Вуда об особенностях российской «модернизации» в конце XIX – начале XX в. резко контрастируют с выводами других западных исследователей – (А. Байкалова, В. Конолли, В. Моута, Дж. Стюарта и др. [Baikalov, 1933; Conolly, 1979: 17; Mote, 1998; Stewart, 1976, 1979]), которые, хотя и признавали «полуколониальный» статус сибирской окраины (представление о Сибири как «российском доминионе» восходит еще к работам А. Летбриджа и Р. Джефферсона, опубликованным в начале XX в. [Lethbride, 1915; Jefferson, 1912]), все же указывали на высокий уровень развития капитализма в Сибири, активное применение сельскохозяйственных машин в сибирской деревне, заметное участие иностранного капитала в экономике региона. Даже такая дискриминационная по отношению к Сибири мера, как введение в 1896 г. Челябинского тарифного «перелома», обернулась небывалыми успехами сибирских маслодельных предприятий, о чем подробно писал, в частности, В. Моут. В то же время западные историки (например, С. и Е. Данн, Е. Виноградов [Dunn S., Dunn E., 1972: 308–

309; Vinogradoff, 1979]) отрицали наличие серьезных социальных противоречий в сибирской деревне на рубеже XIX–XX вв.

Как представляется, выводы и оценки, сделанные С. Марксом и А. Вудом, значительно ближе к суждениям отечественных историков, писавших о том, что, несмотря на возросшие темпы «капиталистического преобразования Сибири, ее хозяйственная структура принципиально не изменилась»; сам регион продолжал сохранять, как и ранее, «черты аграрно-сырьевого придатка промышленного центра страны» [Рабочий класс Сибири..., 1982: 287], и эта ситуация, по-видимому, вполне устраивала политическую и экономическую элиту самодержавной России. При всей спорности отдельных положений работы С. Маркса¹⁴, необходимо поддержать его фактический призыв к более объективному и непредвзятому изучению хода и итогов социально-экономического развития Сибири в предреволюционный период.

2.3. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО, КОНФЕССИОНАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Управление Сибирью в XVII–XIX вв. Первым специальным исследованием по истории местного управления Сибири стала монография Дж. Ланцева, опубликованная в 1943 г. под названием «Сибирь в XVII веке: исследование колониальной администрации». В своей работе он широко использовал труды дореволюционных российских и советских историков (П.А. Слоцова, П.Н. Буцинского, Н.Н. Оглоблина, С.В. Бахрушина, В.И. Огородникова, С.Б. Окуня и др.¹⁵), материалы многотом-

¹⁴ Критика в адрес С. Маркса прозвучала и в российской историографии. См., напр., рецензии Е.Б. Шашиной (Отеч. история. 1993. № 4. С. 207–208) и И.В. Поткиной (Вопросы истории. 1993. № 4. С. 178–180).

¹⁵ Впрочем, по мнению В.К. Яцунского, Дж. Ланцев, не использовал, по-видимому, статью С.В. Бахрушина «Воеводы Тобольского разряда в XVII в.», где, в частности, приведены документальные данные о том, что власть тобольского воеводы распространялась далеко за пределы Тобольского разряда [Яцунский, 1945: 198].

ных документальных изданий XIX – начала XX в. [Акты исторические; Дополнения к актам историческим; Памятники сибирской истории...]. Кроме того, Дж. Ланцев обращался к работам западных историков – Ф.А. Голдера, Дж. Баддели, Р. Фишера и своего учителя Р.Дж. Кернера, у которого заимствовал тезис о частичном восстановлении системы кормлений в Сибири по инициативе воевод, чему активно воспротивилось московское правительство.

Монография Дж. Ланцева содержит десять глав, в которых рассматривается деятельность Сибирского приказа, выясняется взаимообусловленность административной системы и феодального общества, описывается административно-территориальное устройство Сибири, анализируются аппарат местной администрации, принципы военного и финансового управления на местах, политика в отношении коренного населения, а также выявляется значение вольнонародной колонизации и роль православной церкви в освоении новоприобретенных территорий.

С точки зрения Дж. Ланцева, система управления Сибири сочетала в себе элементы феодального общества и абсолютной монархии, опиравшейся в свою очередь на бюрократическую централизованную административную систему. Центральным органом управления являлся Сибирский приказ – по оценке Дж. Ланцева, «одно из наиболее влиятельных учреждений», служившее посредником между сибирскими воеводами, с одной стороны, и царем и Боярской Думой – с другой. С 1684 по 1695 г. вышел ряд царских указов о запрете для местных органов Сибири исполнять распоряжения других государственных учреждений в обход Сибирского приказа.

Во главе приказа стояли боярин и два дьяка, обладавшие к середине XVII в. примерно равным объемом полномочий. По крайней мере, как отмечает историк, власть боярина и дьяков выглядела равной в восприятии подчиненных. На местном уровне средневековые традиции управления проявились в деятельности воевод, во многом напоминавших кормленщиков прежней эпохи. Дж. Ланцев подчеркнул, что к началу освоения русскими Сибири система кормлений в Европейской России была практически ликвидирована, но сила традиции оказалась велика.

Правительство направляло в Сибирь указы, запрещавшие воеводам кормиться за счет населения, но добиться полного искоренения данной практики не удавалось. Одним из способов ограничения воеводской власти историк считал и короткие сроки пребывания на воеводстве, унаследованные от эпохи Ивана IV, который ликвидировал систему кормлений с целью ослабления позиций боярской аристократии¹⁶. Вместе с тем правительство опиралось на воевод, видя в них противовес органам сословного самоуправления и один из инструментов «централизации».

В своей характеристике местного управления Сибири Дж. Ланцев использовал термин «централизация», по сути, в качестве синонима понятия «бюрократический централизм». Положительными последствиями такой «централизации» стал более жесткий контроль со стороны вышестоящих органов над нижестоящими, централизованный порядок назначений на службу и выплаты денежного жалованья. В заключительном разделе своего исследования историк прямо говорил о сочетании в административной системе России XVII в. «элементов феодального общества с идеями бюрократической централизованной монархии».

Вообще, для Дж. Ланцева был очевиден военно-бюрократический характер сибирской администрации XVII в. В то же время сибирские дворяне и дети боярские играли настолько большую роль в освоении и управлении новыми землями, что превращались в своего рода «колониальную аристократию»,

---

¹⁶ Анализируя истоки воеводского управления, Дж. Ланцев писал, что в отсутствие кормленщиков на местном уровне власть переходила в руки выборных органов сословного самоуправления, укрепление которых также не было выгодно самодержавному государству. Соответственно, верховная власть предпочитала опираться на служилое дворянство, из среды которых формировались воеводские кадры. К тому же, по его мнению, за период Смуты и в первые годы правления Михаила Федоровича никакой другой системы управления, кроме военной, в распоряжении центральной власти просто не было [Lantzeff, 1943: 19–32]. С последним выводом можно согласиться лишь отчасти, поскольку сословные органы в период Смуты проявляли большую активность, но, безусловно, в глазах правительства заслуживали меньше доверия, чем органы военно-бюрократического управления.

интересы которой часто входили в противоречие с действиями административных органов и интересами государства. На этом основании историк делал вывод, что, с одной стороны, «феодальная иерархия» позволяла государству давать представителям различных сословий неодинаковый объем полномочий, а с другой – облегчала дворянской «аристократии» продвижение к «политическому феодализму», проявлением чего были попытки восстановления системы кормлений и пресловутая коррумпированность сибирского чиновничества [Lantzeff, 1943: 200–210].

В монографии Дж. Ланцева дается подробный разбор структуры сибирской администрации, описание ее многообразной деятельности, в том числе взаимоотношений с аборигенным населением, крестьянским миром, церковью. Но все это не служит достаточным подтверждением тезиса историка о том, что «новая аристократия была готова вернуться к политическому феодализму», чему Сибирский приказ оказывал активное противодействие» [Ibid: 200]. Более обоснованными представляются выводы о противодействии со стороны властных структур традициям самоуправления в среде сибирского служилого населения и крестьянства, равно как и растущему монастырскому землевладению.

Концепцию Дж. Ланцева усвоили многие западные сибиреведы, писавшие о противоречивости царской политики в Сибири, о борьбе центральных и местных властей, ограничивавшей степень реального влияния правительства на ход колонизации. Так, британский историк Т. Армстронг полагал, что непоследовательность правительства в решении многих вопросов объяснялась отсутствием у него четкого плана управления Сибирью (при довольно внушительном списке исключений, в который входят периоды правлений Бориса Годунова, Петра I, Екатерины II и Александра I) [Armstrong, 1965: 102–114].

Некоторые зарубежные исследователи не соглашались с выводом о неспособности центрального правительства повлиять на действия местной администрации. Последовательность политики Москвы в отношении Сибири, активное участие государства в хозяйственном освоении региона подчеркивал канадский историк Дж. Гибсон. Признавая, что правительство

недооценивало действительный потенциал Сибири, Дж. Гибсон все же отмечал, что интерес метрополии к колонии всегда был достаточно велик, поскольку в казну поступали доходы не только от торговли пушниной, но и от добычи мамонтовых и моржовых бивней, речного жемчуга, позже – от добычи золота и серебра [Gibson, 1972, 1990b: 77]. Доминирующую роль военно-административного аппарата в «азиатской колонии» отмечал К. Уайт [White, 1987], полагавший, что в отличие от американского «фронта», который осваивался вольными переселенцами, в России все эти процессы происходили под контролем правительства.

Воспроизводя выводы Дж. Ланцева об основных тенденциях развития системы управления Сибири, западные исследователи, как правило, экстраполировали их на более поздние периоды истории. Объяснялось это слабой изученностью вопросов административного развития региона в имперский период (XVIII – начала XX в.). Впрочем, и в отечественной историографии лишь в последние десятилетия появились специальные монографические исследования, посвященные истории местного управления Сибири в Новое время (см., например: [Быконя, 1985; Александров, Покровский, 1991; Ремнев, 1995, 1997; Вершинин, 1998: 22; Матханова, 1998, 2002; Акишин, 2003; Ананьев, 2005] и др.).

На Западе существенный вклад в изучение темы внес американский историк М. Раев (1923–2008), опубликовавший в 1956 г. в Сиэтле свою первую монографию «Сибирь и реформы 1822 г.». Характеризуя развитие сибирской «колониальной администрации» в начальный период освоения региона, он также ограничился отсылкой читателя к монографии Дж. Ланцева, концепция которого была полностью им воспринята. М. Раева интересовала прежде всего эволюция отношения русского правительства к социально-экономическому потенциалу Сибири в конце XVIII – начале XIX в. По мнению историка, до середины XVIII в. у правительства не только не было плана управления колонией, но и отсутствовал сколько-нибудь значительный интерес к азиатским владениям [Raeff, 1956: 3–5]. Ситуация изменилась с воцарением Екатерины II и распространением в Рос-

сии идей европейского Просвещения. Под влиянием учения физиократов была пересмотрена оценка сельскохозяйственного и торгового потенциала края, острее стала ощущаться потребность в реорганизации погрязшей в злоупотреблениях и волоките сибирской администрации.

Проведение реформ стало возможным лишь в первой четверти XIX в., хотя и в этот период власть не решилась на переустройство сословного общества, ограничившись частными мерами по преобразованию административных органов. Автор реформы, М.М. Сперанский сделал ставку на бюрократический аппарат, не считая возможным широкое привлечение представителей сибирского населения вследствие низкого уровня гражданского самосознания. Именно это обстоятельство, согласно М. Раеву, обусловило бюрократический характер реформы. И все же, как отмечает историк, либеральные устремления, проявившиеся в деятельности М.М. Сперанского, были залогом прогрессивного развития региона, поскольку оказали благотворное влияние на умы.

М. Раеву, безусловно, удалось описание широкой картины политических и социально-экономических процессов, обусловивших необходимость реформирования сибирской системы управления, однако его вывод об исторической победе либерализма трудно признать вполне обоснованным, поскольку исследователь ничего не сообщает о реальных результатах проведения реформы в Сибири. В сущности, М. Раев распространил на более поздний исторический период и вывод Дж. Ланцева о противоречиях между взвешенной и разумной политикой правительства и хаотичностью действий местных сибирских властей.

Американский историк Б. Дмитришин отмечал одновременно отсутствие у правительства четкого плана колонизации и объединение усилий центральных органов управления и местной администрации, все же считая сибирскую систему управления вполне эффективной и способной осуществлять контроль над присоединенными территориями, что позволяло обеспечивать «в должной мере использование природных и людских ресурсов» [Dmytryshyn, 1990b]. То обстоятельство, что столичные

власти зачастую не знали о тяготах, испытываемых населением (в том числе – коренными этносами) Сибири, не послужило для Б. Дмитришина основанием для противопоставления действий Москвы и сибирских воевод, поскольку в случае народных волнений правительство не только проводило судебное разбирательство в отношении представителей местной администрации, но и направляло в Сибирь дополнительные войска для подавления бунтов [Dmytryshyn, 1991: 34].

В ряде работ, затрагивающих историю сибирской ссылки и каторги, западные исследователи писали о негативном влиянии созданной в Сибири пенитенциарной системы на ход колонизации, о несостоятельности попыток правительства использовать ссылку в качестве одного из инструментов хозяйственного освоения края [Wood, 1980, 1991b: 118; Stephan, 1971; Pipes, 1974; Poppe, 1971; Dibb, 1972: 11; Mote, 1976: 315; Cubitt, 1980; Передерий, 1984]. В своем новейшем обобщающем исследовании по истории Сибири А. Вуд подчеркнул, что назначенный в 1819 г. на должность сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанский воспринимал ситуацию в сфере исполнения наказаний как требующую срочного вмешательства. Его деятельность в данной сфере представляла собой смесь «гуманного сострадания» и бюрократических, системных управленческих приемов, направленных на решение проблемы. Судя по высказываниям самого М.М. Сперанского, он сомневался в том, что ссылка хоть сколько-нибудь удовлетворительным образом может способствовать решению проблем заселения и освоения региона. Однако реформатор все же попытался упорядочить существующую систему, издав в 1822 г «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах» [Wood, 2011: 123].

Одним из недостатков законодательных актов 1822 г. британский исследователь считает недостаточное внимание, которое уделялось вопросам, связанным с каторгой. В сущности, все сводилось к разделению каторжан на две группы: приговоренных к каторге пожизненно (фактически – на 20 лет) и на фиксированный срок (после освобождения их записывали в состав прочего ссыльного населения). Принимая во внимания выводы российских исследователей, А. Вуд признавал, что классифика-

ция ссыльных, разработанная М.М. Сперанским, на практике не действовала. Удалось лишь использовать часть ссыльных на сельскохозяйственных работах – будь то в старожильческих деревнях или в специальных поселениях [Ссылка в Сибирь...: 18–19]. Вместе с тем историк указал на «ценный вклад» многих ссыльных в общественную, культурную и научную жизнь региона, однако подчеркнул, что основными факторами увеличения численности русского населения в Сибири были свободные переселения и естественный прирост [Wood, 1980; Колесников, 1975: 57–58; Соловьева, 1983: 224, 226 и др.; Передерий, 1984].

В представлении А. Вуда, М.М. Сперанский лишь заложил основы более разумной системы управления, но принципиально ситуацию не изменил. Британский историк, в сущности, следует в русле концепции своих американских коллег, Дж. Ланцева и М. Раева, видя в «русской восточной экспансии» один из инструментов усиления самодержавия и ставя успешность освоения Сибири в зависимость, прежде всего, от действий правительства, а не коррумпированного сибирского чиновничества [Wood, 1991a: 10].

В новейшей англоязычной историографии проблемы истории сибирской каторги разрабатывает Э. Джентес, в своих исследованиях опирающийся на обширный документальный материал из фондов российских центральных (ГАРФ, РГИА) и местных (ГАИО) архивов. В статье «Каторга: подневольный труд и Сибирь во времена царизма» [Gentes, 2005a] Э. Джентес призывает различать «типичных» и «нетипичных» (политических) каторжан и подчеркивает, что западные исследователи, за исключением А. Вуда, практически игнорировали историю ссылки и каторги в царской России¹⁷. Опровергая расхожий на Западе тезис о Сибири как «стране ссыльных», историк подчеркивает, что даже в начале XX в., когда правительство активно боролось с революционным движением, общее число каторжан и ссыль-

¹⁷ Различные аспекты данной темы на Западе исследовали Г. Баррат [Barrat, 1975], Э. Карп [Carr, 1937], Дж. Хаскетт [Haskett, 1962, 1965]; А. Мазур [Mazour, 1975]; Ф. Рэндалл [Randall, 1967]; Дж. Салливан [Sullivan, 1957] и др.

ных в Сибири никогда не превышало 10 % от общей численности населения региона¹⁸.

Вместе с тем, по справедливому замечанию Э. Джентеса, изучение истории сибирской каторги и ссылки проливает свет на эволюцию всей системы российского самодержавия. Историк приходит к выводу, что с 1590 по 1822 г. российская система уголовных наказаний преследовала в основном «статистические» цели, что сближало Россию с другими европейскими государствами, стремившимися найти наилучшее практическое применение своим осужденным. С самых первых лет существования сибирской ссылки, еще в «московский период» русской истории, власти считали возможным возложить на преступников обязанности по выполнению тех или иных работ, что делало их более или менее полезными с точки зрения государства.

Дальнейшие процессы бюрократизации управления совпали с общими тенденциями развития пенитенциарной системы. Петр I создал каторгу, также руководствуясь представлениями о государственной пользе, но после 1725 г. система исполнения наказаний пережила период «хаотизации», сопровождавшийся, возможно, самыми высокими за всю историю показателями смертности среди осужденных. Идея «реабилитации» заключенных возникла только в конце XVIII – начале XIX в., что нашло отражение в учреждении «исправительных домов» или тюрем современного образца. Благодаря деятельности М.М. Сперанского процесс «систематизации» и упорядочения пенитенциарной системы возобновился, однако вновь был прерван после 1863 г., когда в Сибирь были сосланы тысячи поляков, что привело к коллапсу всей системы.

Александр II признал положение дел в данной сфере неудовлетворительным. В 1869 г. по его указу создается Комитет

---

¹⁸ Необходимо все же заметить, что удельный вес ссыльных мог существенно превышать данный показатель в зависимости от региона. По данным А.Р. Ивонина и Ю.М. Гончарова, в 1911 г. ссыльные составляли более 27 % населения Тары (см.: [Гончаров, Ивонин, 2006: 115]). Роль ссылки в заселении Сибири не следует преуменьшать, что, впрочем, признает и сам Э. Джентес. По подсчетам исследователей, только в XIX в. общее число невольных обитателей региона превысило 1 млн чел. (подробнее см.: [Шиловский, 2004]).

об устройстве каторжных работ. Наряду с учреждением Сахалинской ссылки и каторги, а также каторжной тюрьмы в Тобольске Комитет постановил сделать центром всей системы Карийскую каторгу, о состоянии которой Э. Джентес, как и многие западные исследователи, судит по описаниям, содержащимся в известном труде американского журналиста Дж. Кеннана «Сибирь и система ссылки» [Kennan, 1891]. Историк отмечает, что вся пенитенциарная система страдала от чиновничьего произвола и коррупции, чему способствовала удаленность мест отбывания наказания от столиц. Каторга унижала людей, заставляла ненавидеть собственное государство, способствовала сохранению того самого рабства, отмена которого декларировалась в 1861 г. В целом о негативном влиянии ссылки и каторги на состоянии нравов и уровень преступности в Сибири пишут и отечественные исследователи (подробнее см.: [Шиловский, 2004]).

В отличие от М. Раева и А. Вуда, полагавших, что в XIX в. система управления ссылкой и каторгой в Сибири стала более «рациональной», Э. Джентес, вслед за постструктуралистами, ставит под сомнение «разумность» политики самодержавия, оставляя взаимодействие государства и подданных во власти неких стихийных сил, «беспорядочного нагромождения процессов и взаимоотношений». По его словам, «можно вполне утверждать, что царский режим осуществлял контроль над своими подданными в той мере, в какой они сами ощущали свою подконтрольность»; общество находилось под властью монархического режима лишь постольку, поскольку было «очаровано» его «театральными эффектами» [Gentes, 2010: 220].

Вместе с тем, по наблюдениям историка, в течение всего царствования Николая I общественность выработала весьма критическое отношение к самодержавию. Отчасти это было вызвано тем, что люди волей или неволей становились свидетелями разнообразных наказаний, применявшихся властями в отношении тех, кто обвинялся в девиантном поведении. Конечно, такой «спектакль» многим внушал страх, независимо от того, испытывали окружающие сочувствие к осужденным или нет, и они корректировали свое поведение в соответствии с требованиями властей.

Однако постепенно эффект от «театрального представления» ослабевал. Пусть к радикальным действиям были готовы немногие, все же их действия способствовали нарастающему разочарованию широких масс в существовавшей политической системе, а это разочарование, в свою очередь, вновь поощряло радикалов к новым действиям. Разумеется, телесные наказания и ссылка обуздали многих, если не большинство из тех, в отношении кого эти меры применялись, однако немалое число бродяг, скопцов и прочих «неисправимых» элементов продолжало демонстрировать асоциальное поведение и в Сибири. В конечном счете, их действия способствовали формированию в регионе своего рода «антидисциплинарной системы», включавшей в себя большинство сибирских чиновников. В Сибири культивировались идеи и практики, которые в дальнейшем способствовали падению самодержавия. В значительной степени к этому вел и сам политический режим, слишком часто применявший репрессивные меры к своим подданным.

Нельзя не отметить, что, несмотря на сомнения автора в возможности рационального объяснения исторического процесса, изложенная им характеристика взаимоотношений власти и общества вполне вписывается в традиционную схему истории революционного движения в России – в том виде, в каком ее изображали представители советской историографии, приверженцы исторического материализма и объективизма. Притом суждения Э. Джентесом отчасти перекликаются с выводом М. Бассина о борьбе «националистической» и «оппозиционной» тенденций в николаевской России.

В англо- и германоязычной историографии проблемы **общественно-политической жизни** Сибири в XIX в. рассматриваются, прежде всего, в работах, посвященных истории «областничества». Во второй половине XX в. на Западе к данной теме обращались Г.А. Хэнсон и С.Д. Уотрус, диссертации которых остались неопубликованными [Hanson, 1971; Watrous, 1970, 1993]. В 1980–2000-х гг. отдельные аспекты темы изучали Н. Перейра, Д. фон Мореншильдт, А. Вуд [Pereira, 1988; Mohrenschildt, 1981; Wood, 1984]. Эволюцию сибирского областничества в начале XX в. проанализировал Стефан Штух [Stuch, 2003], в значитель-

ной мере усвоивший выводы советских и современных российских исследователей темы, прежде всего М.В. Шиловского [1989, 1995, 2008], Л.М. Горюшкина [1991], М.Г. Сесюниной [1965], И.М. Разгона [1964; Разгон, Бабилова, 1976].

Заметный вклад в изучение истории «областничества» внес западногерманский историк, ученик Г. Штёкла – Вольфганг Фауст, защитивший диссертацию по данной теме в Кельнском университете и опубликовавший ее текст в 1980 г. под названием «“Золотое дно” России: сибирское областничество во второй половине XIX века» [Faust, 1980]. Он обратился к истории областничества в условиях возросшего интереса европейской общественности к проблемам регионализма, при этом, со времени публикации в начале 1950-х гг. статьи Д. Герхарда [Gerhard, 1952], в западной историографии не подвергался сомнению тезис о том, что основным направлением политики русских царей на протяжении многих веков было подавление местного своеобразия и нивелировка региональных особенностей. По справедливому замечанию В. Фауста, такая интерпретация русской истории является крайне односторонней, однако она объясняет, почему западные историки, некритически усвоившие данный вывод, столь мало интересовались историческими судьбами российских окраин. Следуя призыву К. Герке [Göhrke, 1978], немецкий исследователь предпринял попытку изучить феномен «регионализма» на сибирском историческом материале.

В. Фауст отметил, что не только западные, но и советские историки долгое время не уделяли внимания теме сибирского «регионализма», что объяснялось влиянием идеологических факторов, а также стремлением увязать исторический прогресс с централизаторскими тенденциями. По мнению историков-марксистов, «областничество» второй половины XIX в. служило преградой на пути революционного движения, разворачивавшегося в масштабах всей России, и по этой причине ошибочно рассматривалось как «реакционная буржуазная идеология». Несмотря на то, что в первые годы советской власти предпринимались попытки пересмотреть роль «областничества», в сталинский период отношение к данному общественно-политическо-

му течению оставалось негативным. Новый всплеск интереса к теме произошел лишь в послевоенные десятилетия.

В отличие от Д. Уотруса, не имевшего доступа к западно-сибирской периодике второй половины XIX в., В. Фауст использовал широкий круг источников, в том числе многочисленные публикации «областников» (прежде всего Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова) в периодической печати. Анализ отдельных проблем и идей «областников» сопровождается обстоятельным изучением их биографий, что позволило лучше понять многие «поворотные моменты» в эволюции их воззрений. В то же время, по справедливому замечанию современной исследовательницы С. Чаттерджи, В. Фауста интересовали не только идеи Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, но и социальный контекст, «переходное состояние» сибирского общества в рассматриваемый исторический период [Chatterjee, 2010].

В диссертации освещается история взаимоотношений «областников» с революционными демократами и народниками, в частности, «идейные соприкосновения» с А.И. Герценом, М.А. Бакунным, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, Д.И. Писаревым, П.Л. Лавровым; подчеркивается связь между отдельными идеями «областничества» и учениями французских социалистов, американских, английских и немецких экономистов и историков (что почти не рассматривалось в советской историографии и в исследовании Д. Уотруса). Например, для В. Фауста очевидно, что идея борьбы за просвещение, вера в знание объединяла «областников» не только с учениями радикалов и социалистов, но и с философией Г. Спенсера, О. Конта, Г.Т. Бокля.

Истоки «областничества» В. Фауст вслед за М.А. Рубач усматривает в трудах А.П. Шапова и федералистских идеях Н.И. Костомарова. Анализируя взгляды «областников» на крестьянскую общину и процесс индустриализации, историк стремится показать, что данное общественно-политическое движение не уместится в простую схему, требующую отнести его к народнической или буржуазно-либеральной идеологии. Убедительным представляется вывод В. Фауста о том, что «областничество» нельзя строго разделить на «политическое», «экономическое» и «культурное» направления; все эти элементы сосуще-

ствовали в неразрывной связи, и в разное время любой из них мог выйти на передний план.

В. Фауст не сомневается в сепаратистских устремлениях «областников» на раннем этапе (1860-е гг.), но видит в них скорее проявления «политической неуверенности и признак нетвердых политических убеждений», нежели серьезную тактику борьбы с царизмом [Faust, 1980: 144]. В современной отечественной историографии данный вывод фактически оспорил известный исследователь «областничества» М.В. Шиловский¹⁹.

В целом В. Фауст приходит к справедливому выводу о том, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колонизации») Сибири. Он полагает, что именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, поскольку способствовала преодолению «колониального прошлого»; впервые пробудила в сибирской общественности желание во всем сравняться с «метрополией»; создала предпосылки для действительного вступления Сибири в Новое время и заложила основы будущего мирового значения региона. Многие вопросы, поднятые в диссертации В. Фауста, получили куда более обстоятельное освещение в отечественной историографии. Однако вклад немецкого историка не следует приуменьшать, поскольку его работа способствовала привлечению внимания западных исследователей к проблемам общественно-политического развития Сибири в пореформенную эпоху.

Теме включения Сибири в общероссийское культурное пространство посвящена монография современной немецкой исследовательницы Клаудии Вайсс, которая показала, как изменялось отношение русской общественности к региону и его месту

---

¹⁹ М.В. Шиловский отмечает, что «сибирский сепаратизм» являлся синонимом дефиниции «сибирский патриотизм» и возник как самоназвание группы молодых сибиряков-разночинцев, решивших посвятить себя делу служения Сибири и в последующем получивших название областников. По мнению историка, сепаратистская тенденция была приписана ранним областникам отдельными исследователями, так и не понявшими, какое содержание вносили представители движения в это понятие. – См.: [Шиловский, 2008: 40].

в «имперском пространстве», описала особенности процесса «ментальной интеграции» региона [Weiss, 2007]. Если в XVIII в. и первой половине XIX в. Сибирь воспринимали как далекую колонию и называли «русским Перу», то уже во второй половине XIX в. в ней видели «ключ к имперскому могуществу» России. Прекрасно осознавая открывающиеся возможности для извлечения прибылей, российская элита сумела интегрировать (или «присвоить») самую отдаленную из окраин империи, поставив бывшую «колонию» на один «ментальный» уровень с метрополией, что позволило называть Сибирь «нашей».

К. Вайсс подчеркивает, что данный процесс совпал по времени с ростом национализма в Европе, при этом новая националистическая идеология несла на себе отпечаток европейских ценностей и норм. «Национальная идентичность» России обнаруживала явный дефицит европейских ценностей и выглядела по западным меркам «неполноценной», однако Сибирь благодаря своим размерам и потенциалу помогла России преодолеть данный недостаток, обогатив ее образ «имперской составляющей». Так возникла, по определению К. Вайсс, «имперски-ориентированная идентичность» России, в рамках которой Сибирь мыслится как ее «неотъемлемая часть».

Во всех этих взаимосвязанных процессах, изменивших представления о Сибири в XIX в., большую роль играло Русское географическое общество, которое характеризуется исследовательницей как «место встречи» научной общественности и просвещенной бюрократии, оказывавшей заметное влияние на общественное мнение, настроения элиты и первых лиц государства. Благодаря своей научно-исследовательской деятельности РГО сумело, среди прочего, изменить представления о Сибири, сформировать новый образ региона. При этом К. Вайсс не разделяет распространенного в историографии мнения о том, что РГО было создано как инструмент крепнувшего национализма. По ее мнению, научная и общественная деятельность РГО с самого начала служила не националистическим настроениям русской элиты, а имперским целям Российского государства, способствуя его территориальной и военной экспансии (с соответствующим научным подкреплением).

В период руководства М.Н. Муравьева Сибирь целенаправленно осваивалась как регион, имевший первостепенное значение для укрепления имперского могущества. Такая «ревалъвация» Сибири была связана с переосмыслением возможностей использования ее потенциала, что продемонстрировал общественности, в частности, А.Ф. Миддендорф. Анализ имперских целей в рамках РГО способствовал развитию «сибирского дискурса», с выявлением специфических черт Сибири, отличавших ее от остальных регионов России. Стремление к дальнейшей интеграции Сибири в общеимперское пространство привело к борьбе за развитие ее инфраструктуры (при активном участии П.П. Семенова-Тян-Шанского) и в итоге – к строительству Транссибирской магистрали.

В целом можно присоединиться к мнению Я. Кусбера о том, что исследование К. Вайсс продолжает «имперский дискурс» и развивает многие идеи, высказанные в работах видного сибирского историка А.В. Ремнева (1955–2012) [Kusber, 2009]. К. Вайсс – не единственная представительница данного направления в западном сибиреведении. Образы Сибири в восприятии современников и «ментальная интеграция» региона также стали предметом исследований У. Сандерленда, изучавшего отношение к процессу колонизации Сибири со стороны представителей различных слоев российского общества на рубеже XIX–XX в. [Sunderland, 2000].

Немецкая исследовательница, сотрудница Университета им Гумбольдта Сюзанна К. Франк рассматривает освоение Сибири как часть общеевропейского колониационного процесса. Изучив обширный литературный, историографический, этнографический и культурфилософский материал, она выявила «дискурсивные стратегии», обеспечившие «символическое и функциональное присвоение» русскими Сибири в период между XVII и XX вв. Итогом данного процесса, по оценке С. Франк, стало символическое превращение Сибири из периферийной пограничной территории в неотъемлемую часть российского «квазиимперского пространства, воспринимаемого как единое целое» [Frank, 2007].

Своеобразный взгляд на деятельность различных социальных сил и групп в начальный период освоения Сибири из-

ложил К. Виценрат – автор монографии «Казачья империя, 1598–1725: манипуляция, сопротивление и экспансия в Сибирь» [Witzenrath, 2007]. Немецкий историк рассматривает роль казачества в установлении российского господства за Уралом, при этом он не склонен видеть в служивых «мирах» сословно-выборные органы или институты сословной монархии, предпочитая обозначать их термином *Personenverband* (союз индивидов), впервые предложенным Карстеном Кумке в исследованиях, посвященных запорожскому казачеству [Kumke, 1993].

Фактически историк отказался от универсальной схемы, описывающей эволюцию государственного управления в терминах противоборства институтов сословной и абсолютной монархий. Процесс интеграции региона в общероссийское пространство анализируется им на уровне индивидов или малых социальных групп. Преимущественное внимание к субъективным факторам исторического процесса – характерная особенность современного немецкого сибиреведения, о чем свидетельствуют работы Я. Кусбера, К. Вайсс, С. Франк.

Основываясь на значительном массиве опубликованных и архивных источников, К. Виценрат детально описал различные механизмы управления сибирскими территориями, применявшиеся в с 1598 по 1725 г. По его мнению, несмотря на довольно ограниченный арсенал средств, имевшихся в распоряжении российских самодержцев, их власть была представлена через разнообразную символику, пронизывавшую политические и социальные институты в Сибири, что, в конечном счете, способствовало поддержанию социальной стабильности и благоприятных условий для торговли. Анализируя роль казачества в освоении Сибири, К. Виценрат показал, что «имперские институты» обеспечили казакам роль торговых посредников, распространявших на удаленный регион общие культурные практики, отношения и модели поведения.

В XVII–XIX вв. наряду с «управителями» и чиновниками, возглавлявшими местные органы власти, а также служивыми людьми, действовавшими зачастую по собственной инициативе, одним из главных «проводников» русской колонизации и русской культуры в Сибири являлась **церковь**, о многогранной

деятельности которой упоминали Р.Дж. Кернер, Дж. Ланцев, Р. Пирс, В. Колларц, В. Конолли, С. и Э. Данн [Kolarz, 1953; Conolly, 1967a: 83; Dunn S., Dunn E., 1972: 291; Корчагин, 1995; Lantzeff, Pierce, 1973]. Наибольшим вниманием западных сибиреведов пользовалась история православных миссий²⁰. В частности, британский историк Д. Коллинз показал возможности применения метода case study (на примере изучения истории Алтайской духовной миссии), проанализировав конкретные, частные аспекты деятельности миссии, изучив биографии отдельных священников (М. Глухарева, С. Ландышева, В. Вербицкого), выявив индивидуальные особенности их работы [Collins, 1984, 1990]²¹.

В отличие от тех, кто говорил о вреде, причиненном христианством культурам аборигенов, Д. Коллинз высоко оценил достижения алтайских миссионеров в культурном развитии края [Collins, 1984: 65]. По его замечанию, представления о миссионерстве как орудии европейского империализма было характерно для марксистской историографии²². В свою очередь, Д. Коллинз присоединился к мнению английского историка Дж. Форсайта, полагавшего, что начиная с Древнего Рима все империи осознавали свое предназначение в распространении христианства, и, скорее, империализм служил миссиям, нежели наоборот. Ссылаясь на высказывание Н.М. Ядринцева о важности приобщения коренного населения к ценностям христианства, деятельность православных миссий со сходных позиций оцени-

²⁰ По заключению американского историка О. Кобцева, данное направление в западном сибиреведении начало развиваться на рубеже 1970–1980-х гг. в рамках междисциплинарных исследований.

²¹ Подробнее о взаимоотношениях православных миссий и аборигенного населения Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки см. в следующем параграфе.

²² Необходимо все же заметить, что представление о церкви как орудии империализма разделяли и некоторые западные историки-сибиреведы. Так, автор монографии «Русская духовная миссия в Пекине в XVIII в.» Э. Уидмер пришел к выводу, что русская миссия не просто была механизмом, обеспечивавшим постоянный контакт между Россией и Китаем, но и инструментом русского и китайского империализма, объединившихся с целью усмирения воинственных кочевников Центральной Азии [Widmer, 1976].

вал американский историк О. Кобцев, отмечавший роль христианизации в сближении коренного и пришлого населения и расширении хозяйственной деятельности в русских колониях [Kobtzeff, 1986: 13].

Большое теоретико-методологическое значение имеют работы американского исследователя Р.О. Крамми, которые наряду с монографиями П. Паскаля и С. Зеньковского вошли в фонд классических работ по истории старообрядчества [Stumme, 1970; Гурьянова, 2011]. В ряде статей Р.О. Крамми затронута история старообрядческих общин в Сибири, в частности, наиболее распространенного за Уралом «часовенного» согласия, сочетавшего в себе элементы «поповской» и «беспоповской» традиций. «Часовенное» согласие зародилось как ответвление от керженских общин, которые располагались вблизи Нижнего Новгорода и, подобно часовенным, принимали беглых священников. Со временем многие старообрядцы все чаще выражали сомнение в моральных качествах и искренности намерений очередных кандидатов в священники. Все большее число часовенных полагало, что наилучший способ сохранения истинного русского православия заключался в том, чтобы обходиться вовсе без духовенства [Stumme, 2011: 102]. К середине XIX в. часовенные сохранили черты «беглопоповщины» лишь в теории, но на практике обходились без священников. Р.О. Крамми, ссылаясь на работу Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой [Покровский, Зольникова, 2002], отметил, что в действительности образ мыслей и жизни приверженцев данного согласия очень напоминал более радикальные традиции «беспоповцев».

В Сибири староверческие общины, не имевшие иерархически организованных структур управления, созывали соборы, на которых решали самый широкий круг вопросов в ходе взаимных консультаций, переговоров и дискуссий. Следуя православной церковной традиции, большинство согласий или направлений старообрядчества обращались к местным соборам за решением вопросов об отправлении служб и треб, об исповедании христианской веры, а также для разрешения споров между верующими. Такие соборы, разумеется, состояли не из епископов, а из руководителей монашеских или мирских общин.

В статье, посвященной сочинениям отцов Выговской старообрядческой общины, Р.О. Крамми анализирует недавно обнаруженную повесть о Тарском восстании 1722 г., написанную Семеном Денисовым. Историк отмечает, что выговские отцы использовали «метафору войны», поскольку в их представлении участвовавшие в бунте «воины Христа» сражались с «силами Антихриста» [Stummeу, 2011: 121]. В интерпретации старообрядческого автора защитники истинной веры противостояли царским войскам сначала с помощью духовного оружия, а затем – физического сопротивления, что завершилось самоубийством некоторых участников восстания. Люди, умершие в ходе вооруженного столкновения с силами Антихриста, считались такими же мучениками, как и те, кто умер под пытками или был казнен.

Особо следует отметить историографические работы Р.О. Крамми, признавшего, что в течение многих лет иностранные исследователи, изучавшие старообрядчество, находились в необычной ситуации. Учитывая политическую обстановку в России, западные ученые пользовались фактической монополией на публикацию работ по истории старообрядчества. В то же время, по мнению Р.О. Крамми, не имеет смысла говорить о «западной» или «зарубежной» историографии старообрядчества, поскольку все, кто печатал свои работы за пределами СССР и России, опирались на опыт русской историографической традиции и всецело зависели от публикации источников, а также практической помощи, оказанной советскими и российскими коллегами.

Более того, до недавнего времени число западных исследователей старообрядчества было столь немногочисленно, и все они имели между собой так мало общего, что не могло возникнуть ничего близкого к научной школе. Как пишет Р.О. Крамми, наиболее типичной чертой для зарубежных исследователей была принадлежность к разным культурам: некоторые из них, подобно С.А. Зеньковскому, были русскими и православными; другие, подобно М. Чернявскому, являлись носителями русской культуры, но не православными; третьи не были ни теми, ни другими.

Американский историк заметил, что в начале 1960-х гг., взявшись по совету В.И. Малышева и Н.С. Демковой за изуче-

ние истории старообрядчества, он и не подозревал, что в течение следующих десятилетий произойдет возрождение научного интереса к данной теме. За последние десятилетия новому поколению историков (Г. Михельс, М. Хильдермайер, И. Паерт, Б. Успенский, У. Блэквелл, Р. Робсон и др.) удалось очень многое: они применили новые методы и подходы, сумели показать сложность и многомерность старообрядчества, невозможность объяснения его истоков и развития одним фактором или одной причиной [Paert, 2003; Uspensky, 1991; Hildermeier, 1990, 1991; Michels, 1991, 1999; Blackwell, 1965; Robson, 1991]. Р.О. Крамми следующим образом охарактеризовал современный этап изучения темы: «Сейчас мы, как никогда, близки к пониманию невероятного разнообразия (хронологического, регионального, социального, культурного и канонического) течений в рамках старообрядчества» [Stummeu, 2011: 14].

Анализ важнейших работ, опубликованных в последние десятилетия за пределами России, показывает, что наиболее плодотворно работали те исследователи, кто внимательно изучал как вопросы старообрядческого канона и литургии, так и историю социальных, политических и институциональных конфликтов, подпитывавших и оформлявших данное религиозное течение. Впрочем, при всех заслугах западных исследователей, Р.О. Крамми признает, что наибольший вклад в изучение старообрядчества внесли российские историки, в первую очередь, представители Новосибирской научной школы под руководством академика Н.Н. Покровского.

Р.О. Крамми отмечает характерные черты Новосибирской школы. Во-первых, ее представители настаивают на первичности изучения источников; главная задача любого историка заключается в том, чтобы найти и тщательно проанализировать все возможные источники по теме. Во-вторых, многие источники публикуются; за изданием монографий нередко следует публикация соответствующих документальных материалов. В-третьих, работы Н.Н. Покровского и его коллег свободны от прямого влияния современных политических процессов; им не присуще стремление угодить политической или идеологической конъюнктуре. Наконец, по мнению Р.О. Крамми, в рамках ме-

тодологического подхода, предложенного новосибирскими учеными, старообрядчество рассматривается как движение сопротивления официальному порядку вещей в государстве, в церкви и высокой культуре, но при этом исследователи с не меньшим вниманием относятся к изучению богословских и литургических споров в старообрядческой среде.

Американский историк приходит к выводу, что представители Новосибирской школы устранили различие между «элитарной» и «народной» религией, показав, что авторы старообрядческих сочинений относились к числу высокообразованных людей своего времени, и в то же время их сочинения получили широкое распространение во всех слоях общества²³. В итоге Р.О. Крамми дает самую высокую оценку публикациям историков Новосибирской школы, поставив их в один ряд с трудами западных исследователей «народных религий» в римско-католической и протестантской Европе, и сожалеет о том, что русские и зарубежные исследователи «народного христианства» работали в относительной изоляции друг от друга. Следует поддержать призыв Р.О. Крамми к западным коллегам преодолеть языковой барьер и приобщиться к достижениям сибирских ученых.

Поиск западными историками новых подходов к изучению сибирской колонизации способствовал расширению проблематики исследований. Во второй половине XX в. в англо- и германоязычной историографии появилось значительное количество работ, посвященных **истории научного изучения Сибири** в XVIII–XIX вв., оценке деятельности масштабных академических экспедиций. Так, первым исследователям Сибири посвящены работы Дж. Стюарта [Stewart, 1984a, 1984b], в которых отмечаются заслуги казаков, собравших первые достоверные сведения

²³ Наряду с проблемами истории старообрядчества предметом исследований Новосибирской школы в разное время служили проблемы управления Сибирью, вопросы истории ранней русской литературы, «интеллектуальной истории» и др. [Покровский, 1989; Покровский, Александров, 1991; Зольникова, 1981, 1990; Элерт, 1990; Матханова, 1998, 2002; Ромодановская, 1994; Панич, 2004; Титова, 2003; Журавель, 1996; Журавель и др., 2007–2011; Гурьянова, 1988, 1996 и др.; Мальцев, 1996, 2006].

о Сибири, роль Н. Спафария, Н. Витсена, И. Идеса в распространении этих сведений в Европе. Начало научному подходу к изучению Сибири положили Дж. Белл, Ф. Страленберг, Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин, Г.В. Стеллер и П.С. Паллас, достижения которых, по мнению Дж. Стюарта, не были по достоинству оценены ни современниками, ни потомками. В статье, посвященной подданным британской короны, принявшим участие в научном изучении Сибири и Дальнего Востока. Дж. Стюарт показал многообразие культурно-исторических связей Сибири с другими регионами мира на различных этапах сибирской колонизации.

Вклад западноевропейских ученых, путешественников и мореплавателей в исследование Северной Азии высоко оценил У. Грабош, отметивший роль Ф. Страленберга, Д. Мессершмидта, И. Гмелина, В. Беринга и значение организованных ими экспедиций для «создания более точной картины мира». С именем Г.Ф. Милера историк связывал «новые пути в развитии исторической науки» [Grabosch, 1985: 113–117].

Отдельного внимания заслуживает статья Г. Робеля, посвященная распространению сведений о Сибири в германоязычном мире в XVIII в. [Robel, 1980]. На основе изучения периодики, публицистических, справочных материалов, писем, географических карт Г. Робель выявил периоды подъема и спада интереса немцев к России и Сибири, притом что в течение всего XVIII в. в Европе сохранялся устойчивый интерес к географическим знаниям и картографическим исследованиям.

В эпоху Петра I интерес к России неуклонно возрастал, в то время как царь-реформатор стремился произвести на европейскую общественность максимально благоприятное впечатление. Высоко оценивая результаты деятельности Великой Северной экспедиции, Г. Робель показал, что к середине XVIII в. информационная политика российского правительства изменилась, и все сведения о научных экспедициях отныне засекречивались. Соответственно, в немецкой периодике и публицистике резко сократилось количество публикаций, посвященных Сибири. Новый всплеск интереса к России был связан с ее победами в Семилетней войне, но серьезной литературы, посвя-

щенной Сибири и изданной на немецком языке, было очень мало вплоть до конца XVIII в. Дополняя выводы Г. Робеля, можно утверждать, что политика российского правительства, пресекавшего распространение сведений о Сибири, собранных участниками академических экспедиций, имела свои результаты [Robel, 1980: 411].

По мнению канадского историка Дж.-Л. Блэка, автора ряда работ по истории научного освоения Сибири в XVIII в. [Black, 1986, 1989], запрет Сената на публикацию любых материалов научных экспедиций свидетельствовал «о грубости нравов в России той поры». Одним из негативных последствий такого запрета стала недооценка действительного вклада в изучение Сибири многих ученых, в том числе Г.Ф. Миллера, И. Гмелина, Ж. Делиля. С точки зрения историка, именно благодаря деятельности Г.Ф. Миллера в сознании его современников укрепилось представление о Сибири как неотъемлемой составляющей «миссии и судьбы России» [Black J.-L., 1991: 64].

Точку зрения Дж.-Л. Блэка разделяет немецкая исследовательница Кристина Кюнтцель-Витт, отметившая огромный вклад Г.Ф. Миллера не только в изучение сибирской истории, но и в распространение знаний о Сибири за пределами Российской империи. Именно Г.Ф. Миллер отстаивал идею, что приобретение Сибири возвысит Россию до уровня великой державы и поставит на один уровень с Англией и Францией; он же одним из первых ратовал за возвращение Приамурья и предлагал переселить крестьян на земли, лежащие между реками Иртыш и Аргунь, чтобы было кому защитить российские территории в случае вторжения Китая (предложение, отвергнутое Екатериной II, как слишком смелое для своего времени). В отличие от У. Грабоша, немецкая исследовательница полагает, что не следует недооценивать степень интереса европейской общественности к Сибири во второй половине XVIII в., поскольку за рубежом всегда внимательно отслеживали любые сведения о владениях России за Уралом [Kuntzel-Witt].

Важный вывод сделан исследовательницей относительно различий в восприятии русскими и европейцами проблемы присоединения Сибири и ее значения для Российской империи. За

границей завоевание Сибири с самого начала воспринималось как значительное приобретение, способствовавшее усилению могущества Российского государства. В самой России отношение к данному вопросу было куда более сдержанным. Для русских завоевание Сибири выглядело, скорее, «естественным» продолжением процесса территориальной экспансии, притом что Западная Сибирь отнюдь не казалась неведомой, экзотичной землей, да и ландшафт всей Сибири по большей части представлялся хорошо знакомым, узнаваемым.

Вклад немецких просветителей и ученых в организацию научного изучения Сибири анализировал В. Хинцше [Hintzsche, 2000]. С сожалением замечая, что большая часть материалов, собранных Д.Г. Мессершмидтом, Г.В. Стеллером, Г.Ф. Миллером, И.Г. Гмелиным и другими участниками академических экспедиций, так и осталась неопубликованной, В. Хинцше признает, что с современной точки зрения трудно понять, «почему страна, организовавшая такие дорогостоящие и масштабные экспедиции, не позаботилась о дальнейшей судьбе полученных научных результатов. Однако не следует забывать, что правительство, снарядившее Вторую Камчатскую экспедицию, преследовало, прежде всего, военные, а не научные цели, даже если и не говорило об этом членам Академии». Как отмечает историк, существенный вклад немецкие просветители из Галле внесли и в развитие российского школьного образования. Многочисленные ученики А.Г. Франке в начале XVIII в. проникли в Россию, где создали сеть образовательных учреждений, в том числе школу в Тобольске.

О роли немецких ученых XVIII в. в изучении сибирского казачества писал западногерманский исследователь У. Герман [Gehrmann, 1993]. По его мнению, на протяжении всего XVIII в. в Европе ощущалась нехватка достоверных сведений о казачестве восточных регионов России, хотя век Просвещения требовал восполнения этого пробела – в условиях, когда европейцы все больше осознавали растущее могущество России, значение ее североазиатских колоний, а также роль казачества в освоении Сибири и Дальнего Востока. Впервые о многих достижениях казаков-первопроходцев Европа узнала из сочинения

Ф. Страленберга. Однако задачу всестороннего исследования сибирской истории, в том числе места и роли в ней казачества, поставил Г.Ф. Миллер, главным требованием которого У. Герман называет «комплексный подход к изучению Сибири» [Gehrmann, 1993: 95]. Г.Ф. Миллер основывался на многочисленных документальных источниках, но многое так и не успел опубликовать. Собранные им материалы стали частью более систематизированного труда И.Э. Фишера, который в отличие от Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги не считал казачество «нацией» и вслед за Ф.И. Страленбергом полагал, что казаками в России называли свободное население пограничных районов.

У. Герман ставит в заслугу И.Э. Фишеру выявление особых черт сибирского казачества – таких как многонациональный состав, участие в урбанизации Сибири, многофункциональность, отсутствие единого войска и конкуренция между отдельными отрядами в сборе ясака с коренного населения. Однако, при всем многообразии своих функций, сибирское казачество с самого начала развивалось в интересах и под руководством государства. Анализируя труды И.Г. Георги, А. Хупеля, П.С. Палласа, У. Герман пришел к выводу, что в конце XVIII в. казачество отнюдь не находилось на грани вымирания и продолжало играть значительную роль в жизни сибирского и дальневосточного регионов, в том числе оказывало помощь научным экспедициям, что не было в полной мере оценено исследователями [Gehrmann, 1993: 108–109].

В 2009 г. увидел свет сборник материалов конференций, организованных в 2007–2008 гг. в Москве при участии Немецкого научно-исследовательского общества (DFG) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Авторами статей, включенных в сборник, выступили Х. Духхардт, Я. Кусбер, Д. Ордубади, Е. Массольд, осветившие различные аспекты участия немцев в освоении и изучении российского Дальнего Востока²⁴.

²⁴ Исключение составляют включенные в сборник работы Д. Дальмана, исследовавшего русско-китайские отношения в XVI–XVIII вв., и Х. Ролл, обратившейся к истории сибирской картографии. – См.: [Duchhardt, 2009].

В рецензии на сборник Э.-М. Столберг указала на недостаточное внимание составителей к теоретическому осмыслению вопроса о роли балтийских немцев в освоении восточных окраин Российской империи. К тому же, по справедливому замечанию исследовательницы, среди немцев, внесших свой вклад в освоение Сибири и Дальнего Востока, были не только ученые и путешественники (которым посвящено большинство статей), но также военные, чиновники, предприниматели, крестьяне [Stolber, 2010].

Особое внимание в западной историографии уделяется истории освоения арктических территорий, поскольку европейцев издавна привлекала возможность практического использования Северного морского пути («Северо-восточного прохода»). В Лондоне на рубеже XVI–XVII вв. были изданы сборники, в которых описывались организованные на деньги торговой Московской компании плавания Х. Уиллоуби и Р. Ченслера, А. Пета и Ч. Джекмана [Naklyut, 1598, 1598–1600; Purchas, 1625]. В XVII в. внимание зарубежных авторов привлекли успехи русских в деле освоения огромных пространств Северной Азии, в том числе тех, что находились в арктических широтах [Schleussinger, 1692; Stewart, 1984a]. В XVIII в. новые сведения о российской Арктике содержались в сочинениях И. Гмелина, П. Палласа, Г.Ф. Миллера, И. Георги, И. Фишера [Pallas, 1773–1776; Gmelin, 1751; Georgi, 1775; Mueller, 1752, 1761–1763; Fischer, 1768]. У. Коукс в своем труде «Известия о русских открытиях между Азией и Америкой...», изданном в Лондоне в 1780 г. и ставшем на многие десятилетия наиболее авторитетным в англоязычной историографии исследованием по истории Сибири, обобщил сведения, полученные немецкими исследователями и обстоятельно описал многочисленные попытки западноевропейских и русских мореплавателей пройти отдельные участки Северного морского пути в XVII–XVIII вв. [Coxe, 1780].

В XIX в. освоению Арктики были посвящены многочисленные записки путешественников, отчеты об экспедициях, действовавших в арктических водах как Западного, так и Восточного полушарий [Barrow, 1846; Shillinglaw, 1851; Simmonds, 1875;

Recent Polar Voyages..., 1880; Nordenskiöld, 1881; Gilder, 1883; Hooper, 1885; Nansen, 1897]. В то же время история освоения российской Арктики представлялась западным авторам не самой актуальной темой, уступавшей по своей значимости другим направлениям «русской восточной экспансии» – в частности, освоению Дальнего Востока и Тихоокеанского побережья, что напрямую затрагивало интересы других колониальных держав.

В XX в. наряду со специализированными центрами изучения проблем Арктики, большой вклад в разработку темы на Западе внесли отдельные историки. Экспедициям В. Беринга посвятили свои монографии Ф.А. Голдер и Р. Фишер [Fisher R., 1956, 1977]. Научные задачи экспедиций середины XVIII в. анализировали американские историки Дж. Антонсон и В. Ханэйбл [Antonson, Hanable, 1985; Алексеева, 1998: 90], К. Эрнесс [Urness, 1992: 73, 79], Дж. Харрисон, Дж. Мирски и С. Томпкинс [Tompkins, 1945: 25–45; Mirsky, 1948: 68; Harrison, 1971: 63–128].

По мнению Г. Баррэта, использование Северного морского пути означало для Петра I возможность установления и развития торговых связей с Китаем и Японией. Немаловажными представлялись царю и задачи научного исследования региона, что должно было способствовать дальнейшему хозяйственному освоению присоединенных территорий. Морские экспедиции послужили хорошим испытанием на прочность для молодого российского флота. Наконец, военные корабли должны были обеспечить регулярные поступления ясака, собиравшегося с коренного населения Северо-Востока, поскольку в условиях практически непрерывных столкновений с коряками и чукчами своевременный вывоз собранной пушнины был крайне затруднен [Barrat, 1981: 234].

Вклад иностранных, в частности, немецких ученых в исследование российской Арктики оценили Х. Абель, Х. Йессен, Д. Дальманн [Abel, Jessen, 1954; Abel, 1978; Дальманн, 2001; Боякова]. Историю освоения Северного морского пути изучали Т. Армстронг, К. Криптон, Дж. Маккэннон и др. [Armstrong, 1952; Krypton, 1953; McCannon, 1998]. В частности, Т. Армстронг в

своей статье, опубликованной в 1980-х гг., рассмотрел разнообразные свидетельства о плаваниях, совершенных англичанами в поисках Северного морского пути в 1553–1619 гг. [Armstrong, 1984] Ценность указанных работ определяется глубиной анализа источников – географических карт, сочинений путешественников, трудов исследователей Арктики, а также многочисленных публикаций в периодических и справочных изданиях XVII–XIX вв.

2.4. ПРОБЛЕМЫ РУССКО-АБОРИГЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

История взаимоотношений пришлого и коренного населения, равно как эволюция правительственной политики в отношении сибирских «инородцев» в XVII–XIX вв., – одна из важнейших сторон процесса «русской восточной экспансии», пользовавшаяся повышенным вниманием западных исследователей [Чернавская, 1995а: 210–229; Воробьева, 2004; Милова, 1993; Znamenski, 1995: 272]. В XIII в. отрывочные и нередко фантастические сведения о народах, населявших Сибирь, стали известны европейцам благодаря сочинениям Дж.П. Карпини, Г. де Рубрука, М. Поло и др. В XIV–XVI вв. появились первые карты Северной Азии, составленные западноевропейскими географами; новые сведения о сибирских народах сообщили С. Герберштейн и Дж. Флетчер.

Интерес европейцев к аборигенному населению Северной Азии возрастал по мере освоения русскими присоединенных территорий, о чем свидетельствовали, в частности, статьи о Сибири, написанные голландским купцом И. Массой и опубликованные в Амстердаме в 1612 г. под заглавием «Описание земли самоедов в Тартарии» (Beschryvinghe van der Samoyeden Landt in Tartarien). Немецкий историк А. Олеарий посвятил самоедам специальную главу в своем известном труде «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» (1647). Сочинения А. Олеария и И. Массы неоднократно переиздавались и были переведены на многие языки.

В XVII в. в работах других западноевропейских авторов (И. Идеса, Н. Витсена, Г. Шлейссинга) также содержались све-

дения о культуре и быте самоедов, вогулов и тунгусов [Schleussing, 1690; Witsen, 1692; Ides, 1707]; [Witsen, 1975]. Интерес на Западе к культуре и истории сибирских аборигенов был велик, поскольку, по верному замечанию Ю. Слезкина, менял представления европейцев об основах мироустройства [Slezkine, 1994: 36].

В XVIII в. изучение сибирского этнографического материала вышло на качественно новый уровень, что было связано с участием европейских ученых в многочисленных академических экспедициях, действовавших на всей территории от Урала до Северной Америки. Разнообразные сведения о прошлом и настоящем сибирских «инородцев» содержались в трудах Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, И.Г. Гмелина, И.Г. Георги, Г.В. Стеллера и др. [Georgi, 1779; Ides, 1707; Müller, 1777–1779, 1761–1764; Pallas, 1771–1801; Steller, 1774, 1793]. Основное внимание исследователи сосредоточили на изучении религиозных верований, быта и культуры инородцев, а также предложили различные типы классификации племен. Свой вклад в распространение сведений о коренном населении Сибири внесли Дж. Перри и Дж. Белл, Д.Г. Мессершмидт и Ф.-Х. Вебер, шведские и немецкие военнопленные (Ф.И. Страленберг, К. Врех, И.Б. Мюллер).

Примечательно, что в течение большей части XVIII в. западноевропейские авторы, писавшие о Сибири, не стремились «романтизировать» образ жизни коренных народностей и не превозносили их отсталость как «близость к природе» в духе философии Ж.Ж. Руссо [Slezkine, 1994: 56–59]. Соответственно, соприкасаясь с русскими, аборигены Сибири получили возможность воспользоваться достижениями «более развитых» цивилизаций.

В XIX в. интерес европейских исследователей к сибирским народам не угасал, о чем свидетельствовали труды немцев К.Ф. Ледебура и Г.А. Эрмана, англичанина Дж. Кохрэна, финна М. Кастрена, французов Э. Котто и П. Лаббе [Батуева, 1995]. Несмотря на собранный богатый этнографический материал, история взаимоотношений коренного и пришлого населения Сибири не получила обстоятельного освещения в работах запад-

ноевропейских авторов XVII–XIX вв., что было обусловлено недостаточной изученностью сибирской истории как таковой, а также бдительным контролем со стороны российских властей, препятствовавших распространению сведений о фактическом положении дел в новоприобретенных землях. В самой Европе широкая читательская аудитория не проявляла повышенного интереса к фундаментальным научным трудам, содержащим описание быта сибирских «инородцев».

Ф.А. Голдер стал первым западным историком, рассмотревшим проблемы русско-аборигенных отношений в контексте анализа правительственной политики в Сибири [Golder, 1914]. Особое внимание он уделил истории покорения Камчатки и Чукотки, используя в качестве основного источника сборник документов, изданный в конце XIX в. А. Титовым [1980], а также документы из сборника «Памятники сибирской истории XVIII в.» [1882–1895]. Уделяя основное внимание истории освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока, Ф.А. Голдер достаточно полно осветил камчатские походы В. Атласова, которого не считал ни первооткрывателем, ни завоевателем полуострова, но лишь жестоким и честолюбивым авантюристом, сумевшим восстановить против себя все коренное население Камчатки, в целом превосходившее русских в численности и вооружении [Golder, 1914].

Сущность русской колонизации Камчатки, в представлении Ф.А. Голдера, проявилась в бесчинствах промышленников и приказчиков (П. Анциферова, И. Козыревского, К. Киргизова и др.), ограблении камчадалов, истреблении пушного зверя. В равной степени эти выводы относились и к истории покорения Чукотки, где действия казачьих и армейских командиров, пытавшихся сломить упорное сопротивление чукчей, подкреплялись соответствующими правительственными указами. Вместе с тем Ф.А. Голдер отмечал хаотичность действий русских колонизаторов, непродуманность правительственной политики, безжалостную эксплуатацию коренного населения, что неизбежно должно было подорвать основы русского присутствия в Северной Азии.

Однако и в начале XX в. позиции России в регионе выглядели достаточно прочными; следовательно, требовалось более глубокое объяснение причин русской колонизации, более четкое определение ее характера и, в частности, объективная оценка политики в отношении коренного населения. В отличие от Ф.А. Голдера, Р.Дж. Кернер писал о сочетании военных акций и мирного освоения, но при этом представлял историю освоения Сибири как хронику «ужасающей эксплуатации природных ресурсов и коренного населения». Лучшим подтверждением данного вывода он считал стремительность продвижения на восток, в основе которого было истребление пушного зверя, заставлявшее промышленников переходить на новые места [Kerner, 1946: 66–89].

В освоении русскими Сибири и Дальнего Востока ведущую роль Р.Дж. Кернер отводил именно промышленникам и частным торговцам, деятельность которых особенно хорошо видна на примере освоения Приамурья. Вслед за Ф.А. Голдером исследователь пришел к выводу, что бесконечные казачьи набеги и ограбление местного населения обрекли на неудачу предприятие, начатое В. Поярковым и Е. Хабаровым, но в этом случае заботу о даурах и дючерах следовало признать единственным объяснением вмешательства Китая. В противном случае, если следовать логике Ф.А. Голдера и Р.Дж. Кернера, Цинское правительство явно переоценивало перспективы русской колонизации края, видя в ней угрозу собственным интересам.

В 1937 г. в Берлине увидела свет научно-популярная работа «Покорение Сибири», неоднократно переиздававшаяся в разных странах, в том числе в англоязычном переводе [Semjonow, 1937, 1944, 1954, 1963]. Ее автор – выходец из России Ю.Н. Семенов (1894–1977), стремившийся к объяснению причин, по которым России удалось сохранить свои территориальные владения в Азии. Он считал незыблемость русского присутствия в регионе итогом последовательной и продуманной политики государства, объединявшего и направлявшего усилия всех участников и не делавшего ставку исключительно на насилие и принуждение, что было характерно для других колониальных держав.

Вместе с тем начальный этап продвижения русских за Урал, связанный с деятельностью купцов Строгановых, казачьего атамана Ермака Тимофеевича и царских воевод, оценивался Ю. Семеновым как типичная военная кампания. История освоения Камчатки также служила примером преобладания насильственных методов во взаимоотношениях русских и аборигенов. По оценке Ю. Семенова, столкновение с русскими стало настоящей трагедией для камчадалов [Semjonow, 1954: 59–85]. В подтверждение данного вывода историк приводит подробное описание бесчинств В. Атласова, П. Анциферова, И. Козыревского и А. Шестакова, а отдельную главу посвятил восстанию камчатских аборигенов в 1731–1732 гг.

Но выводы автора о целях правительственной политики не столь однозначны. Когда о восстании камчадалов стало известно в Санкт-Петербурге, появился именной указ, согласно которому главной причиной «камчатского возмущения» признавались злоупотребления властей, а среди виновников смуты назывались представители обеих сторон. По мнению Ю. Семенова, такая объективность оценок – факт, сам по себе примечательный. Кроме того, после издания специального указа, четко регламентировавшего размер ясака и правила его сбора, положение коренного населения Камчатки улучшилось (косвенно это подтверждалось тем фактом, что следующее заметное выступление против русских властей произошло только в 1756 г.) [Ibid: 161].

В целом Ю. Семенов рассматривал военные акции русских на Камчатке как своего рода исключение из общего правила, поскольку деятельность русского правительства и местной сибирской администрации была направлена, прежде всего, на усиление позиций России в Тихоокеанском регионе и вытеснение из него англичан и испанцев. Историк отмечал, что правительство призывало местные власти к борьбе со всевозможными авантюристами, грабившими аборигенов; более того, Россия была единственной страной, официально осуждавшей рабство.

Научно-популярный характер работы Ю. Семенова не позволил рассматривать его выводы как серьезное опровержение концепций Ф.А. Голдера и Р.Дж. Кернера, писавших о преиму-

щественно торговых интересах России в регионе, об алчности промышленников и казаков, делавшей военные столкновения русских с коренным населением неизбежными.

В русле концепции Ф.А. Голдера написаны работы известного британского журналиста и советолога В. Коларца, указывавшего на агрессивный, военный характер русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, на сходство методов русских и западноевропейских колонизаторов [Kolarz, 1954]. В числе сторонников такого взгляда на «русскую восточную экспансию» – В. Конолли и Л. Тиллетт. По мнению В. Конолли, Россия была активной проводницей «колониального империализма», хотя отсутствие естественных барьеров между метрополией и колониями значительно облегчило их экономическую интеграцию и ускорило процесс колонизации [Корчагин, 1995: 3–25; Conolly, 1967b: 8; 1975: 31].

В 1970-х гг. западногерманский исследователь К. Греппер, автор научно-популярной «Истории казаков», также писал об экономических интересах, лежавших в основе русского продвижения за Урал, о военном характере присоединения Сибири. Вслед за Ю. Семеновым К. Греппер полагал, что проникновение русских на Камчатку было подлинной трагедией для аборигенного населения, а первые десятилетия XVIII в. вошли в историю Камчатки как история «кровавого террора». Одновременно Греппер отстаивал ошибочный вывод о распространенности в Сибири и на Дальнем Востоке такого явления, как рабство. Отмечая объединение усилий всех слоев русского населения в процессе порабощения сибирских «инородцев», К. Греппер пришел к выводу, что причины катастрофы, случившейся при столкновении пришлого и коренного населения, следует искать в колониальной политике царского правительства, заботившегося, прежде всего, о получении доходов с сибирской колонии [Gorper, 1976: 167, 229]. Тем самым К. Греппер фактически воспроизводил выводы Ф.А. Голдера.

Основной вклад в пересмотр устоявшихся историографических оценок внесли представители Калифорнийской школы – Дж. Ланцев, Р. Пирс, Р. Фишер, Дж. Харрисон и др. Так, Дж. Ланцев не только писал о психологии превосходства, присущей рус-

скому народу (который поставлен историком в ряд «экспансионистских наций»), но указывал также на значение политической составляющей сибирской колонизации уже на ранних ее этапах. С покорением Сибирского ханства важнейшими задачами стали строительство острогов для обеспечения контроля над пограничными территориями и проведение разумной и мирной политики в отношении коренного населения [Lantzeff, 1943: 109–127].

В дальнейшем многие историки противопоставляли политику правительства действиям местной администрации и служилых людей. Так, британский исследователь Т. Армстронг полагал, что, с одной стороны, русские редко вмешивались в дела инородцев, отношение к ним со стороны правительства было достаточно либеральным, но действия местных чиновников зачастую отличались бессмысленной жестокостью [Armstrong, 1965: 102–114].

Дж. Харрисон, соглашаясь с тезисом Р.Дж. Кернера о преобладании торговых интересов России на востоке, полагал, что для Петра I развитие торговых отношений с дальневосточными соседями было гораздо важнее, чем присоединение новых территорий. Слабый контроль со стороны правительства над сибирскими чиновниками и промышленниками привел к произволу местных властей, насильственной христианизации и непрерывному «избиению» коренного населения [Harrison, 1971: 100–128].

По мнению Р. Пирса, хотя поход Ермака в военном отношении закончился неудачей, правительство извлекло из него важный урок. Стало понятно, что татары не окажут слишком серьезного сопротивления, и проникновение за Урал более не казалось чем-то невозможным. Завоевание Сибири отныне зависело не от действий казаков или промышленников, но от «сознательных и целенаправленных действий» правительства. Военные акции первых десятилетий сменились мирной политикой в отношении коренного населения [Lantzeff, Pierce, 1973: 93–109]. После Смуты инициатива в ходе русского продвижения на восток перешла от правительства к местным властям и промышленникам, деятельность которых была направлена, прежде всего, на добычу пушнины.

Таким образом, в работе Р. Пирса вся «русская восточная экспансия» представляла «колоссальным коммерческим предприятием государства» [Ibid: 127–141]. Алчность и бесконтрольность казаков и промышленников делали неизбежными частые столкновения между пришлым и коренным населением Сибири. Соответственно, особенно сильными и кровопролитными были конфликты в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (в Приамурье, на Камчатке и Чукотке), т. е. там, где контроль со стороны правительства был наиболее слабым.

О. Руденко в статье «Россия в Тихоокеанском регионе» также рассматривал выход русских к Тихому океану как результат продуманной политики, направленной на усиление роли Российской империи в мире. При этом он полагал, что присутствие России в регионе стало возможным благодаря «внутренней экономической экспансии», под которой понималась прежде всего погоня за сибирской пушниной. Отводя правительственной колонизации ведущую роль, историк считал важнейшими задачами государства охрану новых торговых путей и охотничьих угодий, а также присоединение новых территорий, которое прикрывалось заявлениями о защите коренного населения. В действительности и казаки, и чиновники, и промышленники беспощадно эксплуатировали аборигенов, а в случае попыток сопротивления непокорные племена усмирялись силой оружия [Rudenko, 1976].

Все же противопоставление центральных и местных властей в работах указанных авторов нельзя признать достаточно обоснованным. Так, западные историки явно недооценивали тот факт, что правительство, формально охраняя сибирских инородцев от посягательств со стороны чиновников, казаков и промышленников, вместе с тем, строго взыскивало со сборщиков ясака за невыполнение установленных норм сбора и рост недоимок. Не желая утратить свои новые территории, государство сочетало взвешенную политику в отношении аборигенного населения с мерами, направленными на облегчение условий жизни русских колонистов, например, пыталось решить проблему снабжения хлебом, содействуя расширению пахотных земель, в том числе и в местах традиционного проживания коренных народов [Gibson, 1972: 442–449].

Марк Раев в монографии «Сибирь и реформы 1822 г.» анализировал, среди прочего, Устав об управлении инородцев, разработанный М.М. Сперанским. Он охарактеризовал политику М.М. Сперанского в отношении аборигенных этносов как «органичную русификацию», способствовавшую культурной и социально-экономической унификации населения Сибири и упрочению основ унитарного государства [Raeff, 1956: 129–136]. Историк также противопоставлял патернализм правительственной политики в отношении «инородцев» действиям коррумпированного сибирского чиновничества. При этом, как отмечалось в одной из первых рецензий на его книгу, М. Раев не вполне оценил взаимные выгоды сосуществования пришлого и коренного населения Сибири в указанный исторический период и несколько сгустил краски, описывая участь, к примеру, «бродячих охотников и собирателей» [Shimkin, 1958: 190].

Таким образом, большинство упомянутых исследователей рассматривали политику правительства в отношении сибирских инородцев, скорее, как «политику невмешательства», имевшую свои положительные и отрицательные стороны. Так, В. Конолли ставила в заслугу царскому правительству сохранение традиционной социальной организации сибирских аборигенов, основанной на родовых связях [Conolly, 1975a: 183–184; Корчагин, 1995]. С. и Э. Данн также рассматривали невмешательство властей в дела туземцев как положительный аспект сибирской колонизации, особо подчеркивая «ограниченность» торговой эксплуатации коренного населения, о вреде которой немало было сказано со времен Ф.А. Голдера [Dunn S., Dunn E., 1972: 291; Корчагин, 1995: 7–12]. Противоположного взгляда придерживался В. Коларц, полагавший, что такого рода «невмешательство» лишь способствовало сохранению отсталости северных народов.

Немецкий историк швейцарского происхождения А. Каппелер, признававший наличие общих черт в процессах русской колонизации Сибири и западноевропейской колонизации Северной Америки (в обоих случаях имели место проявления жестокости в отношении коренных этносов и хищническая эксплуатация природных ресурсов), считал, что не следует все же игно-

ризовать географические различия, а также исторические традиции взаимоотношений русских с другими народами, поскольку Россия всегда была полиэтничной страной [Каппелер, 2000].

На этом основании А. Каппелер выступил против некритического использования в отношении России таких понятий, как «колониализм» и «империализм». Интерес Каппелера к истории формирования многонациональной державы был в значительной мере обусловлен распадом СССР, «который необходимо было соотнести с более масштабным историческим контекстом, ...ведь структуры многонациональной империи, формы взаимоотношений между центром и периферией, а также межэтнические контакты выработывались в течение веков» [Там же: 7, 35].

Особое внимание А. Каппелер уделил истории завоевания и освоения Сибири – процессу, имевшему, по его определению, всемирно-историческое значение. Историк отметил, что русское крестьянство было сконцентрировано почти исключительно в южной плодородной черноземной полосе Западной Сибири, в то время как для огромных территорий на Севере и Востоке было характерно численно ограниченное население, состоявшее из охотников, рыболовов, оленеводов и пастухов-кочевников; дальнейшая, более глубокая социальная и культурно-религиозная интеграция этих групп населения на первых порах не предусматривалась. Сближению коренного и пришлого населения, их взаимной адаптации должна была способствовать политика христианизации, хотя, по признанию историка, насильственная христианизация Сибири носила формальный характер, и нерусские этносы оставались в своих верованиях и социальных отношениях под воздействием шаманизма.

По мнению А. Каппелера, с самого начала большинство коренных сибирских народностей оказывало русским отчаянное сопротивление. Непрерывные акции неповиновения со стороны аборигенов заставили московское правительство пойти по пути более осторожной политики интеграции новых земель. Такая сдержанность казалась необходимой и для того, чтобы не подвергать риску главную цель – регулярное получение ясака-пушнины. В свою очередь, это предопределило переход от во-

оруженных методов к гарантиям сохранения существующего порядка и к сотрудничеству с местной родоплеменной знатью.

В целом исследователь пришел к выводу, что в ходе присоединения Сибири к Московскому государству сочетались и смешивались модели непрямого господства, характерного для политики Новгорода, с методами установления более жесткой военной, административной и экономической связи с центром, как это было опробовано Москвою в Среднем Поволжье. Что касается завоевания и включения в состав России Дальневосточного региона, то связанные с этим сюжеты историк призывает рассматривать в контексте империалистической конкуренции великих европейских держав в Восточной Азии.

Представления А. Каппелера об определенной свободе действий русских колонистов в Сибири обусловлены влиянием теории «фронта». Другой сторонник данной теории – американский историк У.Б. Линкольн рассматривал многовековой процесс «завоевания» русскими Сибири, с ее бескрайними просторами, природными богатствами и климатическим разнообразием, как один из факторов, способствовавших превращению России в сверхдержаву [Lincoln, 1994]. В контексте «истории сибирского фронта» У.Б. Линкольн сделал вывод о том, что недостаток четких законов и правительственного контроля в сочетании с относительной свободой передвижения сделали Сибирь неким оазисом «демократии в грубой, зачаточной форме». Автор задался вопросом о специфике такого «открытого фронта» (в отличие от «закрытого» – в испанских колониях), но ответ на данный вопрос выходил за пределы круга исследовательских задач, очерченного У.Б. Линкольном. В то же время для коренного населения Сибири слабость правительственного контроля оборачивалась множеством бед и неприятностей, поскольку местные власти регулярно нарушали требование обращаться с аборигенами «ласкою, а не жесточью» [Ibid: 85].

В конце XX в. историографическую традицию, противопоставлявшую политику правительства действиям местной сибирской администрации, отверг английский исследователь Дж. Форсайт – автор монографии, целиком посвященной русско-аборигенным отношениям в Сибири. Исходный тезис Дж. Фор-

сайта заключался в отрицании принципиального различия методов колонизации, применявшихся Россией и другими европейскими странами. Сибирскую историю Дж. Форсайт рассматривал как непрерывную череду войн и ограбления аборигенов, а в основе «русской восточной экспансии» видел погоню за пушниной и имперские амбиции русского правительства.

Впрочем, основной целью его работы было опровержение выводов советских историков-сибиреведов о прогрессивном значении русской колонизации, неизбежности и объективности этого процесса. В представлении автора, самобытные культуры коренных народностей неизбежно разрушались под натиском вторгнувшейся русской цивилизации, предпочитавшей методы насилия и принуждения принципам «мирного сосуществования» [Forsyth, 1992: 117–119].

О.Л. Милова в рецензии на работу Дж. Форсайта подвергла критике попытку английского историка разрушить «идеологические основы» российской историографии Сибири, поскольку такие попытки привели его к односторонней трактовке целого ряда исторических проблем. О.Л. Милова пришла к выводу, что Дж. Форсайт ошибочно подходил к освоению Сибири русскими как к единому процессу, тогда как необходимо различать «государственную» и «народную» колонизацию, а также учитывать, что «в государственной политике России всегда присутствовало и достаточно вдумчивое, “охранительное” отношение к народам Сибири и Дальнего Востока» [Милова, 1993].

Действительно, Дж. Форсайт подверг сомнению основные, сформулированные еще в советской историографии положения о преимущественно мирном вхождении народов Сибири в состав России, о пользе приобщения к более «высокой культуре», о принципиальном отличии «русского колониализма» от других колониальных режимов. При этом, как заметил другой рецензент – А. Знаменский, работа Дж. Форсайта свободна от широких теоретических обобщений, поскольку на создание новой концепции автор явно не претендовал [Znamenski, 1995: 272].

Дж. Форсайт показал пагубность контактов замкнутых этнических образований с теми, кто вторгается в их среду обитания и меняет сложившийся жизненный уклад. Примеров столкно-

вений коренного населения с пришлым в истории Сибири множество. В их числе – поход Ермака, разрушившего поселения хантов, манси и татар; столкновения русских с тунгусами, якутами, киргизами и бурят-монголами в первой половине XVII в.; восстания башкир и камчадалов, покорение айнов, ительменов, чукчей в XVIII в. и т. п.

Сам факт сохранения вплоть до наших дней малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока как этнических общностей (что в отечественной историографии рассматривалось как достижение русской колонизационной политики), по мнению историка, все же не противоречил тезису о трудности выживания этих народов. К негативным последствиям русской колонизации Дж. Форсайт отнес распространение ясачной системы и захват аборигенов в заложники; превращение инородцев в дворовых и их насильственная христианизация; экстенсивные методы хозяйствования русских поселенцев, разрушавших привычный образ жизни аборигенного населения.

Британский историк Д. Коллинз не был склонен преувеличивать меру жестокости, проявившейся в отношениях русских колонизаторов и сибирских аборигенов, но признавал, что далеко не все коренные народности сумели приспособиться к изменившимся условиям, а следовательно, выжить [Collins D., 1991a: 40–52].

В целом в современной западной историографии преобладал вывод о негативном воздействии русской колонизации на жизнь аборигенов Сибири, но если раньше исследователи объясняли все разнонаправленностью действий центральных и местных властей, то в новейших исследованиях ответственным за выработку политики в отношении «инородцев» предстает, прежде всего, правительство.

Американский историк Ю.Л. Слезкин, автор монографии «Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера», убедительно продемонстрировал механизм формирования такой политики, во многом определявшейся не только меркантилистскими и геополитическими представлениями правящей элиты, но и развитием общественной мысли. Предметом его исследования стала история взаимоотношений пришлого и коренного

населения Крайнего Севера, а также изучение взаимосвязи между правительственной политикой в регионе и общественными настроениями в ту или иную эпоху.

В монографии воспроизводится традиционный тезис о том, что до XVIII в. русское правительство интересовало не столько присоединение новых территорий за Уралом, сколько получение с них максимального дохода – в первую очередь, в виде пушнины [Slezkine, 1994: 38]. Русским первопроходцам, воспринимавшим сибирских иноземцев как обычных иностранцев, не приходило в голову, подобно испанцам, искоренять чужие культуры и верования (к тому же вероисповедание помогало установить принципиальное различие между пришлым и коренным населением), а в основе многочисленных столкновений с аборигенами лежала простая жадность охотников за пушниной.

В Петровскую эпоху с распространением идей Просвещения, в том числе идеи прогресса, власти поставили перед собой задачу преодоления отсталости сибирских «инородцев». Одним из средств была борьба с язычеством и распространением христианства. В своей политике правительство также исходило из другого представления, свойственного эпохе Просвещения, согласно которому достижение общественного благополучия представлялось возможным лишь тогда, когда методы управления основывались на разуме – источнике всяких представлений о пользе. Польза от сближения с инородцами по-прежнему целиком определялась размером собираемого ясака, неуклонно сокращавшегося на протяжении всего XVIII в. [Ibid: 60–61]. Именно этим объясняются действия правительства, которое, с одной стороны, начало преследования коррумпированного сибирского чиновничества, а с другой – упорно подавляло сопротивление аборигенов, особенно на северо-востоке. Здесь отношения подданства были неизвестны коренному населению, и вплоть до второй половины XVIII в. сюда направлялись карательные экспедиции.

В 1727–1728 гг. правительство отменило государственную монополию на торговлю пушниной, разрешило уплату части ясака деньгами и рекомендовало передать право сбора ясака родоплеменной верхушке. Все эти меры, однако, не привели к

улучшению ситуации, поскольку и аборигены, и чиновники, и торговцы действовали в обход правительственных постановлений. Восстановив монополию, государство так и не смогло предотвратить проникновение частных торговцев в поселения инородцев – как указывал Ю. Слезкин, слишком велика была степень взаимозависимости различных групп сибирского населения.

В царствование Екатерины II государство окончательно убедилось в необходимости полной изоляции «инородцев» от русского населения Сибири. По заключению Ю. Слезкина, изменения в правительственной политике сопровождались сменой влияния немецких идеологов Просвещения, все большей популярностью французских просветителей, указавших на определенное преимущество в образе жизни «дикарей» – их близость к природе, некоему естественному состоянию. Несмотря на ряд указов Екатерины II, направленных на улучшение положения «инородцев», в их взаимоотношениях с русским населением и местной администрацией не произошло никаких улучшений [Ibid: 71]. Лестных оценок историка заслужили такие администраторы XIX в., как сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель и иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин, препятствовавшие общению «инородцев» с русским купечеством, а также М.М. Сперанский, создавший в Сибири систему управления, более эффективную, чем в губерниях Европейской России. Впрочем, как вынужден был признать Ю. Слезкин, в течение всего XIX в. территорию Крайнего Севера в наименьшей степени затронули правительственные проекты, направленные на «модернизацию, колонизацию и экспансию» в Северной Азии.

По мнению П. Верта, автора предисловия к русскоязычному изданию книги «Арктические зеркала», Ю. Слезкин выявил ключевые принципы (линейный прогресс, развитие, эволюция), неизменно лежавшие в основе представлений русских о народах Крайнего Севера. Таким образом, «сфокусировав внимание на истории конструирования категорий, применявшихся в отношении коренного населения Сибири», Слезкин показал «роль последнего в формировании самоидентичности русских и их представлений о разнообразии человечества», достигнув тем самым беспрецедентных успехов в деле интеграции истории Си-

бири в общую историю России, а также поспособствовал дальнейшему развитию взаимосвязей между исторической наукой и антропологией Евразии.

Влияние работы Ю. Слезкина, по мнению П. Верта, ощущается в исследованиях таких антропологов, как Б. Грант, А. Головнев, Р. Джераси, А. Керттула, Н. Найт, Г. Очоренко, Н. Ссорин-Чайков, Ф. Херш [Grant, 1995; Golovnev, Ochoreinko, 1999; Kerttula, 2000; Ssorin-Chaikov, 2003; Knight, 1994; Geraci, 2001]²⁵. Но в отличие от Ю. Слезкина, изучавшего представления русских «о человеческой и национальной (в том числе собственной) идентичности», современные антропологи и этнографы интересуются в первую очередь жизнью и мировосприятием самих аборигенов. Как верно подметил П. Верт, хотя Ю. Слезкин «не считает убедительными эксперименты некоторых антропологов-постмодернистов «по созданию авторских текстов без авторитета автора», современные антропологи по-прежнему «полны решимости выработать практику этнографических исследований, свободную от отпечатков колониализма, стоявшего у истоков этой научной дисциплины» [Верт, 2008].

Роль этнографической науки в выработке государственной политики в отношении аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока рассмотрел Дэвид Андерсон – сотрудник Абердинского университета и автор монографии «Идентичность и экология в Арктической Сибири. Оленеводческая бригада номер один» [Anderson, 2000]²⁶. Затрагивая проблему взаимосвязей между различными традициями этнографической мысли и интересами империй и национальных государств, Д. Андерсон пришел к выводу, что этнография часто использовалась в качестве

²⁵ См. их статьи в русскоязычном переводе: *Найт Н.* Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология* / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, Л.И. Миллер. М., 2005; *Джераси Р.* Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «Мултанское дело» 1892–1896 гг. // Там же.

²⁶ На русском языке монография вышла двумя годами раньше: *Андерсон Д.Дж.* Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.

«первичного инструмента социальной власти». Результатом применения данного инструмента становилось «официальное установление» этнической принадлежности, формирование чувства «сопричастности» к определенной народности, «ранжирование» этносов и т. п., что в итоге оборачивалось раздуванием национального чувства («национальной инфляцией»).

По мнению Д. Андерсона, такая категория, как «национальность», использовалась с большим или меньшим успехом как в имперский, так и в советский периоды, но была, в сущности, лишь «записью для напоминания» (evocative transcript – термин, предложенный Каролайн Хамфри для обозначения «социального воспроизведения текстов, которые циркулируют в качестве напоминания о предыдущих текстах») [Ibid: 74]. На примере изучения прошлого и настоящего народов, проживающих в низовьях Енисея (в их числе – ненцы, долганы, энцы, эвенки и др.), исследователь попытался опровергнуть главное предположение русской «государственной» этнографии, что у каждого индивида должна быть определенная этническая принадлежность.

Д. Андерсон подробно рассмотрел историю термина «долганы», впервые упомянутого в документах сборщиков ясака в 1818 г., а затем использованного в названиях административно-территориальных единиц, образованных в ходе осуществления реформы М.М. Сперанского. С 1835 г. в правительственных и научных кругах разворачивались дискуссии по вопросу о том, как следует классифицировать «долган». Академик К.М. Бэр дал задание немецкому натуралисту А.Ф. Миддендорфу и лингвисту М.А. Кастрену выяснить этническую принадлежность населения, проживавшего на пространствах между Леной и Обью. Оба исследователя идентифицировали долган как одно из якутских племен, но признавали, что научная и прочая общественность принимает долган за тунгусов.

Как следствие, долганы плохо вписывались в систему, установленную М.М. Сперанским и разделившую инородцев на три группы: оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии с этим делением якутов отнесли к кочевым народам (с тенденцией к оседлости), а тунгусов – к бродячим (с тенденцией к номадиз-

му). Д. Андерсон выражает удивление по поводу упорства властей, с которыми они пытались отнести тот или иной народ к определенной категории. По мнению исследователя, ранжирование народностей служило не только целям более качественного управления или удовлетворения научного интереса, но, главным образом, целям колонизации и заселения русскими новых земель. Описание технологий аборигенов, социальной организации и торговых связей позволяло понять, насколько те или иные территории могли быть пригодны для земледелия или скотоводства, или же где могли находиться золотоносные жилы. Если применять классический подход, основанный на понятии «эксплуатации», то и здесь разделение народов на «кочевые» и «бродячие» помогало определить способ извлечения богатств, которым в дальнейшем могла воспользоваться царская администрация. Бродячие народы платили дань раз в год в строго установленном месте. Кочевые или оседлые могли платить налог серебром, но им при этом разрешалось жить по своим правовым обычаям, и они даже могли получить документ, закреплявший за ними определенные территории.

Православные миссионеры, по мнению Д. Андерсона, также пытались классифицировать аборигенов не для того только, чтобы привести их в лоно христианской церкви, но и сделать подконтрольными государству. Так, миссионер Михаил Суслов, посетивший долину Енисея в 1870 и 1883 гг., всегда отмечал в своих дневниках численность коренного населения, маршруты его миграций, а также давал советы властям, как лучше отыскать всех уклонявшихся от уплаты налогов.

Своего рода регулирующую функцию, способствовавшую ранжированию инородцев, выполняли и хлебные магазины. Помогая аборигенам не умереть с голода, они вместе с тем усиливали зависимость местного населения от тех или иных продуктов питания и привязывали к определенной территории.

В представлении Д. Андерсона, пример эвенков опровергает расхожий вывод о том, что национализм есть порождение развитого общества, когда технический прогресс и либерализация способствуют объединению людей, проживающих на больших пространствах и разделяющих чувство культурной общно-

сти. История народов, живших в низовьях Енисея, показывает, что еще до развития иерархических гражданских институтов, создания механизированных, но в централизованном порядке размещенных транспортных систем, а также крайне жестко регулируемых средств массовой коммуникации эвенки и якуты путешествовали на очень большие расстояния и поддерживали сеть родовых отношений, охватывающую тысячи километров.

Напротив, в ходе модернизации и промышленного освоения Крайнего Севера вместо усиления космополитических настроений произошло сужение пространства для возможных перемещений, усилилось ощущение принадлежности к своим собственным кланам, землям и хозяевам, возникло крайне «локализованное понимание эвенкийской нации». Такое «освобождение» от сложного комплекса механизмов выживания было результатом привязки к местности, что, в свою очередь, диктовалось индустриальным прогрессом. При всей дискуссионности некоторых выводов Д. Андерсона²⁷ следует признать, что главная идея современных западных антропологов и этнографов заключается в призыве рассматривать историю коренных народов Сибири не в рамках «русскоцентричного» подхода, но с позиций самих этих народов.

Так, монография М.М. Балцер «Сила этничности: Сибирская сага в глобальной перспективе» [Balzer, 1999], написанная на материалах полевых исследований, посвящена истории и современному положению хантов, населяющих Северо-Западную Сибирь. При этом автор руководствовалась принципом, что антропологическая теория и практика должны базироваться на круге представлений самих коренных народов и способствовать их выживанию. Она рассматривает историю остяков-хантов на протяжении нескольких веков, анализирует последствия процесса русской колонизации, христианизации, промышленного освоения. Все эти процессы были связаны с определенной го-

---

²⁷ Следует заметить, что предложенный Д. Андерсоном подход к оценке истории этнографических исследований коренных народов Севера вызвал острую дискуссию, начало которой положило выступление известного этнографа Е.А. Хелимского на конференции, состоявшейся в Вене в июне 2000 г. и посвященной проблемам Арктики.

сударственной политикой, приведшей в том числе к разрушению экологической среды на землях, издавна населенных остяками-хантами. Описывая процессы, предвещающие, по мнению автора, окончательный упадок и гибель коренного населения, в последних главах Балцер показывает, каким образом можно повлиять на процесс формирования «этнической идентичности» хантов и тем самым помочь им сохранить свою традиционную культуру, дать повод гордиться своей самобытностью.

Изучение духовного мира коренных народностей Сибири и Дальнего Востока предполагает анализ в первую очередь таких явлений, как шаманизм и анимизм. Современные этнографы стремятся преодолеть устоявшиеся социологические и антропологические подходы к изучению традиционных верований, связанные с именами Э. Дюркгейма и Р.Г. Лоуи, П. Радена и М. Элиаде, и увидеть в шаманах носителей подлинной религиозности, а в анимизме – не верование, но духовную практику, позволяющую прикоснуться к внутреннему миру других существ²⁸.

В исторических исследованиях традиционные верования коренных народов рассматриваются преимущественно в контексте взаимоотношений аборигенного населения с христианскими миссиями. В 1970–1990-х гг. интерес к данной теме возрос, что нашло отражение в работах М. Бодена, П. Гэррета, О. Кобцева, Д. Коллинза, С.А. Мусалимаса, Д.С. Уильямса [Williams, 1978; Garret, 1979; Kobtzeff, 1986; Collins D., 1984: 51; 1990; Bawden, 1985; Mousalimas, 1995].

Американский историк О. Кобцев (в 1985–1988 гг. – директор Вениаминовского исследовательского института в г. Кадьяк, Аляска) обосновал выбор темы своего исследования тем, что

²⁸ См. рецензию К. Старклоффа (Carl F. Starkloff) на книгу Дж. Грима [Grim J.A. *The Shaman: Patterns of Siberian and Ojibway Healing*. Norman: University of Oklahoma Press, 1983 // *Sociology of Religion: A Quarterly Review*. 1984 (Winter). Vol. 45. Is. 4. P. 401]; а также отзыв Брюса Гранта на монографию датского исследователя Р. Виллерслева о юкагирах [Willerslev R. *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood Among the Siberian Yukaghirs*. University of California Press, 2007 // *J. of the American Academy of Religion*. 2008. Vol. 76, Is. 4. P. 1004–1007].

изучение истории духовных миссий в Сибири должно помочь ответить на вопрос, использовало ли государство церковь в качестве «лаборатории» для выработки политики в отношении коренных народностей Северной Азии и Северной Америки. Историк отверг выводы дореволюционных и советских сибиреведов о слабом влиянии миссий на жизнь коренного населения. В свою очередь, сами миссии были подвержены влиянию различных течений общественной мысли. Так, по наблюдениям Кобцева, в XIX в. свою роль сыграло распространение идей романтизма и национализма.

Церковь разделяла присущую идеологам романтизма убежденность в ценности самоопределения; вместе с тем сторонники «теории официальной народности» стремились обосновать уникальность России, в которой стали видеть единственное православное государство, не утратившее своей независимости. Но империя была многонациональной, и для многих живших в ней народов православие ничего не значило: отсюда актуальность задачи христианизации. В XIX в. были предложены новые методы христианизации: перевод религиозной литературы на языки нехристианских народов, что способствовало развитию письменности у некоторых из них; требование к миссионерам действовать мягко, проявляя терпимость; создание при миссиях школ, готовивших священников из среды коренного населения [Kobtzeff, 1986: 13].

Практическое применение этих методов описал английский исследователь Д. Коллинз в статье «Колониализм и развитие Сибири: историческое исследование православной миссии на Алтае (1830–1913)». Для него также несомненно существование прочной связи между светскими и церковными властями в Сибири, но, в отличие от советских историков, он не считал христианское миссионерство орудием европейского колониализма, высоко оценивая вклад миссии (и, в частности, ее основателя Макария Глухарева) в развитие культуры Алтая.

Наряду с православными миссионерами на территории Сибири в первой половине XIX в. действовали и английские протестанты, которым посвятили свои исследования В. Уильямс и К. Боден, опиравшиеся на обширный архивный матери-

ал. В частности, Боден использовал многочисленные документальные источники преимущественно из Архива Совета мировых религий, в которые включены документы Лондонского миссионерского общества; архив Британского и Иностранного Библейского общества; а также архивного собрания Уэслианского университета (штат Огайо), где хранится семейная переписка Э. Сталлибраса.

По признанию К. Бодена, в основе миссии лежал «грандиозный замысел, обреченный на неудачу». В конечном счете, двадцатилетняя деятельность миссионеров в Селенгинске была прекращена, ее члены отозваны на родину, и в целом ее результаты были очень скромными, если не считать перевод Библии на монгольский язык. Впоследствии авторы, изучавшие историю английских миссий, почти не упоминали об этой ее странице. Пытаясь ответить на вопрос, что же двигало этими людьми, посвятившими свои жизни миссионерской деятельности и рискуя ради этого жизнью своих близких, Боден приходит к выводу, что главной целью миссии в Сибири было не обучение или врачевание, хотя ее членам приходилось заниматься и этим, но именно проповедь Слова Божьего. Для миссионеров было характерно чувство жалости к язычникам, умиравшим в состоянии духовной несвободы, а также чувство убежденности в своей правоте и необходимости «вести войну» в окружавшем их темном мире.

Таким образом, авторы указанных работ оценивали итоги деятельности миссий, прежде всего, с позиций представителей русской или европейской цивилизации, носителей христианской системы ценностей. Иной подход продемонстрировал в своих исследованиях профессор Алабамского университета А. Знаменский, стремившийся не только показать степень воздействия миссий на жизнь и культуру аборигенов, но и взглянуть на христианских проповедников глазами «инородцев» и «иноверцев» [Znamenski, 1999, 2003, 2007b]. В наиболее известной его монографии «Шаманизм и христианство: контакты аборигенов с русскими православными миссиями в Сибири и на Аляске, 1820–1917», опубликованной в 1999 г., предметом исследования ста-

ли взаимоотношения православных проповедников с представителями трех различных народов – индейцев-атапасков Танаина (денаина), чукчей и алтайцев.

Выбор перечисленных народов в качестве объекта исследования обусловлен тем фактом, что все они, по словам А. Знаменского, относились к одной культурной зоне, обитали в сходных природных условиях, а в сфере духовной культуры у них господствовал шаманизм. Кроме того, все три народа имели в указанный период контакты с православной церковью, которая не делала различий между туземцами Сибири и Аляски. Важно все же учитывать и существенные различия в образе жизни представителей данных этносов: чукчи жили в тундре и занимались кочевым оленеводством, южные алтайцы были в основном степными скотоводами, и лишь северные алтайцы и танаина занимались преимущественно таежной охотой [Гринев, 2001].

Различия были и в результатах взаимодействия аборигенов с русским и православным миром. Так, после ухода русских с Аляски во второй половине XIX в. танаина пережили радикальные изменения в традиционном образе жизни; как следствие, в целях сохранения своей самобытности они массово обратились в православие. Чукчи же, напротив, до 1917 г. занимались традиционными промыслами и мало нуждались в приобщении к религии русских. Так же вели себя и алтайские народы, жившие в юго-западной части Алтайского региона. До 1860-х гг., пока не началась активная аграрная колонизация региона, они были невосприимчивы к деятельности миссий. Затем, в процессе интенсивных контактов с пришлым населением, у алтайцев возник своеобразный сплав традиционных, христианских и буддистских верований как способ создания новой культуры, помогающей выжить в новых условиях.

А. Знаменский отмечает, что для аборигенов их верования были чем-то большим, нежели просто религией, – они были средством выживания [Znamenski, 1999: 255]. Для того чтобы быть успешными в социальном и экономическом отношении, инородцы Аляски и Сибири искали целительные силы через

диалог с духами природы. Обращаться к духам за помощью мог каждый, но лишь шаманы имели право делать это от имени всего племени. Несмотря на значительное влияние, которым пользовались шаманы, их статус был неопределенным, как, впрочем, и статус христианских священников. Поиск аборигенами новых источников целительных сил в дальнейшем облегчал их контакты с христианской религией – особенно в периоды кризиса и нестабильности.

Американский исследователь пришел к выводу, что исходными стимулами, побуждавшими к контактам с православием, могли быть, во-первых, соображения политического и идеологического порядка, как это случилось с охотниками и собирателями, жившими в северо-восточной части Алтайского региона и начавшими торговать с русскими, поскольку те уже составляли большинство населения. Во-вторых, это могли быть и цели религиозного возрождения, как в случае с алтайскими кочевниками, которые объединили некоторые элементы христианства с шаманизмом и ламаизмом, чтобы сформировать новую идеологию. Важно подчеркнуть, что во всех случаях инициатива исходила от самих аборигенов, которым импонировал церемониал православия, равно как литургия (с культом предков), святые места, русское народное целительство, иконы, торжественные религиозные процессии [Кап, 1987]. Вслед за некоторыми исследователями А. Знаменский указывает на определенное сходство между юродивыми и шаманами.

По словам А. Знаменского, столкновение между шаманизмом и православием в Сибири и на Аляске, в сущности, было проявлением диалога двух миров о сути духовной, политической и идеологической власти. В то же время автор оспорил распространенные утверждения о том, что христианские миссионеры всегда действовали как агенты колониального господства в среде аборигенного населения, а сами аборигены сохраняли в «девственной чистоте» свою традиционную племенную культуру, несмотря на продолжавшиеся в течение многих десятилетий контакты с представителями европейской цивилизации.

2.5. ОСВОЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, СЕВЕРО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И РУССКОЙ АМЕРИКИ

Проблемы истории освоения Дальнего Востока. В представлении зарубежных историков «русская восточная экспансия» – это процесс, включавший не только освоение Северной Азии, но также проникновение в Тихоокеанский регион и Северную Америку. В западной историографии освещался широкий круг тем, связанных с историей освоения Дальнего Востока и Русской Америки. Совокупность исследовательских проблем можно разделить на три группы, соответствующие основным историческим этапам освоения обширного Северо-Тихоокеанского региона. В первую группу входят вопросы, связанные с установлением причин и характера освоения русскими Дальнего Востока во второй половине XVII–XVIII в., целей государственной политики в Дальневосточном регионе, выяснением значения Приамурья, оценкой Нерчинского, Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров.

Вторая группа исследовательских проблем связана с выяснением целей выхода русских в Тихий океан и активного исследования его северных широт в XVIII в., в первую очередь с определением задач и итогов экспедиций В. Беринга. Следующий исторический этап, привлекающий внимание зарубежных исследователей, связан с освоением Русской Америки во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Историки выясняют причины проникновения русских в Северную Америку; оценивают итоги хозяйственного освоения региона; характеризуют взаимоотношения пришлого и коренного населения; а также устанавливают совокупность причин, обусловивших отказ России от североамериканских владений.

Стремление России укрепить свои позиции в Северо-Тихоокеанском регионе вызывало интерес западных исследователей (например, У. Коукса) уже в XVIII–XIX вв., когда тема имела отчетливое политическое звучание, равно как проблемы русско-китайских и русско-японских отношений. Оценка перспектив русского присутствия в регионе была бы необъективной без обстоятельного изучения его истории, но первые специальные ра-

боты, посвященные истории освоения русскими Дальнего Востока и Северной Америки, появились на Западе лишь во второй половине XIX в.

В исторических исследованиях, написанных Э. Равенштейном и А. Краузе, была высказана мысль о преимущественно политических целях колонизации края. Инициаторами проникновения в регион были казаки и промышленники, но главной задачей, по мнению центральных и местных властей, было развитие земледелия, т. е. создание прочного плацдарма для русского присутствия. Особую роль в решении данной задачи играло освоение Приамурья. В этой связи основное внимание Э. Равенштейн и А. Краузе уделяли настойчивой и последовательной борьбе России за Приамурье, продолжавшейся в течение двух веков и во многом определившей дальнейший ход русской колонизации [Ravenstein, 1861: 10–64; Krausse, 1900: 24–35].

В начале XX в. о преобладании политических целей имперской экспансии России на Дальнем Востоке писал К. фон Цепелин (1841–1913). В своей работе «Дальний Восток, его история, его развитие в Новейшее время...» автор уделил основное внимание попыткам русских установить контроль над Приамурьем [Zepelin, 1909]. Вслед за А. Краузе, К. фон Цепелин разделял взгляд на Нерчинский договор как на дипломатическую неудачу России. Впрочем, уже А. Краузе считал «нерчинское поражение» редким исключением на фоне многочисленных приобретений России в Азии, к тому же договор с Китаем положил начало длительному периоду добрососедских отношений двух государств [Krausse, 1900]. Соответственно, Айгунский и Пекинский договоры, как и деятельность Н. Муравьева-Амурского в 1850-х гг., обеспечившая установление контроля над Приамурьем, расценивались историками как безусловный успех дальневосточной политики России.

Вывод о решении Россией на Дальнем Востоке в основном задач имперской экспансии поддержал В.А. Яхонтов (1881–1978), опубликовавший на Западе, во время своей длительной эмиграции, работу «Россия и Советский Союз на Дальнем Востоке» (Нью-Йорк, 1931 г.) [Yakhontov, 1931]. В данной статье, активно цитировавшейся западными исследователями, В. Яхонтов

признавал, что строительство Транссиба было обусловлено «причинами стратегического порядка»: необходимостью упрочения позиций России на Дальнем Востоке в условиях растущей активности азиатских соседей, а также европейских держав, усиливших свое влияние в данном регионе.

Империалистический характер дальневосточной политики, осуществлявшейся царизмом на рубеже XIX–XX вв., подчеркивал английский историк Б.Х. Самнер (1893–1951) [Sumner, 1940], который ставил Россию, при всех ее особенностях, в один ряд с другими колониальными империями. Во второй половине XIX в. успешная колонизация обширных пространств Сибири и Дальнего Востока становилась невозможной без общей социальной и экономической модернизации страны, но, по признанию историка, Александр III и Николай II не были масштабными историческими деятелями, способными помочь России «осуществить ее имперское предназначение». В то же время Б.Х. Самнер отмечал выдающуюся роль С.Ю. Витте в строительстве Транссибирской магистрали и последовавшем за этим чрезвычайном усилении позиций России на Дальнем Востоке.

Вывод о преимущественно торговых интересах России на Дальнем Востоке поддержали многие американские историки, прежде всего Г. Бэнкрофт, Ф.А. Голдер, Р.Дж. Кернер. По мнению Ф.А. Голдера, русские не осознавали действительного значения Приамурья, поскольку их главный интерес заключался в торговле пушниной. Ф.А. Голдер, которому изначально был присущ негативистский подход к оценке итогов русской колонизации, основное внимание уделил описанию примеров жестокости казаков в Приамурье и на Камчатке, военных столкновений русских с маньчжурами, коряками, чукчами и айнами. В целом он развивал концепцию Г. Бэнкрофта о единстве процесса освоения русскими Дальнего Востока и Северной Америки, в основе которого лежала «алчность» охотников за пушниной.

Особое внимание историк уделил проблеме продовольственного снабжения служилых людей, с которыми сталкивалась «колониальная» администрация Сибири. Успешность хозяйственного освоения сибирских и дальневосточных владений во многом определялась устойчивым развитием сельского хозяйства,

прежде всего – земледелия. Попытку решить данную проблему Ф.А. Голдер увидел в истории освоения Приамурья второй половины XVII в. Но в итоге русских постигла неудача, причиной которой историк считал «истребление туземцев» отрядами В. Пояркова и Е. Хабарова, а также военное столкновение с Китаем, результатом которого стала потеря Приамурья по Нерчинскому договору 1689 г. Указывая на развитие земледелия в Приамурье в 1660–1680-х гг., Ф.А. Голдер писал, что более плодородные албазинские земли находились под контролем казаков и были недоступны для крестьян-переселенцев [Ibid: 55]; в то же время он фактически оставил без специального рассмотрения историю сельскохозяйственного освоения Приамурья, которая заслуживала не меньшего внимания, чем подробно описанные военные действия албазинских казаков и маньчжурской армии или история русско-китайских переговоров в Нерчинске.

В отличие от Ф.А. Голдера, Р.Дж. Кернер полагал, что ценность Приамурья осознавали как в Пекине, так и в Москве. Русские лишились не только продовольственной базы, но и возможности установления прочных торговых связей с Китаем и Японией. Торговля с Китаем хотя и развивалась, но не была слишком доходной, поскольку добытую на Аляске пушнину приходилось везти в Кяхту [Kerner, 1931: 111–117]. Под влиянием концепции Р.Дж. Кернера о преимущественно торговых интересах России на Дальнем Востоке историки Калифорнийской школы (Дж. Ланцев, Р. Пирс, Дж. Харрисон) рассматривали Нерчинский договор как дипломатическую победу, позволившую России развивать торговые отношения с Китаем.

Канадский историк Дж. Гибсон первоначально использовал концепцию Р.Дж. Кернера в качестве теоретической основы своего исследования, посвященного проблемам продовольственного снабжения русских владений на Дальнем Востоке в середине XVII – середине XIX в. [Gibson, 1969]. В одной из своих статей Дж. Гибсон поддержал формулу Р.Дж. Кернера об «амурском вопросе» как «ключе к объяснению русской экспансии на Дальнем Востоке и в Америке» [Gibson, 1968: 22]. По мнению канадского исследователя, в XVIII в. Россия все болезненнее переживала потерю Приамурья, рассматривая его как

источник получения продовольствия и пушнины. Соответственно, поиск новых регионов, способных поставлять и то, и другое, обусловил дальнейшие действия русских. Однако историк отмечал, что расчеты русского правительства по поводу освоения Приамурья были ошибочными, поскольку даже после его окончательного присоединения к России Амур не стал оживленным торговым маршрутом, а упадок пушной торговли и переселение многих жителей Охотского побережья и Камчатки в Приамурье снизили остроту проблемы продовольственного снабжения этих территорий [Ibid: 24].

Впоследствии Дж. Гибсон отмечал ведущую роль «имперских» целей России в ее дальневосточной политике. Историк предложил несколько возможных объяснений того, почему «метрополия» расширяла свои «колониальные» владения в Тихоокеанском регионе. В качестве причин названы и «империалистическое упорство», и стремление контролировать арктическое и тихоокеанское побережья, и страх перед вмешательством других держав, сменявшийся безразличием к судьбам восточных владений ввиду отсутствия иностранной угрозы [Gibson, 1972: 453]. В целом, в середине 1970-х гг. исследователь пришел к выводу о масштабности и планомерности «русской тихоокеанской экспансии», а Российскую империю называл могущественным соперником Великобритании, Испании и США.

В 1970-х гг. среди историков Калифорнийской школы на роль политического фактора в дальневосточной колонизации указывал Р. Пирс. В качестве подтверждения своего вывода он приводил тот факт, что развитие сельского хозяйства в Приамурье началось только в конце XIX в., а не сразу после приобретения Амура Н. Муравьевым [Lantzeff, Pierce, 1973: 155–183].

Немецкий историк А. Каппелер, основываясь преимущественно на трудах Дж. Гибсона и Б. Дмитришина, видел в правительственной политике на Дальнем Востоке сочетание имперских и торговых интересов. Утрата Приамурья и невозможность решения территориального конфликта путем военного столкновения с Китаем изменили направление дальневосточной колонизации, хотя основным стимулом продвижения рус-

ских на восток оставалась пушнина, наибольшую активность проявляли «промышленники» и купцы [Каппелер, 2000: 149].

Историк подчеркнул, что инициатива в деле присоединения Приамурья в середине XIX в. исходила не от правительства, а от местной администрации в лице генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, от которого «сначала Петербург... отрекся, а затем прославил как героя» [Там же: 151]. Присоединение Приамурья облегчалось слабостью сопротивления малочисленных тунгусских и палеоазиатских племен, военной слабостью Китая, а также срывом попыток англо-французских эскадр организовать интервенцию. В целом А. Каппелер пришел к выводу, что Россия, как и другие европейские державы, «использовала в своих целях благоприятную ситуацию. Соответственно, «завоевание и включение в состав России дальневосточного региона следует рассматривать в контексте империалистической конкуренции великих европейских держав в Восточной Азии». О политических целях русского правительства на Дальнем Востоке также писал канадский историк Г. Баррэт, который, впрочем, оценивал дальневосточную политику как не вполне продуманную, печальным итогом которой в начале XX в. стало поражение России в войне с Японией.

Во второй половине XX в. многие представители американской историографии по-прежнему придерживались концепции о преобладании торговых интересов России на Дальнем Востоке. Так, Г. Сэлисбери, автор монографии «Война между Россией и Китаем», по сути, определил принципы меркантилизма как основополагающие для российской дальневосточной политики в XVII – середине XIX в. [Salisbury, 1969: 59–60]. В 1980-х гг. данную концепцию обосновывал его соотечественник М. Бассин, считавший главной целью «русской восточной экспансии» добычу пушнины и объяснявший легкость, с которой Россия уступила Амур Китаю в конце XVII в., отсутствием перспективы развития пушных промыслов в крае. Надежды на Приамурье как возможную продовольственную базу также не оправдались, что предопределило смену направления «русской колонизации» [Bassin, 1988: 12–13].

Об устойчивом влиянии концепции Р.Дж. Кернера свидетельствовала монография профессора Флоридского университета Дж. Ленсена «Русский натиск на Японию», изданная в Принстоне в 1959 г. В основе освоения русскими Дальнего Востока и островов в Тихом океане автор усматривал торговые интересы и погоню за пушниной. Вместе с тем, историк предпочитал говорить о недостатке правительственного внимания к дальневосточному региону [Lensen, 1959: 355]. В центре внимания исследователя – история русско-японских отношений. В серии работ, написанных на широком круге источников²⁹, Дж. Ленсен, в отличие от многих американских японистов, признавал, что Россия не прибегала к инструментам военного давления, добиваясь установления торговых отношений, в то же время, по замечанию ряда отечественных исследователей, американский историк не избежал влияния японской концепции «угрозы с севера» [Lensen, 1954, 1968].

Сходной позиции придерживался профессор Гавайского университета Дж. Стефан. В монографии, посвященной истории российского Дальнего Востока, историк назвал территории Приамурья и Приморья второй половины XIX – начала XX в. центром международной торговли [Stephan, 1994]. Дж. Стефан указывал, что наряду с русскими и китайцами активную хозяйственную деятельность в регионе осуществляли японцы. В своей книге по истории Сахалина Дж. Стефан подробно осветил историю неудачных попыток освоения японцами южной части острова, показал, что в результате сложной внутривосточной обстановки в Японии, суровых климатических условий, увеличения числа русских переселенцев и отсутствия денежных средств, необходимых для освоения Сахалина, японское правительство было вынуждено уступить в 1875 г. остров России в обмен на центральные и северные острова Курильской гряды

---

²⁹ Дж. Ленсен посещал СССР, был хорошо осведомлен о достижениях советской японистики, поддерживал научные контакты с сотрудниками Института народов Азии АН СССР. Историк собрал богатую коллекцию документальных материалов, после его смерти выкупленную Институтом славяноведения при университете г. Саппоро. – См.: [Латышев, 2001; Алепко, 2009].

[Stephan, 1971]. Однако и после передачи Сахалина России заметную роль в экономике региона продолжали играть японские трудовые мигранты. Историк также отметил, что Япония осуществляла в Приамурском крае не только экономическую, но целенаправленную разведывательную деятельность [Stephan, 1994: 76–79; Алепко, 2009].

Проблемам колонизации Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. была посвящена монография Олега Малоземова (1910–1952), одного из представителей Калифорнийской школы, участника семинара Р.Дж. Кернера. Книга опубликована в конце 1950-х гг. [Malozemoff, 1958]. Отмечая заслуги Н.Н. Муравьева-Амурского в деле присоединения Приамурья к России, О. Малоземов поддержал выводы историков о провале попытки превратить регион в продовольственную базу [Garanovich, 1931, 1933; Lin, 1934; Dallin, 1949]; осветил трудности, связанные с содержанием флота, сложные взаимоотношения с китайцами, производившими больше товаров, чем их северные соседи, и контролировавшими всю торговлю в районе р. Уссури. О. Малоземов признавал, что 1860-е – середина 1880-х гг. были отмечены слабым интересом правительства к дальневосточной окраине и что ситуация в крае стала меняться лишь с назначением приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфа, а также с началом сооружения Транссибирской магистрали.

В последней трети XX в. в англоязычной историографии появились специальные монографические исследования, посвященные одному из важнейших событий в истории российского Дальнего Востока – присоединению в 1858 г. Приамурья к России. В 1968 г. выпускница Школы славянских исследований Лондонского университета Розмари Квестед опубликовала переработанный текст своей докторской диссертации «Экспансия России в Восточной Азии, 1857–1860». Основное внимание в монографии, написанной на основе широкого круга русских и китайских источников, уделяется политическим факторам – имперским устремлениям России, международной обстановке в регионе, столкновению интересов различных держав. По мнению Р. Квестед, в XVIII в. русско-китайские отношения эво-

люционировали от заметного превосходства Китая над Россией к примерному равенству сил, и далее – к агрессии и конфликтам. К середине XIX в. русские почувствовали свое превосходство и все активнее проникали на китайскую территорию.

Подробно описывая историю дипломатических миссий Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева, подготовку и подписание Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров 1858–1860 гг., исследовательница объяснила успехи российской дипломатии не столько прозорливостью и мудростью Н.Н. Муравьева-Амурского, сколько эффективностью внешней политики, проводимой в тот исторический период канцлером А.М. Горчаковым и главой Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским. Р. Квестед также отметила большую роль сотрудников Российской духовной миссии в Китае (в частности, архимандрита Палладия и А. Татаринова), хотя, по справедливому замечанию одного из рецензентов, известного историка Джона Уайта [White, 1969], данный вывод следовало обосновать более подробным рассмотрением деятельности А.М. Горчакова и Е.П. Ковалевского, что необходимо для соотнесения доступного исследователю источникового материала с «более широким взглядом на исторические события».

Вместе с тем Р. Квестед сумела описать запутанный клубок внешнеполитических противоречий, помешавших Цинской империи мобилизовать силы и успешно противостоять натиску России в Приамурье. Исследовательница показала, что Англия и Франция своими действиями невольно помогли России, и хотя европейские державы впоследствии осознали, что именно русским достанется «львиная доля» территориальных приобретений в Китае, оказать противодействие политике Петербурга на Дальнем Востоке им не удалось.

В монографии Марка Бассина «Имперское видение: Националистическое воображение и географическая экспансия на российском Дальнем Востоке, 1840–1865» [Bassin, 1999] предметом исследования являются социокультурные процессы, определившие характер и ход дальневосточной колонизации, развития экономики и торговли в крае в середине XIX в. По признанию самого историка, приступая к работе над книгой, он от-

нюдь не ставил перед собой задачи выяснения конкретных (в том числе политических) причин, обусловивших присоединение Приамурья к России. Главной целью являлась реконструкция образа Дальневосточного региона, который существовал в восприятии русских; изучение их представлений о географии Дальнего Востока в рассматриваемый исторический период.

Подобно Ю. Слезкину, который предпринял попытку реконструкции образа «чужеземцев», существовавшего в сознании русских и определявшего их действия, М. Бассин исследовал образ «чужой земли». При этом оба историка стремились, прежде всего, глубже понять самовосприятие русских, их собственный внутренний мир. М. Бассин выделил две доминирующие тенденции развития общественной мысли и культуры России в середине XIX в. С одной стороны, происходило стремительное укрепление националистических настроений, а с другой – нарастало еще более мощное и всеохватывающее оппозиционное течение, противостоявшее самодержавию Николая I. Под воздействием этих факторов формировались и представления русских о Дальнем Востоке³⁰.

Так, выход к Тихому океану, в восприятии современников, должен был способствовать возрождению России. Впрочем, вскоре стало ясно, что Амур – не самый безопасный и надежный путь к океану. Далее начался поиск на географических картах точного места, которое должно было олицетворять собой все значение и ценность территориальных приобретений России на дальневосточных рубежах. И вновь поначалу это была сама река Амур, затем взор русских устремился к более южным территориям, к берегам Татарского пролива или же внутренним районам Маньчжурии. Необходимость выбора между этими двумя вариантами спровоцировала споры о будущем России как морской или континентальной державы.

Как отмечает М. Бассин, эйфория, вызванная присоединением Приамурья, вскоре прошла, и вплоть до революции 1917 г. регион оставался не самым привлекательным местом для жиз-

---

³⁰ Влияние концепции М. Бассина ощущается в работах современных исследователей Э. Джентеса и К. Вайсс.

ни. С начала XIX в. русские стремились продвинуться вниз по Тихоокеанскому побережью, и эта тенденция сохранилась во второй половине столетия. Таким образом, Приамурье стало лишь промежуточным рубежом. Основанный в 1860 г. Владивосток быстро сменил Николаевск в качестве главного экономического и торгового центра России на Дальнем Востоке. Спустя еще три десятилетия русские приняли участие в борьбе европейских держав и Японии за контроль над Корейским полуостровом. В 1897 г. Россия заключила договор об аренде Ляодунского полуострова сроком на 25 лет. В свою очередь, это вызвало недовольство Японии, уничтожившей русский Тихоокеанский флот в 1904–1905 гг. В итоге русские вновь вернулись во Владивосток, который по сей день остается главной морской базой России на Тихом океане.

В этих условиях Приамурье оказалось периферийным регионом. Аграрная колонизация края не увенчалась успехом, и в 1881 г. Д.И. Завалишин признавал, что регион по-прежнему не может себя прокормить. Через 10 лет в своем известном труде «Сибирь как колония» об этом же писал Н.М. Ядринцев. В 1890-х гг. «маргинальный» статус Приамурья был подтвержден тем фактом, что восточная линия Транссиба прошла от Забайкалья через Харбин во Владивосток, т. е. минуя Приамурье. Готовность царского правительства проложить железную дорогу через территорию иностранного государства красноречиво свидетельствовала о том месте, какое фактически занимало Приамурье в сознании русской общественности в конце XIX в. Перелом в этих настроениях произошел лишь после поражения в Русско-японской войне.

История освоения Северо-Тихоокеанского региона. Осенью 1985 г. в Вашингтоне состоялся 3-й Всемирный конгресс по проблемам изучения СССР и Восточной Европы, одним из организаторов которого был известный американский историк Д. Тредголд. В предисловии к сборнику материалов конгресса другой специалист по истории России, Д.К. Роуни, упомянул доклады Б. Дмитришина и Э. Краунхарт-Воон, посвященные истории освоения русскими Тихоокеанского региона. По справедливому утверждению Д.К. Роуни, изучение данной темы помогает

увидеть жизнестойкость русского народа и его «способность к возрождению»; именно эти качества позволили русским освоить огромные пространства и неоднократно удерживать страну от распада.

Несмотря на то, что за территориальным расширением порой следовали периоды отступления и разрушения, невозможно не восхищаться народом, который часто воспринимался в Европе как отсталый, вечно «догоняющий» более развитые нации, но одновременно способный осуществлять эту длительную, устойчивую «экспансию», ставшую отличительной чертой российской истории. При этом энергия и амбиции русских мореплавателей и «промышленников» далеко не всегда инициировались государством, а достигнутые результаты – не всегда им присваивались. Резюмировал Д.К. Роуни призывом к западным историкам «перестать изумляться достижениям русских и попытаться выяснить, из каких источников они черпают свою энергию и силы» [Rowney, 1990: 9–11].

Этот призыв не случаен, поскольку в западной историографии заслуги и достижения русских мореплавателей нередко отрицались. Так, известный историк Дж. Стефан ставил под сомнение данные о плавании И. Москвитина и Н. Колобова, проникших в Сахалинский залив в 1640 г., при этом критиковал советских исследователей, якобы прилагавших все усилия к тому, чтобы исключить японцев из истории освоения Сахалина. Среди исследователей Курильских островов историк отдавал пальму первенства японцам и голландцам [Stephan, 1971, 1974; Чернавская, 1994; Полевой, 1996].

В течение многих десятилетий американские исследователи спорили об историческом значении плавания С.И. Дежнева в 1648 г. В частности, Ф.А. Голдер отказался признать заслуги Дежнева в открытии пролива, отделяющего Чукотку от берегов Америки, охарактеризовав описание пути, содержащееся в отчете Дежнева, как неточное и сомнительное. Самого первопроходца Ф.А. Голдер назвал авантюристом, не заслуживающим доверия [Golder, 1914: 71].

Несогласие с выводами Ф. Голдера высказали не только советские исследователи [Яцунский, 1945: 189; Берг, 1946, Бол-

ховитинов, 1983], но и Р.Дж. Кернер. Вообще, по наблюдению В.Н. Чернавской, впервые вопрос о С. Дежневе получил освещение в работе У. Коукса, уже тогда представившего мнения своих современников, в частности, и тех, кто не признавал заслуг Дежнева в открытии пролива. У. Коукс не останавливался подробно на описании открытий казака-землепроходца, но «тем не менее не раз подчеркивал, что точное описание северо-восточной оконечности Азии дал якобы лишь Дж. Кук» [Сохе, 1787: 474; Чернавская, 1994: 144]. Таким образом, Р.Дж. Кернер выступил против историографической традиции, берущей начало в трудах первых зарубежных историков Сибири.

Р. Фишер на основе внимательного изучения многочисленных опубликованных документальных источников, а также трудов российских и советских исследователей также оспорил выводы Ф. Голдера. В своей статье «Семен Дежнев и профессор Голдер», опубликованной в 1956 г. в «Тихоокеанском историческом обозрении», а также спустя десятилетия в монографиях «Плавания Беринга: куда и зачем?» (Сизтл, 1977) и «Плавание Семена Дежнева в 1648 г.: предшественника Беринга...» (Лондон, 1981) Р. Фишер признал, что «Ф. Голдер был не первым, кто отрицал достижение С. Дежнева, но он был первым профессиональным историком, сделавшим это после обработки доступных в то время материалов». При этом, по мнению Р. Фишера, Ф. Голдер игнорировал аргументы, свидетельствовавшие в пользу плавания Дежнева. Фактически Р. Фишер призвал западных историков к более внимательному изучению источников по истории Сибири (подробнее об этом см.: [Fisher, 1956, 1981: 277])³¹.

В зависимости от понимания главных целей дальневосточной колонизации историки объясняли причины проникновения русских в Тихоокеанский регион. В качестве основных причин назывались политические (стремление империи укрепить свои позиции на востоке), торговые (поиск новых источников

³¹ Необходимо также привести замечание современного исследователя Л.М. Демина о том, что, «несмотря на обилие публикаций о С.И. Дежневе, в его биографии остается еще немало «белых пятен» и дискуссионных вопросов». – См.: [Демин, 1990: 321–322].

пушнины, развитие торговых отношений с Китаем, Японией и европейскими колониальными державами), а также необходимость научного изучения и составления точных географических карт Тихоокеанского региона.

Сторонниками идеи о преимущественно политических целях экспансии России в Северо-Тихоокеанском регионе выступили А. Сокол, Ю. Семенов, О. Руденко. Впрочем, позиция А. Сокола, изложенная в статье «Русская экспансия и исследования в Тихом океане», выглядит достаточно противоречивой. В ней историк хотя и указал на необходимость изучения политической составляющей «русской восточной экспансии», но ограничился описанием успехов России в научном изучении Тихого океана в XVIII–XIX вв., а также истории пушных промыслов в регионе [Sokol, 1952].

Роль правительства в освоении Тихоокеанского региона высоко оценивал О. Руденко – автор статьи «Россия в Тихом океане». В ней он прямо указал на обеспокоенность западных держав не столько появлением русских в водах Тихого океана в XVIII в., сколько последовавшим за ним быстрым упрочением их позиций [Rudenko, 1976: 53]. Проникновение русских в Тихоокеанский регион представлено историком как результат продуманной политики, направленной на усиление роли Российской империи в мире.

Об активном участии русского правительства в исследовании Тихого океана, стремлении создать прочную основу для присутствия России в регионе писал Ю. Семенов [Semjonow, 1954: 174]. Выяснению роли правительства (прежде всего в лице Адмиралтейства) и политической поддержке исследования Тихоокеанского региона посвящена монография канадского историка Г. Баррэта «Россия в водах Тихого океана в 1715–1825 гг.». Ведущую роль торговых интересов России в Тихоокеанском регионе подчеркивали представители Калифорнийской школы – Р.Дж. Кернер, Дж. Ленсен, Дж. Ланцев, Р. Пирс.

Первостепенное значение задач научного освоения региона отмечали Ф. Голдер, Дж. Антонсон, В. Ханэйбл, Т. Армстронг, Дж. Мирски. Свои выводы о причинах «тихоокеанской экспансии» России историки делали, в первую очередь, на основе

изучения хода и результатов Камчатских экспедиций В. Беринга. О решении Берингом сугубо научных задач – в первую очередь вопроса о проливе между Азией и Америкой – писал Ф. Голдер. В целом историк признавал колоссальные достижения русских научных экспедиций, действовавших в Северной Азии и Тихом океане в XVIII в. В частности, Великую Сибирскую экспедицию он охарактеризовал как наиболее трудоемкую, масштабную и дорогостоящую в мировой истории [Golder, 1914: 169], хотя результаты Первой Камчатской экспедиции оценивал как неудачные [Golder, 1914: 148–149]. Среди отечественных исследователей данный вывод Ф.А. Голдера фактически разделяли А.И. Андреев [1965: 32], И.П. Магидович [1967: 342], В.А. Дивин [1971: 69], К.А. Шопотов [1989: 23].

В дальнейшем Ф.А. Голдер подготовил двухтомное издание, посвященное экспедициям В. Беринга и опубликованное в 1922–1925 гг. В первом томе освещается Первая Камчатская экспедиция 1725–1730 гг., а также путешествие М.С. Гвоздева к Америке в 1732 г.; во втором томе рассматривается Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. и содержится ряд архивных документов.

В 1980-х гг. американские историки Дж. Антонсон и В. Ханэйбл также отмечали, что русское правительство было недовольно результатами первой экспедиции Беринга [Antonson, Hanable, 1985]. Однако, по мнению американской исследовательницы К. Эрнесс (Урнес), главной целью экспедиции являлось прежде всего определение географических параметров северо-западной оконечности Америки, и с этой задачей русские справились, составив превосходные карты [Urness, 1987, 1992: 73, 79].

Компромиссную концепцию предложил Т. Армстронг, сославшись на мнение самого В. Беринга, который считал, что в Первой Камчатской экспедиции «он показал, где кончается Азия, но не показал, где начинается Америка» [Armstrong, 1992: 117; Алексеева, 1998: 90]. В целом Т. Армстронг высоко оценил значение экспедиций В. Беринга, полагая, что Первая Камчатская экспедиция заложила традицию научных исследований в регионе: «Можно сказать, что русский пример имел прямым следствием великие плавания, снаряжавшиеся западными держава-

ми для исследования Тихого океана позднее в XVIII столетии» [Armstrong, 1992: 126; Алексеева, 1998: 100]. Дж. Харрисон, Дж. Мирски, С. Томпкинс в своих монографиях также присоединились к традиционному представлению о научных целях экспедиций В. Беринга [Tompkins, 1945: 25–45; Mirsky, 1948: 68; Harrison, 1971: 63–128].

В 1930-х гг. вывод Ф.А. Голдера о научных целях тихоокеанских экспедиций в XVIII в. был дополнен лишь ошибочным предположением Р. Кернера о том, что одним из секретных заданий В. Беринга было возвращение Приамурья, отданного по Нерчинскому договору [Kerner, 1931: 111–117]. Р. Фишер полностью отказался от концепции своего учителя, восприняв выводы советской историографии (в частности, Б.П. Полевого [2001]³², А.В. Ефимова, В.И. Грекова) о решении Россией в ходе обеих экспедиций политических задач колониальной экспансии и распространении своего влияния в Тихоокеанском регионе. Р. Фишер доказывал, что «обе экспедиции Беринга на север Тихого океана... были первыми проявлениями стремления России расширить свою империю на ту часть Северной Америки, которая еще не была подчинена никакой другой европейской стране» [Fisher, 1990: 71; Алексеева, 1998: 110].

Осторожность В. Беринга, которая для многих исследователей служила объяснением неудач его экспедиций, с точки зрения Р. Фишера, объяснялась тем, что он был иностранец, который за год до Первой Камчатской экспедиции даже вышел в отставку из-за того, что не получил повышения, которое считал заслуженным. Следует заметить, что в 1713–1714 гг. В. Беринг проходил по делу о невыполнении порученных заданий и «в дальнейшем чрезвычайно тщательно относился к приказам, следуя их букве» [Fisher, 1992: 49; Алексеева, 1998: 95–96]. Ограничившись изучением истории экспедиций Беринга, Р. Фишер не показал роль политического фактора на следующем этапе освоения Тихоокеанского региона. В результате его выводы не были вполне усвоены новейшей западной историографией.

³² Так, Б.П. Полевой в одной из своих статей утверждал, что В. Беринг не понял истинного значения наказа Петра I – плыть к Америке до «города европейских владений».

Вывод о решении в ходе Камчатских экспедиций стратегических задач расширения политического влияния Российской империи поддержали Ю. Семенов, Г. Баррэт, Дж. Гибсон. По словам Ю. Семенова, с самого начала было очевидно большое политическое значение экспедиции Беринга, целями которой, прежде всего, являлось укрепление позиций России на Дальнем Востоке, установление дипломатических и торговых отношений с Японией и контроль над Северным морским путем, о чем писали еще К. фон Бэр и С.М. Соловьев [Semjonow, 1954: 174].

Канадский историк Г. Баррэт признал убедительным мнение А.В. Ефимова о том, что Петр I занялся проектом Камчатской экспедиции, преследуя цели имперской и территориальной экспансии [Ефимов, 1950], но считал все же главнейшей задачей морских экспедиций в XVIII в. научное изучение Тихоокеанского региона, в котором позиции России оставались непрочными, а угроза международного конфликта – весьма реальной [Barrat, 1981: 234]. Для сравнения, в советской историографии о преимущественно научных целях Первой Камчатской экспедиции писали Л.С. Берг [1946] и А.И. Андреев [1940].

К выводу Р. Фишера об имперских устремлениях царского правительства, организовавшего плавание Беринга, присоединился Дж. Гибсон, убежденный, что еще до экспедиций Беринга русские знали, что азиатский и американский континенты не соединены между собой, а главная цель их плавания заключалась в исследовании водных пространств к востоку от Камчатки и открытии любых новых земель для расширения пушной торговли [Gibson, 1992: 90].

В статье, посвященной тихоокеанским научным экспедициям в XVIII в., Э. Краунхарт-Воон также подчеркнула, что их главным организатором было правительство, засекречивавшее их результаты и преследовавшее при этом известные политические цели, но исследовательница также отметила непрерывный рост научной составляющей в освоении региона, стремление привлекать к делу в первую очередь профессионалов, даже если это выходцы из других стран. Наиболее впечатляющим результатом, достигнутым благодаря этим масштабным экспеди-

циям, Э. Краунхарт-Воон считала превращение России в тихоокеанскую державу [Crownhart-Vaughan, 1990].

Б. Дмитришин проанализировал историю частных экспедиций, организованных в Тихоокеанском регионе купцами и промышленниками в поисках новых источников пушнины [Dmyt-gyshyn, 1990a]. Он отметил, что в XVIII в. всякая частная инициатива должна была быть санкционирована и одобрена государством, что, однако, не умаляет заслуг таких выдающихся предпринимателей, как Н. Трапезников, П. Лебедев-Ласточкин, Г. Шелихов, Е. Басов, А. Толстых, П. Зайков, Г. Измайлов, Г. Прибылов. Все же, по мнению американского историка, без помощи алеутов русские не смогли бы добывать пушнину в таких количествах. При всей заинтересованности русских в сотрудничестве с коренным населением островов они, тем не менее, нередко прибегали к насилию (в этом более всех отличились И. Басов, Г. Пушкарев, И. Соловьев), что объяснялось прежде всего конкуренцией между различными группами промышленников, в то время как правительство неизменно призывало к более гуманному обращению с аборигенами.

История Русской Америки. Следующий этап «русской восточной экспансии», в представлении западной историографии, был связан с проникновением русских в Северную Америку. При этом большинство современных историков не видят принципиального различия между североазиатскими и североамериканскими владениями России. Так, А. Вуд в одной из своих работ дал определение сибирской колонии как всей территории от Западной Сибири до Аляски включительно [The History of Siberia..., 1991: 1]. Тем самым британский историк поддержал вывод советских исследователей о том, что, во-первых, присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока стало «логическим продолжением процесса», начало которому положило крушение Сибирского ханства и переход в русское подданство западносибирских народов» [Александров, 1984]; а во-вторых, что Русская Америка возникла как «следствие великих русских географических открытий на востоке Азии и в северной части Тихого океана» [Алексеев, 1982; Чернавская, 2003: 15].

Впервые в западной историографии против такого подхода выступил Р. Фишер. В своей рецензии на сборник статей «История Сибири: от русского завоевания до революции», подготовленный к печати А. Вудом, Р. Фишер выразил несогласие с включением в сборник статьи Дж. Гибсона по истории Русской Америки. Возражения Фишера также вызвало данное Вудом определение Русской Америки как одной из «сибирских колоний». По мнению Фишера, для Русской Америки были характерны особая система управления, большее число контактов с внешним миром, как и более частые столкновения с аборигенами. «Будь Русская Америка неотъемлемой частью Сибири, – задается вопросом Р. Фишер, – продала бы Россия ее Соединенным Штатам?» [Fisher, 1991].

Действительно, история Русской Америки – отдельная страница в истории русской колонизации, и ее историческая судьба напрямую не зависела от успешности освоения Сибири, но само проникновение русских на североамериканский континент едва ли было возможно, не создай Россия прочный плацдарм на азиатском побережье Тихого океана. Колонизация американских территорий во многом осуществлялась теми же методами, что и освоение Дальнего Востока и Северо-Тихоокеанского региона³³. Следует присоединиться к мнению участников международной научной конференции «Русская Америка и Дальний Восток», состоявшейся во Владивостоке в 1999 г., о взаимообусловленности процессов заселения русскими дальневосточных территорий и освоения тихоокеанского побережья Северной Америки [Русская Америка..., 2001]³⁴.

³³ Указание на эту взаимосвязь содержалось уже в работах первого западного историка Русской Америки – Г. Бэнкрофта. Вся последующая англоамериканская историография, посвященная истории освоения русскими Тихоокеанского региона – от дальневосточного побережья до Аляски и Калифорнии – фактически развивала тезис Бэнкрофта.

³⁴ Составители сборника также отметили, что «несомненная взаимосвязь между активно начавшимся после заключения Айгунского договора 1858 г. и Пекинского трактата 1860 г. заселением русскими людьми Приамурья и Приморья и последовавшей в 1867 г. продажей Русской Америки Северо-Американским Соединенным Штатам уже давно признается исследователями» (с. 5).

История освоения Русской Америки оказалась в сфере пристального внимания западных авторов во второй половине XIX в. – после того, как в 1867 г. царское правительство реализовало свое давнее намерение продать Аляску Североамериканским Штатам. За прошедшие полтора столетия зарубежные исследователи (прежде всего американские и канадские), в распоряжении которых имелась обширная источниковая база, всесторонне изучили тему русского присутствия на Аляске. В числе затронутых ими проблем – выяснение причин проникновения русских в Америку; оценка итогов хозяйственного освоения региона; изучение истории русско-аборигенных отношений; а также поиск ответа на вопрос, почему Россия в итоге отказалась от своих американских владений.

По определению Лидии Блэк, «пионерами» изучения истории Русской Америки в англо-американской историографии стали Г.Х. Бэнкрофт, У.Х. Долл, К.Л. Эндрюс и Г. Шевиньи. С именами первых двух исследователей, ратовавших за скорейшую «американизацию» Аляски, были связаны многочисленные «стереотипные» представления о негативных последствиях имперской политики России в Америке; о варварском обращении с коренным населением и истреблении пушного зверя. В конце XIX в. данный взгляд оспорил К.Л. Эндрюс (1862–1948), которого очаровал «русский период» в истории Аляски – «один из наиболее ярких и наименее изученных». Выучив русский язык, К.Л. Эндрюс занялся сбором многочисленных источников по истории Русской Америки. Итогом его многолетней работы стала публикация двух монографий: «История Ситки» и «История Аляски» [Andrews, 1922, 1931]. В 1942 г. К.Л. Эндрюс написал биографическое исследование об А.А. Баранове, но эта книга так и не увидела свет.

В конце 1930-х гг. К.Л. Эндрюс познакомился с журналистом и писателем Г. Шевиньи (1904–1965), который заинтересовался историей Русской Америки под влиянием американского историка Э. Мини (E. Meany) и в 1937 г. опубликовал книгу «Утраченная империя», посвященную Н.П. Резанову [Chevigny, 1937]. К 1965 г. появились еще две книги Г. Шевиньи – «Власти Аляски» (об А.А. Баранове) и «Русская Америка» [Chevigny,

1942, 1965]. В начале 1960-х гг. Г. Шевиньи, занимавшийся сбором документальных материалов по истории Русской Америки, обрел единомышленника в лице канадского историка Р. Пирса. В течение нескольких десятилетий Р. Пирс и его коллеги переводили на английский язык и публиковали источники по истории Русской Америки и освоения Северо-Тихоокеанского региона.

Заметный вклад в изучение темы в первой половине XX в. внесли и другие американские и канадские авторы: последователь Г. Бэнкрофта и один из основоположников американского исторического «сибиреведения» Ф.А. Голдер; основатель Калифорнийской исторической школы Р.Дж. Кернер; канадский историк С. Томпкинс и др.

Особое внимание в западной историографии уделялось выяснению причин проникновения русских в Северную Америку. В начале XX в. преобладало мнение о ведущей роли политических интересов России в регионе. Сторонниками данной концепции являлись Дж. Кэллаган, Б. Томас, Дж. Хильдт, немецкие историки Г. Пильдер и Г. Хайнц [Callahan, 1901; Heinz, 1911; Hildt, 1906; Pilder, 1914; Thomas V.P., 1930].

Впоследствии наибольшее влияние приобрела концепция Р.Дж. Кернера о преимущественно торговых интересах русских промышленников, об их стремлении найти новые источники пушнины и продовольствия и создать «торговую империю» в регионе. В целом Р.Дж. Кернер пытался увязать процессы освоения Дальнего Востока и Русской Америки и в качестве основной причины «русской экспансии» за океан называл потерю Россией Приамурья в конце XVII в. В разное время сторонниками концепции Р.Дж. Кернера выступали Э. Эссиг, А. Огден, Л. Блэк, Дж. Гибсон [Gibson, 1991].

Канадский историк Г. Баррэт также писал об излишней осторожности русского правительства в осуществлении политики на Дальнем Востоке и в Северной Америке [Barrat, 1981]. Медлительность правительства вредила развитию колоний, систему снабжения которых следовало наладить еще во второй половине XVIII в. Основное внимание в своей монографии Г. Баррэт уделил роли Адмиралтейства и военного флота, с по-

мощью которого Россия пыталась упрочить свое положение на востоке. Как пишет Г. Баррэт, со временем правительству стало ясно, что присутствие военных кораблей не может существенно повлиять на ситуацию, пока не будет создана соответствующая хозяйственная и военная база (в том числе предполагалось создание Тихоокеанского флота). Г. Баррэт обстоятельно исследовал многочисленные правительственные планы дальнейшей колонизации Тихоокеанского региона, но отнюдь не все из них расценивал как осуществимые. Наиболее резкой оценки заслужил план руководителя Российско-Американской компании Н.П. Резанова, в котором Г. Баррэт усмотрел «следы паранойи, патриотического бреда и имперских амбиций» [Ibid: 146].

Г. Шевиньи также уделил пристальное внимание планам Н.П. Резанова и А.А. Баранова по созданию колониальной империи в Тихом океане. В отличие от Г. Баррэта, Г. Шевиньи присоединился к мнению Н.П. Резанова об Аляске как плацдарме, позволяющем контролировать весь Тихоокеанский регион. Однако рассмотрение этих планов не сопровождалось описанием реальной правительственной политики в отношении североамериканских колоний, без чего невозможно ответить на вопрос об истинных причинах русского проникновения на континент.

В дискуссиях историков камнем преткновения являлся вопрос о причинах образования Российско-Американской компании, а точнее – о соотношении правительственной и частной инициативы в ее создании. Большинство зарубежных исследователей усвоили взгляд советского историка С.Б. Окуня на компанию как креатуру правительства, призванную действовать в его интересах и осуществлять его замыслы [Окунь, 1939; Алексеева, 1993]. Так, по мнению Ю. Семенова, за решением Павла I о создании Российско-Американской компании скрывалось не что иное, как стремление ослабить позиции Ост-Индской компании во внешнеполитической и внешнеторговой борьбе императора с Великобританией [Semjonow, 1954: 239].

Дж. Харрисон отмечал, что уже Екатерина II задумывалась о вытеснении англичан из Северо-Тихоокеанского региона с помощью мощной торговой компании. По определению историка, Российско-Американская компания играла в Северной

Америке такую же роль, какую в свое время играли Строгановы в Приуралье [Harrison, 1971]. Вывод С. Окуня разделяли Б. Дмитришин, Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон – составители трехтомного сборника документов «В Сибирь и Русскую Америку. Три столетия русской экспансии на Восток 1558–1867 гг.». С их точки зрения, правительство сделало компанию «правопреемницей своих экспансионистских устремлений»; оно не только учредило компанию, но и снабжало, контролировало и защищало от отечественных и иностранных конкурентов, а после продажи Аляски – аннулировало ее.

По мнению Г. Баррэта, активная роль правительства подтверждалась участием Морского министерства в управлении Российско-Американской компанией, а также постепенным превращением компании в бюрократический орган, полностью подконтрольный правительству.

Противоположной точки зрения придерживалась сотрудница Университета Северной Каролины М. Уилер, считавшая, что создание монополии Павлом I было лишь попыткой упорядочения и расширения деятельности промышленников, игравших ведущую роль в освоении региона [Wheeler, 1987; Алексеева, 1993]. Немецкий историк А. Каппелер также полагал, что создание РАК лишь обеспечило частным предпринимателям протекцию со стороны государства, но частная инициатива купечества играла в ее деятельности ведущую роль [Каппелер, 2000: 149].

В зависимости от понимания целей и значения различных участников процесса – правительства, Российско-Американской компании, частных промышленников – историками оценивалась успешность хозяйственного освоения Русской Америки, а также объяснялись причины отказа России от американских колоний. В начале XX в. политическое и торговое соперничество морских держав в Тихом океане рассматривалось в западной историографии как важнейший фактор, обусловивший уход России с Американского континента (Б. Томас, Дж. Хильдт, Г. Хайнц, Ф. Голдер [Golder, 1925]).

В начале 1930-х гг. история освоения русскими американских территорий стала предметом исследований сотрудников Калифорнийского университета и Калифорнийского историче-

ского общества – Р.Дж. Кернера, Э. Эссига, А. Огден, К.Дж. Дюфура, А. Кашеварова и др. Вслед за Р.Дж. Кернером западные историки делали акцент на торговых интересах России в Тихоокеанском регионе, соответственно, присутствие России в Северной Америке ставилось в прямую зависимость от доходности пушных промыслов, успешности решения проблемы продовольственного снабжения колоний и развития торговых отношений с испанцами, англичанами и американцами.

Так, Э. Эссиг в статье «Русское поселение “Росс”» дал описание южного аванпоста Русской Америки, сообщил о результатах хозяйственной деятельности русских колонистов, о посещении форта мореплавателями и учеными [Essig, 1933]. Автор использовал фактический материал, содержащийся в статье сотрудника Региональной библиотеки Аляски А. Кашеварова «Форт Росс: сообщение о русском поселении» [Kashevaroff, 1927]. По словам Э. Эссига, Калифорния интересовала русских преимущественно как центр пушной торговли, а также как источник продовольствия для колоний на Камчатке и Аляске. Медленное развитие земледелия и упадок пушного промысла сделали уход русских из Калифорнии неизбежным. Данный подход отчетливо прослеживается в статье вице-президента Педагогического колледжа Сан-Франциско, профессора истории К.Дж. Дюфур «Уход России из Калифорнии», посвященной обстоятельствам продажи калифорнийских владений [DuFour, 1933].

К аналогичным выводам пришла и А. Огден – автор статьи «Русский промысел морской выдры и тюленя на Калифорнийском побережье (1803–1841 гг.)». Исследовательница повторила утверждение Р.Дж. Кернера о том, что управляющий Русской Америкой А. Баранов вынашивал планы расширения колониальных владений в Тихоокеанском регионе, втайне надеясь вытеснить американцев [Ogden, 1933]. В статье А. Огден основное внимание уделяется вопросам сотрудничества русских колонистов с американскими и испанскими купцами, которое парадоксальным образом было лишь продолжением жесткой международной торговой конкуренции в регионе. В условиях сокращения популяции каланов и соперничества других держав уход русских становился делом времени.

В монографии С. Томпкинса «Аляска: промышленник и первый поселенец» воспроизводились выводы калифорнийских историков о торговых интересах России на Дальнем Востоке и в Северной Америке, а также о столкновениях интересов колониальных держав в Тихом океане, что фактически обрекало русские колонии на незавидное существование и предопределило поспешный уход из региона [Tompkins, 1945: 45–49].

В англоязычной историографии концепция Р.Дж. Кернера о ведущей роли хозяйственных и торговых факторов в истории Русской Америки подверглась пересмотру в 1970–1980-х гг. В частности, о приоритетном характере политических интересов России писали Дж. Харрисон, О. Руденко, Г. Баррэт. Обращаясь к вопросу о транспортных и продовольственных проблемах, с которыми столкнулись русские колонисты в Америке, Дж. Харрисон указал на смену ориентиров в колониальной политике русского правительства, которое полагало, что главные интересы России лежали на Азиатском континенте [Harrison, 1971: 110–128].

По мнению О. Руденко, столкнувшись с множеством трудностей и заключив в 1824–1825 гг. договоры с Великобританией и США, на основании которых суда обеих держав смогли заходить в российские порты и торговать с русскими колониями в Северной Америке, Россия признала неизбежность своего скорого ухода из региона и переключила свое основное внимание на Приамурье [Rudenko, 1976: 53]. Р.Дж. Дженсен полагал, что решающее значение имело поражение в Крымской войне, продемонстрировавшее слабость России и уязвимость ее колоний [Jensen, 1975]. Г. Баррэт отнюдь не считал русскую колонизацию Северной Америки заведомо обреченной на неудачу, но указывал на ошибки в правительственной политике как причину упадка в русских колониях.

Своеобразную эволюцию во взглядах на историю Русской Америки и причины отказа России от американских владений проделал в 1960–1990-х гг. профессор географии Йоркского университета в Торонто Дж. Гибсон. Вслед за Р.Дж. Кернером и Р. Фишером он называл пушнину главным стимулом движения на восток, но выход русских в северную часть Тихоокеанского региона означал смену пушного зверя (с соболя и белки на нер-

пу и морского котика), типа жилья (от материкового – к приморскому), а также рынка – с европейского на китайский. Все это влекло за собой еще большую эксплуатацию морских охотников-алеутов, более сложное и дорогое снаряжение и более сложные условия торговли. Россия оказалась в зоне международного соперничества, где столкнулась с имперскими интересами Испании, Великобритании и США. Однако наиболее острой и жизненно важной для русских колонистов на Аляске стала проблема продовольственного обеспечения [Воробьева, 2009].

Не отвергая основные положения концепции Р.Дж. Кернера, Дж. Гибсон в серии работ, опубликованных в 1970–1980-х гг. [Gibson, 1976, 1979, 1990], сосредоточил свое внимание на объяснении причин ухода России из Северной Америки, действительно, во многом вызванного трудностями хозяйственного освоения, снижением доходов от пушной торговли, транспортными проблемами и вынужденной конкуренцией с колониями других держав.

Исследователь выделил в истории Русской Америки четыре основных периода: первый пришелся на 1743–1799 гг., отмеченный деятельностью многочисленных научных экспедиций и освоением региона частными компаниями. Второй период охватывал 1799–1819 гг. и был связан с деятельностью «главного правителя» А.А. Баранова (именно в это время русские наткнулись на противодействие со стороны других колониальных держав). Третий период (1819–1840 гг.) стал временем реорганизаций, уменьшения враждебности со стороны местного населения и более цивилизованной конкуренции; четвертый период – 1840–1867 гг. – обернулся ухудшением ситуации в Российско-Американской компании и колониях и отказом России от своих владений на Аляске.

Наряду с трудностями снабжения колоний основными причинами хозяйственного упадка в Русской Америке Дж. Гибсон называл, во-первых, вовлеченность правительства в европейские дела, что неизбежно препятствовало своевременному решению проблем на окраинах империи, а во-вторых – «континентальный характер» русской колониальной политики [Gibson, 1976:

32–34]. Таким образом, в работах Дж. Гибсона, написанных в 1970-х гг., все большее значение придавалось политической составляющей «русской колониальной экспансии». В статье, опубликованной в 1983 г., историк называл в числе причин, побудивших Россию уйти из Северной Америки, стремление царского правительства сосредоточиться на экспансии в Азии, а также страх перед возможным военным конфликтом с Великобританией и особенно с Соединенными Штатами, боязнь невозможности защитить американские владения в случае такого конфликта [Gibson, 1983].

В конце 1980-х гг. Дж. Гибсон вновь обратился к теме освоения русскими Северной Америки. В своей статье «Царская Россия в колониальной Америке» он также пришел к выводу об ошибочности царской политики в отношении Русской Америки, ссылаясь на свидетельства иностранцев, посетивших в свое время русские колонии и отметивших неразумность управления, низкий уровень жизни, хозяйственный упадок в русских поселениях. Дж. Гибсон писал: «Россия всегда была отсталой страной. Можно себе представить отсталость самой отдаленной из ее колоний» [Gibson, 1991: 104].

В основе завершающего этапа «русской восточной экспансии» Дж. Гибсон видел исключительно погоню за пушниной, а потерю Русской Америки считал прямым следствием упадка пушного промысла и жесткой торговой конкуренции с американцами и англичанами. В 1991 г. Дж. Гибсон утверждал, что Россия не являлась сильнейшей морской державой и была обречена на поражение, хотя приняла участие в хозяйственном освоении региона раньше остальных [Gibson, 1991: 109].

Данный вывод существенно отличался от прежних представлений исследователя, считавшего Россию могущественным соперником колониальных держав в Тихом океане. Эволюцию взглядов историка отчасти можно объяснить изменением международной ситуации, сложившейся в начале 1990-х гг. В условиях, когда Россия утратила контроль над многими территориями, традиционно входившими в сферу ее влияния, потребовалась переоценка всего исторического прошлого страны, в первую очередь, истории ее территориальной экспансии.

Выводы Дж. Гибсона поддержал С. Хэйкоккс, написавший монографию по истории Аляски и посвятивший специальный раздел ее «русскому периоду» [Наусох, 2002]. С. Хэйкоккс полагал, что история Русской Америки фактически началась с проникновения русских промышленников через сибирские просторы к берегам Охотского моря, в Приамурье и в низовья р. Лены. Следующим этапом экспансии стало научное освоение Сибири и северной части Тихого океана в XVIII в. Для С. Хэйкоккса несомненно, что Россия – преимущественно европейская страна, следовательно, освоение Сибири, Дальнего Востока и северных районов Тихого океана вполне вписывалась в общую историю европейской колонизации. Как и прочим европейским народам, русским было присуще чувство превосходства над коренным населением осваиваемых территорий, они ощущали себя представителями более развитой цивилизации.

С. Хэйкоккс придерживается периодизации истории Русской Америки, предложенной Дж. Гибсоном, и объясняет причины ухудшения ситуации в колонии к середине XIX в. тем, что Россия, в сущности, никогда не пыталась сделать свои американские территории привлекательными для переселенцев, но лишь заботилась об извлечении прибыли с наименьшими затратами. В годы Крымской войны стали очевидными сложности удержания Аляски в сфере российского влияния, а с присоединением Приамурья (региона, богатого разнообразными ресурсами и расположенного значительно ближе, что облегчало задачу его снабжения) уход русских из Америки стали практически неизбежным. Историк подчеркивает, что к 1867 г. русские были хорошо осведомлены о богатствах Аляски, но при этом осознавали, что не станут расходовать силы и средства на их освоение. В этой ситуации экспансионистские устремления американцев и их готовность купить Аляску оказались очень своевременными.

Среди прочего, С. Хэйкоккс согласился с мнением Дж. Гибсона, что даже сравнительно скромные успехи России в деле освоения северо-западного побережья Америки были бы невозможны без помощи коренного населения. В отличие от русских, местные племена давно научились жить в гармонии с окружающим

миром, снабжая себя всем необходимым и создав культуры, «богатые потенциалом, мастерством и мудростью» [Ibid: 39].

Вообще, западные исследователи уделяли особое внимание проблемам взаимоотношений между пришлым и коренным населением Русской Америки. Положительные и отрицательные последствия этих взаимоотношений рассматривались историками как факторы, способствовавшие или препятствовавшие сохранению Россией своих позиций на Американском континенте. О позитивных аспектах взаимодействия пришлого и коренного населения Аляски писали А. и Э. Энгстромы [Engstrom A., Engstrom E., 2004.], Б. Смит и Р. Барнетт, отмечавшие, что «сравнительно с другими колонизаторами Северной Америки, русские отличались значительно более гуманным отношением к коренным жителям», предоставляли туземцам возможность получить образование и медицинскую помощь [Russian America..., 1990].

Многие западные исследователи приходили к заключению о негативных последствиях русской колонизации для коренного населения Северной Америки. Так, профессор Орегонского университета Д.Е. Дюмонд, основываясь на работах К. Арндта и Дж. Гибсона, отмечал, что русские врачи, проводившие вакцинацию от оспы в 1830-х гг., невольно содействовали распространению болезни, в результате случайного заражения путем прививок [Русская Америка..., 2001: 5]. О сопротивлении коренного населения Аляски писали А. Каппелер, Дж. Гибсон, У. Борнман [Worneman, 2003].

Профессор университета Аляски Л. Блэк (1925–2007), основываясь на архивных материалах из коллекций Г. Юдина и Ф. Голдера, а также на данных, опубликованных Р. Пирсом³⁶, рассматривала историю взаимоотношений коренного и пришлого населения на о-ве Кадьяк как историю военного конфликта, продиктованного стремлением Г. Шелихова «утвердиться в самом заселенном районе Аляски, который тогда был известен России». С точки зрения исследовательницы, «с самого начала Шелихов

---

³⁶ В 1970–1980-х гг. Р. Пирс опубликовал серию статей и сборников документов, посвященных различным аспектам взаимоотношений русского и коренного населения Аляски и Алеутских островов. – См., напр.: [Shelikhov, 1981].

планировал применить силу и имел намерение использовать ресурсы региона, как природные, так и человеческие, в своих экспансионистских целях». По мнению Л. Блэк, продолжателем политики Г. Шелихова в регионе стал А. Баранов [Блэк, 2001].

Вместе с тем, в своем более позднем обобщающем исследовании по истории Русской Америки Л. Блэк дала преимущественно положительную оценку политики России в отношении коренных жителей Русской Америки, отмечая усилия русских по развитию системы здравоохранения и образования, распространявшуюся и на аборигенное население; их посредническую миссию в межплеменных переговорах и пр. [Black, 2004].

При этом исследовательница признала, что в западной «литературе и политических речах историю Русской Америки описывают с помощью стереотипных утверждений о том, что в регионе имели место эксплуатация и даже порабощение коренного населения, а также ограбление природных ресурсов». В действительности же за все время пребывания русских на Аляске их численность не превышала 500 чел., тогда как аборигенов было во много раз больше. К 1830-м гг. русским было запрещено постоянно проживать на Аляске; исключение сделали только для тех, кто женился на представительницах коренного населения. Русские войска появились на Аляске только в 1850-х гг., когда на Ситке был размещен контингент для обороны острова на случай нападения англичан.

Динамика отношений между русскими и аборигенами Аляски качественно отличалась от тех процессов, которые имели место в более поздний период, когда на Аляску пришли американцы, применявшие те же методы, что использовались ими в отношении индейцев в западных штатах. Главными инструментами такой политики являлись военная оккупация и контроль в сочетании с полной свободой действий для гражданского населения.

Российско-Американская компания получила монопольные привилегии, но взамен русское правительство потребовало от нее предоставлять населению Аляски необходимые услуги в сфере здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения.

Можно сказать, что на Аляске было апробировано новое социальное законодательство.

По мнению Л. Блэк, уход русских с Аляски был обусловлен влиянием геополитических интересов и международной ситуации. В условиях, когда США все больше превращались в континентальную державу, русское правительство и лично Александр II пребывали в убеждении, что рано или поздно Североамериканские Штаты поглотят Канаду. В то же время сохранялась угроза нового обострения отношений с Британской империей. Очевидно, что после Крымской войны для России предпочтительнее было иметь общую границу с США, а не с британской колонией.

В отличие от Дж. Гибсона и С. Хэйкокса, Лидия Блэк полагала, что в последнее десятилетие перед продажей Аляски ситуация в Русской Америке была стабильной, дела компании шли совсем неплохо, что однако не мешало активному обсуждению в высших эшелонах власти вопроса о продаже американских владений³⁷. По-видимому, наиболее существенным фактором,

---

³⁷ В дискуссиях участвовали Ф.П. Врангель (бывший управляющий на Аляске, а в то время – военно-морской министр), канцлер А.М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич. Врангель, являясь одним из акционеров компании, возражал против продажи территорий, указывая на возможный ущерб для интересов России. В 1858 г. великий князь Константин Николаевич предложил создать комиссию для инспектирования владений в Русской Америке. В ее составе оказались советник С.А. Костливец и капитан П.Н. Головин. Комиссия пришла к выводу, что дела в компании идут хорошо; в 1861 г. акционерам было выплачено 145 229 руб. серебром, при этом 31 656 руб. осталось в фонде дивидендов. Новый управляющий Аляской И.В. Фуругельм также не считал, что дела у компании идут плохо, особенно после того, как ему удалось наладить отношения с индейцами-тлинкитами, содействовать развитию рыболовства, судостроения, увеличить поставки пресного льда с оз. Лебединого в Сан-Франциско. 12 марта 1860 г. был спущен на воду первый пароход, построенный на Аляске. Жизнь в Ново-Архангельске выглядела вполне благополучной; местное общество предавалось светским развлечениям. В 1862–1863 гг. во время эпидемии оспы русские проводили вакцинацию тлинкитов, участвовали в качестве посредников в межплеменных переговорах. Как сообщает Л. Блэк, к тому времени русские колонисты научились бережному и рациональному отношению к пушному зверю, что впоследствии отмечалось американцами.

обусловившим уход русских с Североамериканского континента, стало ухудшение международной обстановки. В период Крымской войны в северной части Тихого океана курсировало много британских военных кораблей, а на острове Ванкувер появилась постоянная военно-морская база англичан. Одновременно в Британской Колумбии было найдено золото. Англичане, опасавшиеся возможного начала «золотой лихорадки», увеличили число военных кораблей в регионе. В свою очередь, царское правительство и власти Аляски выражали обеспокоенность ростом числа золотоискателей, которые могли перейти границы российских владений в Северной Америке.

По словам Л. Блэк, преувеличенный страх русского правительства перед реальными и мнимыми угрозами, убежденность в невозможности защитить американские территории в случае военного конфликта, а также стремление сосредоточить усилия на колонизации Приамурья заставили Александра II и его окружение принять решение о продаже Аляски уже в начале 1860-х гг. Задержка с его реализацией была вызвана необходимостью соблюсти положения Третьего устава Российско-Американской компании и условий международных торговых договоров, заключенных компанией и действовавших до конца 1862 г. Кроме того, в 1861 г. в США началась гражданская война, и нужно было дождаться ее завершения.

Тем временем на очередном собрании акционеров удалось добиться принятия решения о продлении монопольного права РАК на добычу пушнины еще на 20 лет, однако новый устав так и не был издан. В 1864 г. назначается последний управляющий – Д. Максудов, 18 марта 1867 г. договор о продаже Аляски

В то же время в самой России программа компании по сохранению пушных ресурсов подвергалась критике со стороны либералов – в частности, А. Кашеварова, креола и уроженца Аляски, в то время сотрудника Адмиралтейства. Кроме того, либеральная общественность выражала недовольство по поводу неспособности компании выполнить «миссию белого человека» и цивилизовать коренное население. Распространялось мнение, что компания нещадно эксплуатировала своих работников, ущемляя их в правах (все это выглядело актуальным на волне критики крепостного права). Особенно сильным нападкам компания подверглась за введенный запрет на свободный ввоз в колонию спиртных напитков.

Североамериканским штатам был подписан, а 30 июня ратифицирован. В новые владения США устремились переселенцы, которые захватили земли, принадлежавшие в том числе церкви, на основании акта о гомстедах. При этом выяснялось, что русские, жившие на Аляске, даже не имели документов о праве собственности на землю и недвижимость.

Представление о ведущей роли политического фактора и международной ситуации, обусловивших, в конечном счете, уход русских из Америки, разделяет и современный американский исследователь Илья Винковецкий (выходец из России, как и Лидия Блэк) [Vinkovetsky, 2011]. И. Винковецкий предпринял попытку применить к истории Русской Америки концепцию европейской колонизации и колониализма, показав специфику системы управления американской колонией, которая сочетала в себе элементы, общие для сибирских (в широком смысле) территорий, с теми, что были заимствованы из соседних колоний европейских держав.

В итоге, по мнению историка, русским удалось превратить Аляску из отдаленного участка «сибирского фронта», населенного преимущественно выходцами из Сибири, в соответствии с представлениям того времени заморскую колонию под управлением «русских европейцев». Безусловно, особый отпечаток на жизнь колонии накладывали взаимоотношения с коренным населением, но русские неизменно стремились превратить аборигенов в лояльных подданных империи, сделать их более открытыми для русского политического и культурного влияния с помощью торговли и деятельности православных миссий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историографическом исследовании процесс развития исторической науки предстает как часть исторической реальности; логика исторического познания сопоставляется с общей логикой научного познания; закономерности развития историографии – с общими закономерностями исторического процесса. Историограф анализирует познавательную деятельность другого исследователя (историка), который одновременно рассматривается как субъект исторического процесса, преобразующий окружающий мир.

Соответственно, выделяется «внешняя» (объективная) и «внутренняя» (субъективная) стороны историографического процесса. Первая включает в себя общественно-политические, социально-экономические и социокультурные условия, влияющие на работу историков; организационное развитие исторической науки; состояние источниковой базы исследований. К «внутренней» стороне процесса следует отнести эволюцию теоретико-методологических и концептуальных оснований историографии, конкретно-исторических взглядов историков, изменение проблематики и развитие методики исследований.

В своем развитии западное сибиреведение прошло несколько закономерных этапов. В «донаучный» период источниками знаний о Сибири служили скудные, неточные, иногда полуфантастические сведения, сообщенные путешественниками, торговцами, миссионерами и др. В эпоху Просвещения формировалось представление об истории как науке, основанной на рациональных процедурах и законах логики, со строгим понятийным и категориальным аппаратом, определенными методами критики источников; в исторических исследованиях формулируется рационально осознаваемая гносеологическая субъект-объектная ситуация «классической науки».

Основы научного подхода к изучению истории Сибири были заложены в XVIII в. Г.Ф. Миллером, однако его труды остались фактом, прежде всего, русской историографии. Западные авторы XVIII–XIX вв., писавшие о Сибири, опирались преимущественно на работы своих соотечественников, проявляя интерес к «русской восточной экспансии» лишь в той мере, в какой она соприкасалась с историей и актуальными проблемами развития их собственных стран. В США первоочередное внимание уделялось истории Русской Америки (Г. Бэнкрофт); британские и немецкие авторы писали об истории и перспективах российского присутствия на Дальнем Востоке и в Тихом океане (У. Коукс, Э.Г. Равенштейн), о проблеме развития транспортных путей (А. Краузе, К. фон Цепелин); о взаимоотношениях русских с соседними азиатскими народами (Дж. Баддели) и т. п.

До начала XX в. в англо- и германоязычной литературе, посвященной истории Сибири, преобладали работы повествовательного и описательного характера, публицистика и беллетристика. На рубеже XIX–XX вв. история Сибири становится предметом научных исследований, написанных профессиональными историками. На Западе появляются научные центры сибиреведения и сибиреведения (Школа славянских и восточноевропейских исследований в Лондоне, Немецкое общество по изучению Восточной Европы в Берлине, Семинар по Северо-Восточной Азии в Беркли и др.). Появление таких исследовательских структур было обусловлено необходимостью привлечения специалистов для решения политических и стратегических задач, стоявших перед западными державами, интересы которых входили в противоречие с политикой Российской империи, а затем СССР, в том числе в Северной Азии и на Тихом океане.

Кризис исторического знания, проявившийся на рубеже XIX–XX вв., напрямую не затронул западное сибиреведение. Исследователи не высказывали сомнений в возможности объективного изучения исторического прошлого; в центре их внимания был не субъект познания, а субъект исторического процесса (государство, отдельные категории населения, индивиды), а также объективные условия, определявшие ход «русской восточной экспансии». Вместе с тем рассматриваемое историогра-

фическое направление не оставалось в стороне от новейших теоретико-методологических «веяний». Р.Дж. Кернер принял во внимание не только теорию колонизации, разработанную русскими историками в предшествующие десятилетия, но и «евразийскую» теорию Г.В. Вернадского, идеи П. Видаля де ла Блаша и Л. Февра. Можно предположить, что западное сибиреведение обогатилось бы новыми методологическими разработками, если бы Ф.А. Голдеру и А.С. Лаппо-Данилевскому удалось реализовать совместный проект по написанию многотомного труда по истории России.

В течение XX в. наиболее распространенной в англо- и германоязычной историографии Сибири оставалась концепция «русской восточной экспансии», сторонников которой можно разделить на два основных направления. Одно из них связано с именем Ф.А. Голдера, в деятельности которого переплетались противоречивые тенденции. Первым в западной исторической науке он осветил многие вопросы истории Сибири, собрал и обработал обширный архивный материал. В то же время ранние работы историка отличались явной тенденциозностью, стремлением подтвердить доминирующие в общественном мнении представления об имперских целях России в Северной Азии и Тихоокеанском регионе, ее стремлении установить свое господство, любыми способами подчинить своей воле сопредельные государства и народы. В соответствии с заданным подходом историк отбирал и анализировал источники, что отмечалось и западными исследователями. Влияние концепции Ф.А. Голдера прослеживалось в англоязычной историографии на протяжении многих десятилетий, о чем свидетельствуют работы Дж. Ленсена, В. Конолли, У. Вучинича, Э. Саркисянца, М. Рывкина, Дж. Форсайта, Г. Хуттенбаха и др.

Другое направление следует связать с деятельностью представителей Калифорнийской школы, стремившихся пересмотреть устаревшие концепции, обобщить достижения историографии, расширить круг источников, привлечь дополнительные исследовательские кадры, выработать новые теоретические подходы к изучению темы. Особое внимание ими уделялось объективным географическим и социально-экономическим услови-

ям колонизации Сибири, обеспечившим прочность российского присутствия в регионе. В разное время об этом писали Р.Дж. Кернер, Р. Фишер, Дж. Ланцев, Р. Пирс, Э. Доннелли, Дж. Харрисон, Дж. Гибсон. Во многом продолжателями традиций Калифорнийской школы стали М. Раев, Ю. Слезкин, М. Бассин, участники Семинара сибирских исследований британских университетов и сотрудники Центра северо-тихоокеанских исследований при Орегонском историческом обществе – А. Вуд, Б. Дмитришин, Д. Коллинз, Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон и др.

В середине XX в. активной разработке на Западе проблем российской истории в многочисленных научных центрах способствовала деятельность историков-эмигрантов (М. Карпович, Г. Вернадский, Дж. Ланцев, А. Лобанов-Ростовский, А. Мазур, К. Менерт, М. Раев и др.), в чем можно усмотреть процесс взаимовлияния и взаимного обогащения различных историографических и исследовательских подходов и традиций. Данный период в развитии западного сибиреведения был также отмечен расширением проблематики исследований, выработкой оригинальных концепций. Такое сближение и взаимодействие представителей различных «национальных историографий» можно обозначить как новую «субъект-субъектную» ситуацию, основанную на «диалоге», сотрудничестве и способствующую более глубокому пониманию содержания источников, порожденных другой культурно-исторической средой.

Впрочем, в условиях обострения «холодной войны», вторжения идеологии в научную сферу, разрыва международных научных связей, спада интереса к истории России и Сибири объект исторических исследований вновь грозил стать «непознанным» или «непознаваемым». Международное сотрудничество историков-сибиреведов активизировалось в период «оттепели» и особенно в годы «перестройки», чему способствовали новые организационные структуры (в 1980-х – начале 1990-х гг. – Семинар сибирских исследований британских университетов, действовавший в Великобритании и США; после 1990 г. – Фонд Франке в Германии (Галле)).

На протяжении всего XX в. западные исследователи вводили в научный оборот все большее число источников по исто-

рии Сибири, справедливо усматривая в этом внутренний механизм развития данного историографического направления. Как следствие, историкам удалось пересмотреть ряд ошибочных выводов, утвердившихся в западной историографии. Ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась использованием опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки, обращением к работам наиболее видных представителей русской и советской историографии.

Переосмысление предмета исторического сибиреведения, соотношения общих закономерностей исторического процесса и специфики конкретного объекта исследований сопровождалось поиском и применением новых теоретических подходов – теории «фронттира» (Д. Тредголд, Э.-М. Столберг), «хартленда» (Дж. Леданн), «модернизации» (В. Конолли), «новой имперской истории» (С. Франк, К. Вайсс).

Проблематика сибиреведческих исследований определялась конкретным соотношением «внешних» и «внутренних» факторов развития историографического процесса. Повышенный интерес западной общественности к политической составляющей «русской восточной экспансии» заставил искать ответ на вопрос о причинах и характере присоединения Сибири к Российскому государству.

Касаясь вопроса об инициаторах присоединения Сибири, большинство западных исследователей отмечали ведущую роль государства и Строгановых (А. Краузе, Р. Пирс, Дж. Харрисон, М. Бассин, П. Пэрдью, Дж. Леданн, Т. Армстронг). Главную роль купцам Строгановым отводили Р. Фишер, Г. Хуттенбах, У. Б. Линкольн, О. Руденко, А. Каппелер и др. Под влиянием историков Калифорнийской школы, призывавших к более объективному освещению роли народных масс в истории сибирской колонизации, в англо- и германоязычной историографии получил распространение вывод о том, что важнейшую роль в присоединении Сибири сыграли казаки под предводительством Ермака. В последнее время в работах зарубежных исследователей все чаще встречается «компромиссная» концепция о равном участии в этом процессе правительства, Строгановых и казачества.

Большинство зарубежных историков, разделявших историческую ответственность за присоединение Сибири между государством и Строгановыми, придерживались концепции о сочетании военных акций и мирного освоения в ходе проникновения русских за Урал – т. е. позиции, высказанной в 1930-х гг. Р.Дж. Кернером. В этой группе исследователей следует назвать Р. Фишера, Дж. Ланцева, Е. Саркисянца, Г. Хуттенбаха, Дж. Харрисона, Дж. Гибсона, Дж. Стюарта, Т. Армстронга, А. Каппелера и др. Значительно меньшее число ученых придерживалось вывода о военном характере присоединения Сибири, хотя концепция завоевания существовала на всех этапах развития западного сибиреведения (ранее – под влиянием трудов Г.Ф. Миллера, в XX в. – работ Ф.А. Голдера). Вместе с тем концепцию преимущественно мирного присоединения Сибири также следует считать вполне традиционной для зарубежной историографии (на рубеже XIX–XX вв. ее сторонниками выступили, например, А. Краузе и Б. Пэрс).

Представления западных историков о причинах и целях «русской восточной экспансии» обусловили выбор ключевых проблем социально-экономического развития Сибири в XVII–XIX вв., в их числе — история пушного промысла и торговли; проблемы аграрной истории Сибири; развитие транспортных коммуникаций. Вместе с тем ввиду ограниченной источниковой базы западными исследователями недостаточно подробно изучалась история развития сибирской промышленности; историко-демографическая проблематика, вопросы исторической урбанистики.

В работах первой половины XX в. вопросы истории управления и хозяйственного освоения, как правило, рассматривались комплексно (Ф.А. Голдер, Р.Дж. Кернер, Р. Фишер и др.). В 1950–1990-х гг. на Западе увидели свет многочисленные специальные исследования по истории социально-экономического развития Сибири (Д. Тредголд, Дж. Гибсон, Дж. Чэннон, В. Конолли, Р. Норт и др.). Анализируя своеобразие процессов «колонизации» или «модернизации» Сибири, западные историки не ставили под сомнение их объективную закономерность (даже если дискутировали о степени их успешности, как С. Маркс, А. Вуд

и др.). В то же время специфика процесса освоения Сибири подчеркивалась сторонниками «имперского подхода» (С. Франк) и теории «фронта» (Э.-М. Столберг).

Для подавляющего большинства западных историков было характерно представление об огромной, во многом определяющей роли, которую играло Российское государство в колонизации Сибири и Дальнего Востока. При этом Дж. Ланцев противопоставлял политику правительства действиям местных властей (данный вывод поддержали Т. Армстронг, М. Раев, А. Вуд), он писал о столкновении «элементов феодального общества» с институтами абсолютной монархии. К. Виценрат поставил под сомнение продуктивность подхода, основанного на противопоставлении общественных структур и властных институтов, Э. Джентес усомнился в «разумности» всей политики самодержавия в Сибири.

В последние десятилетия в работах, посвященных истории Сибири, в центре внимания вновь оказались субъективные факторы исторического процесса, одновременно переосмыслению подвергается роль самого исследователя. Вопросы общественно-политического и культурного развития региона анализируются многими современными исследователями в контексте проблемы «интеграции» или «инкорпорации» Сибири в общеевропейское пространство, в том числе рассматривается «ментальное», «символическое» измерение процесса (В. Фауст, К. Вайсс, У. Сандерленд, С. Франк). По сути, проблеме «интеграции» посвящены исследования по истории научного изучения Сибири и Дальнего Востока (Г. Робель, Э. Доннерт, У. Грабош, Д. Дальманн, В. Хинцше, Дж.-Л. Блэк, К. Кюнтцель-Витт и др.).

Успешность такой интеграции ставится под сомнение в работах, посвященных истории русско-аборигенных отношений и призывающих к «деколонизации сознания». А это предполагает отказ от «русскоцентричного» подхода и рассмотрения истории коренного населения Сибири с позиций самих аборигенных этносов.

Вообще, в течение всего периода развития западного сибиреведения анализ государственной политики, осуществлявшейся применительно к «иностранцам», ставил исследователей перед

необходимостью объяснения сущности всего процесса сибирской колонизации. В зависимости от понимания причин и характера данного процесса оценивались его отдельные аспекты.

Как правило, исследователи, подчеркивавшие первостепенное значение политических и торговых интересов России на востоке, писали о преобладании в правительственной политике методов принуждения (Ф. Голдер, К. Греппер, Дж. Форсайт, Д. Коллинз, Ю. Слезкин, А. Каппелер и др.).

Те, кто придерживался мнения о преимущественно мирном освоении Сибири, отмечали взаимовыгодное сосуществование русского и коренного населения (Дж. Ланцев, Р. Фишер, Т. Армстронг, Дж. Гибсон, М. Раев). В новейших работах по истории Сибири контакты между русскими и аборигенным населением по-прежнему описываются в терминах «завоевание», «порабощение», «эксплуатация».

Наиболее взвешенную позицию занял А. Знаменский, с одной стороны, анализирувавший специфику условий, влиявших на выбор аборигенными этносами той или иной стратегии выживания, а с другой – искавший общие закономерности эволюции русско-аборигенных отношений. Кроме того, он справедливо подчеркивал активную роль самих аборигенов во взаимодействии с русскими.

Особое место в западной историографии (в первую очередь, англо-американской) занимает тема освоения русскими Дальнего Востока, Северо-Тихоокеанского региона и Северной Америки. На рубеже XIX–XX вв., характеризуя освоение Дальнего Востока, большинство исследователей, обеспокоенные усилением позиций России в регионе, писали о преобладании в ее политике целей имперской экспансии. Принципиальное значение в этой связи имел контроль над Приамурьем, утрата которого по Нерчинскому договору, по мнению зарубежных историков, негативно сказалась на ходе дальневосточной колонизации, а возвращение Приамурья в середине XIX в. рассматривалось как дипломатическая и политическая победа России.

Во второй половине XX в. под влиянием американских историков Ф.А. Голдера и Р.Дж. Кернера в западной историографии получило распространение представление о преимуществен-

но экономических и торговых интересах России на Дальнем Востоке (Дж. Ленсен, Т. Армстронг, Г. Сэлисбери, М. Бассин). Вслед за Р.Дж. Кернером историки также отмечали особую роль Приамурья как района для развития сельского хозяйства, хотя некоторые авторы (Дж. Ланцев, Дж. Гибсон, Р. Пирс) полагали, что царское правительство преувеличивало значение Приамурья как возможной продовольственной базы дальневосточной колонизации. Во второй половине XX в. в западной историографии преобладала компромиссная концепция о сочетании торговых и политических интересов России в регионе (Р. Пирс, Дж. Гибсон, Дж. Харрисон, Р. Квестед, Г. Баррэта и др.).

В зависимости от понимания общего процесса «русской восточной экспансии» историки рассматривали проблемы, связанные с историей Русской Америки. Большинство исследователей полагали, что главными причинами проникновения русских в Северную Америку, а впоследствии – отказа от американских владений, являлись поиски источников пушнины и продовольствия (Р.Дж. Кернер, С. Томпкинс, Л. Блэк). С возвращением Приамурья содержание американских колоний стало обременительным для России и экономически неоправданным. Большинство исследователей отмечали негативные последствия русской колонизации для коренного населения Северной Америки, сопротивление которого также повлияло на утрату Россией своих колоний.

В целом в англо- и германоязычной историографии не существовало некоей единой, доминирующей концепции освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. Переосмысление накопленного историографического опыта возможно в рамках масштабного исследования, комплексно рассматривающего различные аспекты «русской восточной экспансии» в длительной исторической перспективе. Впервые задача написания такого исследования была поставлена перед западными историками Р.Дж. Кернером в 1930-х гг., но ее решению неизбежно должна была предшествовать разработка отдельных аспектов темы. В конце 1970-х гг. Б. Дмитришин вновь обратился к коллегам с требованием создания обобщающего труда, в котором должна быть представлена целостная картина исто-

рии освоения Сибири и сняты определенные противоречия, имеющиеся в современной историографии.

К началу XXI в. западные исследователи истории Сибири проделали значительный путь, ими был накоплен богатый источниковый и историографический материал. В последние два десятилетия появились работы обобщающего характера, охватывающие период от похода Ермака до настоящего времени (монографии Д. Дальманна, А. Вуда, Б. Бобрика, У.Б. Линкольна, Дж. Форсайта). Отдавая должное индивидуальным усилиям историков, подчеркнем все же, что столь масштабная тема требует привлечения к работе большого исследовательского коллектива. Как представляется, решению поставленной задачи должна способствовать деятельность специализированных центров и структур, существующих на Западе и ориентированных на изучение сибирской проблематики.

Разнообразие концепций, плюрализм мнений – естественные результаты научного поиска. Однако такая «мозаичная» картина исторического процесса не должна означать невозможности систематизации и обобщения накопленных исторических знаний. Путь к восстановлению «ускользающего» и «непознаваемого» объекта исторических исследований лежит через взаимодействие исследователей, становящихся друг для друга «субъектами познания». Объединение усилий представителей различных историографических школ и направлений придаст импульс новым теоретико-методологическим поискам и позволит надеяться, что в наступившем столетии сибиреведческие исследования выйдут на качественно новый уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Акты исторические. – СПб., 1841–1842.
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы. – М.: Памятники ист. мысли, 2001. – Т. IV, ч. 1: 1730–1733. Морские отряды.
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – Т. VI, ч. 2: 1734–1736. Морские отряды.
- Дополнения к актам историческим. – СПб., 1846–1872.
- Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – Т. 1.
- Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов. – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – Т. VIII, ч. 1.
- Памятники сибирской истории XVIII в.: в 2 кн. – СПб.: Типогр. МВД, 1882–1885.
- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сб. док. о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке XVII в. / под ред. М.И. Белова. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1952.
- Сибирские летописи. – СПб., 1907.
- Arctic Bibliography. Prepared for and in cooperation with the Department of Defense under the direction of the Arctic Institute of North America. Vol. I–XI. – Washington, D.C.: Department of Defense, 1953–1963; Vol. XII–XVII. Prepared by the Arctic Institute of North America with support of Government Agencies of the United States and Canada. – McGill-Queen's Univ. Press, 1965–1976.
- Armstrong T.* Yermak's Campaign in Siberia. A selection of documents translated from the Russian by T. Minorsky and D. Wileman. – London: Hakluyt Society, Second Series 146, 1974.
- Berkh V.* A Chronological History of the Discovery of the Aleutian Islands or the Exploits of the Russian Merchants / trans. D. Krenov; ed. R.A. Pierce. – Kingston; Ontario, 1974.

- Collins D.N.* Siberia and the Soviet Far East. – Oxford; Santa Barbara: Clio Press, 1991. – Vol. 127. (World Bibliographical Series)
- Colonial Russian America: K.T. Khlebnikov's Reports, 1817–1832. – Portland: Oregon Historical Society, 1976.
- Davydov G.* Two Voyages to Russian America, 1802–1807. – Kingston: Limestone Press, 1977.
- Der Grosse Brockhaus. – Leipzig, 1928–1937.
- Der Kleine Brockhaus. – Wiesbaden, 1962.
- Explorations of Kamchatka: North Scimitar. By Stepan P. Krasheninnikov / transl. and ed. by E.A.P. Crownhart-Vaughan. – Portland: Oregon Historical Society, 1972.
- Fries J.* Eine Reise durch Sibirien im achtzenden Jahrhundert. Die Fahrt des Schweizer Doktors Jakob Fries. Hg.: Walter Kirchner. – München, 1955.
- Gerhard Friedrich Müller: Ethnographische Schriften I. Halle: Verlag der Francköschchen Stiftungen zu Halle, Harrassowitz Verlag in Kommission, 2010. VIII. Band I: Beschreibung der sibirischen Völker [ca. 1736–1747].
- Golder F.A.* A Guide to Materials for American History in Russian Archives. – Baltimore: Carnegie Institution of Washington, 1917.
- Golder F.A.* Bering's Voyages: An Account of the Efforts of the Russians to Determine the Relations of Asia and America. – N. Y.: American Geographical Society, 1922–1925. – 2 Vols.
- Golovin P.* Civil and Savage Encounters: The Worldly Travel Letters of an Imperial Russian Navy Officer, 1860–61. – Portland: Oregon Historical Society Press, 1983.
- Kerner R.J.* Northeast Asia: A Selected Bibliography; Contributions to the Bibliography of the Relations of China, Russia and Japan, With Special Reference to Korea, Manchuria, Mongolia, and Eastern Siberia, in Oriental and European Languages. – Berkeley: Univ. of California Press, 1939. – 2 Vols.
- Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien, 1720–1727. Teil 1: Hrsg. von Eduard Winter und Nikolai Aleksandrovich Figurovskij; Teil 2–5: Hrsg. von Eduard Winter, Georg Uschmann und Günther Jarosch. Zum Druck vorbereitet von Günther Jarosch: 5 Bde. – Berlin: Akademie-Verlag (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas 8), 1962–1977.
- Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. I. Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente. 1740. – Verlag der Francköschchen Stiftungen zu Halle, 2000.

- Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. II. Georg Wilhelm Steller. Stepan Kraseninnikov. Johann Eberhard Fischer. Reisetagebücher. 1735 bis 1743. – Verlag der Franckischen Stiftungen zu Halle, 2000.
- Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. III. Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente. 1739. – Verlag der Franckischen Stiftungen zu Halle, 2001.
- Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. IV, 2. Dokumente zur 2. Kamtschatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe. – Halle: Verlag der Franckischen Stiftungen zu Halle, 2004.
- Shelikhov G.* A Voyage to America, 1783–1786 / trans. M. Ramsay, ed. R.A. Pierce. – Kingston, Ontario: Limestone Press, 1981.
- Siberian Discovery. 12 vols. / ed. by D. Collins. – Richmond: Curzon Press, 2000.
- Siberica: A Journal of North Pacific Studies. – Portland. Summer 1990. – Vol. 1, N 1.
- Sibirica: Report of the Second Meeting of the British Universities Siberian Studies Seminar Held at the Scott Polar Research Institute Univ. of Cambridge 15–16 April 1983. – Univ. of Lancaster, 1983.
- Sibirica II. British Universities Siberian Studies Seminar. – Lancaster Univ., 1986.
- Sibirica III: Report of the Conference on «The Development of Siberia: Peoples and Human Resources»: School of Slavonic & East European Studies, Univ. of London, 7–10 April 1986. – British Universities Siberian Studies Seminar, 1987.
- Sibirica IV: British Universities Siberian Studies Seminar: Report of the 5th Meeting Held at the Univ. of Glasgow 8–10 April 1988. – Univ. of Lancaster, 1989.
- Sibirica: The Journal of Siberian Studies. – Keele, Ryburn: Keele Univ. Press, 1993. – Vol. 1, N 1–2.
- Sibirica: The Journal of Siberian Studies. – Keele, Ryburn: Keele Univ. Press, 1995. – Vol. 1, N 1–2.
- Soft Gold: The Fur Trade and Cultural Exchange on the Northwest Coast of America. Introduction by T. Vaughan. – Portland: Oregon Historical Society, 1985.
- Steller G.W., Fischer J.E.* Reisetagebücher 1738 bis 1745. – VII Halle: Verlag der Franckischen Stiftungen zu Halle, 2009.
- Tebenkov M.* Atlas of the North-West Coasts of America. – Kingston: Limestone, 1981.
- The Encyclopedia Americana. – N. Y.; Chicago, 1962.
- The Encyclopedia Britannica. – Chicago, 1946.

- The Encyclopedia Britannica. 14th Edition. – London; N. Y., 1929, 1932.
The Encyclopedia Americana. – N. Y.; Chicago, 1943.
The Encyclopedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge. Vol. 20. – Chicago; London; Toronto, 1958.
The End of Russian America: Captain P. Golovin's Last Report, 1862. – Portland: Oregon Historical Society, 1979.
The Journals of Iakov Netsvetov: The Atka Years, 1821–1844. – Kingston: Limestone Press, 1980.
The New Encyclopedia Britannica. – Chicago, 1994.
The Wreck of the Sv. Nikolai: Two Narratives of the First Russian Expedition to the Oregon Country, 1808–1810 / ed. by K.N. Owens, transl. by A.S. Donnelly. – Portland: Western Imprints, 1985.
Tikhmenev P.A. A History of the Russian-American Company / trans. and ed. R.A. Pierce and A.S. Donnelly. – Seattle: Univ. of Washington Press, 1978.
To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion (1558–1867): 3 Vols. – Portland: Oregon Historical Society, 1985–1989; 1985. Vol. 1: Russia's Conquest of Siberia, 1558–1700; 1988. Vol. 2: Russian Penetration of the North Pacific Ocean, 1700–1797; 1989. Vol. 3: Russian American Colonies, 1798–1867.
War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927 / ed. by Terence Emmons and Bertrand M. Patenaude. – Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1992.
Witsen N. Berichte über die uralischen Völker (Hg.: Tibor Mikola). – Szeged, 1975.
Wrangell E. Russian America: Statistical and Ethnographic Information. – Kingston: Limestone Press, 1980.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. – М.: Аспект-Пресс, 2005.
Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. – М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003.
Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984.
Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. – 1968. – № 1. – С. 47–68.

- Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.
- Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: до конца XIX в. – М.: Наука, 1982.
- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: в 2 т. – Иркутск: ОГИЗ, 1932. – Т. 1.
- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. – 2-е изд. – Иркутск, 1941.
- Алексеева Е.В.* Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // Известия СО РАН. Серия: История, филология и философия. – 1993. – Вып. 1. – С. 59–63.
- Алексеева Е.В.* Русская Америка. Американская Россия? – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1998.
- Аленко Н.А.* Российско-японские экономические отношения на Дальнем Востоке России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Хабаровск, 2009.
- Ананьев Д.А.* Воеводское управление Сибири в XVIII в. – Новосибирск: Сова, 2005.
- Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.В., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н.* «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск: Сова, 2006.
- Андерсон Д.Дж.* Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
- Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1940.
- Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1965.
- Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984.
- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987.
- Батуева Т.Б.* Западноевропейские исследователи XVII–XIX вв. о народах Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1995.
- Белобородько В.Л.* Архив русской церкви на Аляске в Библиотеке Конгресса США // Вопросы истории. – 1969. – № 8.
- Белов М.И.* Семен Дежнев. – М.: Морской транспорт, 1955.
- Белов М.И.* Семен Дежнев и американская литература // Известия Всесоюз. геогр. о-ва. – 1957. – Т. 89. – Вып. 5. – С. 482–484.
- Белов М.И.* Мангазея. – Л.: Гидрометеиздат, 1969.
- Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725–1742 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

- Бессмертный Ю.Л.* Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопросы истории. – 2000. – № 9. – С. 152–158.
- Биск И.Я.* Методология истории: курс лекций. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2007.
- Блэк Л.С.* Покорение русскими Кадьяка // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.) : Материалы Междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 октября 1999 г.) / под ред. А.Р. Артемьева. – Владивосток, 2001. – С. 104–132.
- Болдырева Н.Д.* Документальная «Россика» в архивах Англии // История СССР. – 1960. – № 5.
- Болховитинов Н.Н.* Зарубежные исследования о С. Дежневе и В. Беринге // Известия АН СССР. Серия географии. – 1983. – № 4. – С. 96–104.
- Болховитинов Н.Н.* Зарубежные исследования о Русской Америке // США – экономика, политика, идеология. – 1985. – № 4. – С. 87–95.
- Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. – М.: Наука, 1990.
- Болховитинов Н.Н.* Рецензия на кн.: To Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Expansion. Vol. I–II / ed. by B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan and T. Vaughan. Oregon Historical Society. Portland, 1985–1989 // Вопросы истории. – 1991а. – № 1.
- Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. – М.: Междунар. отношения, 1991б.
- Болховитинов Н.Н.* Роль русских историков в становлении русистики в США // Вопросы истории. – 2001. – № 4.
- Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. – М.: РОССПЭН, 2005.
- Борзунов В.Ф.* Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне Первой русской революции. – М.: Наука, 1965.
- Боякова С.И.* Германские научные исследования в Российской Арктике во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2009/Voyakova-S.-I.-GERMANSKIE-NAUCHNYE-ISSLEDOVANIYA-V> (дата обращения: 25.12.2012).
- Буцинский П.Н.* К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. – Харьков, 1893а.

- Буцинский П.Н.* Мангазея и Мангазейский уезд, 1601–1645 гг. – Харьков, 1893б.
- Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Харьков: Типогр. губерн. правления, 1889.
- Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в.: формирование военно-бюрократического дворянства. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985.
- Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг.: в 2 т. – СПб.: Типогр. 2 отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1872.
- Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. – М.: Соцэкгиз, 1962.
- Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – Прага, 1927.
- Верт П.* «Арктические зеркала» в западной русистике // Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. – М.: Новое лит. обозрение, 2008.
- Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). – Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1998.
- Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. – Омск: Наука, 2007.
- Власова И.В.* Крестьянское землевладение Севера и Сибири в XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1984.
- Воробьев Д.В.* Рецензия на кн.: Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. – СПб., 2010 // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 2. – С. 173–176.
- Воробьева Т.В.* Американские историки о русских участниках движения на восток // Камчатка: прошлое и настоящее: материалы XXI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2004. – С. 64–73.
- Воробьева Т.В.* Теория «передовой подвижной границы» («frontier») и народы Камчатки и Аляски // Вестник Камчат. регион. ассоциации «Учебно-научный центр». Гуманит. науки. – 2005. – № 1.
- Воробьева Т.В.* Джеймс Гибсон – исследователь истории Русской Америки // Люди великого долга: Материалы Междунар. ист. XXVI Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2009. – С. 50–56.
- Воробьева Т.В.* Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012.

- Восленский М.С.* Организация «остфоршунга» и его место в системе боннской психологической войны // Критика западногерманского «остфоршунга». – М.: Наука, 1966.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
- Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в. – Барнаул: Аз Бука, 2006.
- Горлова Н.И.* Рецензия на кн.: Жуай Е.Ф. Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в. – Кельн, 1981 // Общественные науки за рубежом: Реф. журнал ИНИОН АН СССР. Сер. 5. – М., 1983. – № 2.
- Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967.
- Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976.
- Горюшкин Л.М.* Введение // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.: сб. стат. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.
- Горюшкин Л.М.* Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СО АН СССР. – 1991. – № 1. С. – 37–44.
- Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н.* Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири: сб. науч. тр. – Тюмень, 1983.
- Гринев А.В.* Рецензия на кн.: Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917 // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5. – С. 159–164.
- Громыко М.М.* Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX вв.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.: сб. стат. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.
- Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
- Гурьянова Н.С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1996.
- Гурьянова Н.С.* Рецензия на кн.: Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World. – Northern Illinois Univ. Press, 2011. – 267 p. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 4. – С. 90–92.

- Дальманн Д.* Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С. 21–32.
- Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П., Ремнев А.В., Суворова Н.Г., Шахеров В.П., Шиловский М.В.* Сибирь в составе Российской империи. – М., 2007.
- Данилова Л.В.* Русское централизованное государство в освещении буржуазных историков США // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма : сб. стат. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Демин Л.М.* Семен Дежнев. – М.: Молодая гвардия, 1990.
- Джераси Р.* Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «Мултанское дело» 1892–1896 гг.» // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология / сост. П. Верг, П.С. Кабытов, Л.И. Миллер. – М.: Новое изд-во, 2005.
- Дивин В.А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. – М.: Мысль, 1971.
- Дубовский Г.Я.* Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973 : сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1973. – Вып. 1.
- Ерофеева И.В.* Крестьянские переселения в XIX в. // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. и др. История Казахстана: народы и культуры : учеб. пособие. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
- Ефимов А.В.* К истории капитализма в США. – М.: Соцэкгиз, 1934.
- Ефимов А.В.* Из истории Великих русских географических открытий (XVII – первая половина XVIII в.). – М.: Географгиз, 1950.
- Еще раз о библиотеке Г.В. Юдина (отклики И.А. Половниковой и Д.Х. Биллингтона на статью Э. Штейна «Книги Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса») // Знамя. – 1992. – № 7.
- Жуков Е.М.* Основные проблемы развития исторической науки в свете решений XXI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: тр. конф. – Новосибирск, 1961.
- Журавель О.Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. – Новосибирск: Наука. Сиб отд-ние, 1996.
- Журавель О.Д., Покровский Н.П., Сиренов А.В.* Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии: в 3 т. – М.: Языки славян. культуры, 2007–2011.

- Залужная Д.В.* Транссибирская магистраль. – М.: Мысль, 1980.
- Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. – М.: Высш. шк., 1987.
- Зейде А.М.* Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. – 2008. – № 253.
- Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири, XVIII в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981.
- Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
- Зубов В.Е.* Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во Сиб. акад. гос. службы, 2009.
- Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России : учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007.
- Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
- Ионов И.Н.* Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // История и современность. – 2008. – № 2.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1969.
- Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. О.М.* Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 141–150.
- Казнина О.А.* Русские в Англии: Из переписки Е.В. Саблина // Россия в США: сб. стат. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2001.
- Канн С.К.* Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2011.
- Каптелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Катанаев Г.Е.* Еще об Ермаке и его сибирском походе: новые вариации на старую тему // Записки Зап.-Сиб. отд. Импер. Рус. геогр. о-ва. – Омск, 1893. – Кн. 14, вып. 2.
- Кириллов А.К.* Налоговая система Степного края в России: Сибирь или Средняя Азия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3, вып. 2. – С. 71–75.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987.

- Колесников А.Д.* Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.): сб. стат. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975.
- Корчагин Ю.В.* Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Доклады межвуз. науч.-теор. конф. – Петропавловск-Камчатский, 1995. – Ч. 2. – С. 3–25.
- Корчагин Ю.В.* Зарубежная историография о вхождении северных народов в состав России // Из истории народов Камчатки: сб. стат. – Петропавловск-Камчатский, 2000. – С. 3–11.
- Критика концепций современной буржуазной историографии: отечественная и зарубежная история: межвуз. сб. стат. – Л.: ЛГУ, 1987.
- Кузьмина В.Д., Хорошкевич А.Л.* Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» // История СССР. – 1958. – № 1.
- Кунина А.Е.* США: методологические проблемы историографии. – М.: Наука, 1988.
- Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Ткаченко В.Я.* Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны. – Екатеринбург, 1999.
- Латышев И.А.* Япония, японцы и японоведы. – М.: Алгоритм, 2001.
- Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. – М.: Наука, 1967.
- Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996.
- Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в. (проблема взаимоотношений). – Новосибирск: Сова, 2006.
- Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
- Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. – М.: Изд-во РГГУ, 2008.
- Медушевская О.М.* Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // СОЦИС. – 2011. – № 11 (нояб.). – С. 63–73.
- Милова О.Л.* Рецензия на кн.: Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. – Cambridge, 1992 // Вопросы истории. – 1993. – № 11/12. – С. 167–169.

- Миненко Н.А.* Община и русская крестьянская семья в Юго-Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. : сб. стат. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.
- Мининков Н.А.* «История историка» в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской. [Электронный ресурс]. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_mininkov/15-1-0-113
- М.М. Карпович и «Новый Журнал» // Отечественная история. – 1999. – № 5/6.
- Найт Н.* Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе. 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. – М.: Новое изд-во, 2005.
- Некрасов Г.А.* Основные тенденции новейшей английской науки в изучении истории СССР эпохи феодализма // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма: сб. стат. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 22–25.
- Нечкина М.В.* Монография и ее место в науке и в издательских планах // Коммунист. – 1965. – № 9. – С. 77–83.
- Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.): в 4 т. – М.: Унив. типогр., 1895–1900.
- Огородников В.И.* Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. – Владивосток: Типогр. Дальневост. гос. ун-та, 1924. Ч. 2, вып. 1: Завоевание русскими Сибири.
- Окунь С.Б.* К истории Бурятии в XVII в. // Красный архив. – 1936. – Т. LXXXVI, № 3.
- Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1939.
- Олейников Д.И.* Фронт в русской истории. [Электронный ресурс]. URL: www.saratov.iriss.ru/empires/docs/ (дата обращения: 25.12.2012).
- Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004.
- Панкратова М.Г.* Проблематика русской революции в американской русистике // Историческая наука и некоторые проблемы современности: статьи и обсуждения / под ред. М.Я. Гефтера. – М.: Наука, 1969.
- Пашуто В.Т.* Профессор Штёкль размышляет об уроках истории // Вопросы истории. – 1968. – № 8.
- Пелипась М.Я.* Проблема сохранения «особых» американо-британских отношений в условиях осложнения после окончания Второй мировой войны международной ситуации в Восточном Средизем-

- номорье // Американские исследования в Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. 7.
- Передерий С.В.* К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. : сб. стат. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 164–178.
- Передерий С.В.* Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1984.
- Петров Е.В.* Фонды русско-американских историков в архивах США // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы возвращения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (16–17 ноября 2000 г.). – М., 2000.
- Пивоваров Е.Г.* У истоков американской архивной «россики»: А.В. Бабин (1866–1930) и Ф.А. Голдер (1877–1929) // Россика в США: сб. стат. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. 7). – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2001.
- Пивоваров Е.Г.* Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки Конгресса США (к истории русско-американских культурных контактов: 1765 – середина 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2007.
- Побережников И.В.* Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. – М., 2002. – Вып. 8. – С. 11–14.
- Покровский Н.Н.* Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.
- Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. – М.: Памятники ист. мысли, 2002.
- Покшишевский В.В.* Рецензия на кн.: Кенер Р.Дж. «Стремление к морю» // Известия Всесоюз. геогр. о-ва. – 1947. – Т. 79, вып. 2. – С. 232–236.
- Полански П.* Библиотекведение на побережье Тихого океана: собиратели русских материалов о Дальнем Востоке // Власть книги: библиотека, издательство, вуз: Науч.-информ. альманах. – 2002. – № 3.
- Полевой Б.П.* Рецензия на кн.: Stephan J. The Russian Far East. A History. – Stanford, 1994 // Краевед. бюл. Общества изучения Сахалина и Курильских островов. – Южно-Сахалинск, 1996. – № 2. – С. 157–162.
- Полевой Б.П.* «Основание Русской Америки – идея Петра Великого» // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.):

- материалы Междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 октября 1999 г.) / под ред. А.Р. Артемьева. – Владивосток, 2001. – С. 13–35.
- Половникова И.А.* Молодые годы Юдина. – М.: Эксклюзив, 1996.
- Половникова И.А.* Сибирский библиофил и заводчик Юдин. – Красноярск: Изд. В.В. Черкашина, 2003.
- Поткина И.В.* Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. – М.: ИРИ РАН, 1994.
- Преображенский А.А.* Из истории библиотеки Г.В. Юдина в Красноярске // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: сб. стат. – Новосибирск: СО АН СССР, 1961.
- Преображенский А.А.* Сибирь в кривом зеркале господина Э. Хельцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма : сб. стат. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 293–301.
- Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 153–165.
- Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982.
- Раев М.М.* М.М. Карпович и его «Комментарии» в «Новом Журнале» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение : реф. журн. – М., 2001. – № 4.
- Разгон И.М.* Сибирское областничество в 1917 году. Программа и краткое содержание докладов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1964.
- Разгон И.М., Бабикова Е.Н.* Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. – С. 55–82.
- Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). – Екатеринбург: Волот, 2007.
- Резун Д.Я.* Современные энциклопедии Франции как источники зарубежных представлений об истории Сибири XVI–XVII вв. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России / под ред. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской, Т.В. Панич. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – С. 168–174. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 11)
- Резун Д.Я.* Колонизация Сибири и ее специфика // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Общее и осо-

- бенное: сб. науч. тр. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. – Вып. 3. – С. 13–32.
- Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: Сова, 2005.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1995.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1997.
- Ремнев А.В.* Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колониционных вопросов XIX – начала XX вв. // Сибирская заимка. – 2002. – № 3. [Электронный ресурс]. URL: www.zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation
- Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–51.
- Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1994.
- Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое изд-во, 2005.
- Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7.
- Ротштейн А.Ф.* Преподавание и изучение истории СССР в британских университетах // Вопросы истории. – 1957. – № 5.
- Румянцев В.П., Хахалкина Е.В.* Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова и др. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009.
- Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.) : материалы Междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 октября 1999 г.) / под ред. А.Р. Артемьева. – Владивосток, 2001.
- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке XVII в. / под ред. М.И. Белова. – Л., 1952.

- Салов В.И.* Антинаучный характер западногерманского «остфоршунга» // Критика западногерманского «остфоршунга». – М.: Наука, 1966.
- Салов В.И.* Современная западно-германская буржуазная историография. – М.: Наука, 1968.
- Самсонова В.А.* Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США // Вестн. Дальневост. гос. науч. библиотеки. – 2002. – № 2.
- Сахаров А.М.* Методология истории. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981.
- Селунская Н.В.* Россия на рубеже XIX–XX вв.: взгляд зарубежных историков. – М.: Наука, 1996.
- Сесюнина М.Г.* К вопросу о возникновении сибирского областничества // Труды Том. гос. ун-та. – Томск, 1965. – Т. 158. – С. 20–36.
- Сигалов М.Р., Ламин В.А.* Железнодорожное строительство в практике освоения хозяйственного освоения Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
- Сили Ш.* Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 150–154.
- Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1962.
- Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1839.
- Согрин В.В.* Критические направления немарксистской историографии США XX в. – М.: Наука, 1987.
- Соколов А.С.* Американская тема в научно-литературном наследии М.М. Ковалевского // Американский ежегодник, 1989. – М.: Наука, 1990. – С. 155–173.
- Соколова Л.В., Ланцев Г.В., Пирс Р.А.* Исследование и освоение земель на русской открытой границе до 1750 г. – Монреаль; Лондон, 1973 // Общественные науки за рубежом: реф. журн. ИНИОН АН СССР. Сер. 5. – 1976. – № 1.
- Соловьева Е.И.* Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.): сб. стат. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983.
- Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения.* – СПб., 1900.
- Супоницкая И.М.* Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // Одиссей: человек в истории. – 2005. – № 1. – С. 219–240.
- Сухотина Л.Г.* К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне Первой русской революции // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961.

- Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. – М., 1890.
- Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму: литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
- Тишков В.А.* История и историки в США. – М.: Наука, 1985.
- Трельч Э.* Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994.
- Троякова Т.Г.* Американские исследования Дальнего Востока России // Вестник Дальневост. отд-ния РАН. – 2006 – № 2. – С. 125–134.
- Усков Г.С.* Социально-политическое развитие Сибири периода XVIII – начала XX в. в сибирской историографии 1985–2004 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2005.
- Федоров В.А.* История заселения Сибири в интерпретации реакционного американского историка // История СССР. – 1959. – № 4. – С. 200–203.
- Федосеев П.Н.* Философия и интеграция наук // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук : сб. стат. – М.: Наука, 1981.
- Храмков А.А.* Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года (по материалам Томской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1956.
- Хромых А.С.* Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века). – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2012.
- Чемерисская М.И.* Рецензия на кн.: Гибсон Дж. Р. Взаимоотношения между русскими и коренными жителями в Русской Америке. – Вашингтон, 1980 // Общественные науки за рубежом: реф. журн. ИНИОН АН СССР. Серия 5. – М., 1981. – № 2.
- Чернавская В.Н.* Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI–XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Р. Артемьев. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1992–1994. – Т. 1.
- Чернавская В.Н.* Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII–XVIII вв.) // Вестник Дальневост. отд-ния РАН. – 1994. – Вып. 5/6 (56/57).
- Чернавская В.Н.* Англоязычная историография и вопросы открытия и освоения русского Дальнего Востока (XVII – первая половина

- XIX в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования): сб. науч. тр. / отв. ред. А.Р. Артемьев. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1995а. – Т. 2.
- Чернавская В.Н.* Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краевед. бюл. «Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий». – Южно-Сахалинск, 1995б. – № 4. – С. 3–21.
- Чернавская В.Н.* «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века: историко-историографические очерки. – Владивосток: Дальнаука, 2003.
- Шашина Е.Б.* Рецензия на кн.: Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. – N. Y., 1991 // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 207–208.
- Шиловский М.В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1989.
- Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Областники. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995.
- Шиловский М.В.* Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века : сб. науч. стат. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004.
- Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. – Новосибирск: Сова, 2008.
- Шопотов К.А.* К берегам Тихого океана. – М.: Знание, 1989.
- Штейн Э.* Об утрате книг Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса // Знамя. – 1991. – № 3.
- Шунков В.И.* Разработка вопросов истории Сибири за рубежом // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока : сб. стат. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1961.
- Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
- Эткинд А.* Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое лит. обозрение. – 2001. – № 3. – С. 50–73.
- Яцунский В.К.* Развитие исторической науки в США // Исторический журнал. – 1944. – № 12.

- Яцунский В.К.* Изучение истории в Калифорнийском университете в США // Вопросы истории. – 1945. – № 5/6.
- Abel H.* «Commerzielle Pionierfahrten» zur westsibirischen Eismeerküste (1876 bis 1884) // Schriften der Wittheit zu Bremen 22. – Bremen, 1978.
- Abel H., Jessen H.* Kein Weg durch das Packeis // Anfänge der deutschen Polarforschung (1868–1889). – Bremen: C. Schünemann, 1954.
- Adams W.H.D.* Recent Polar Voyages: a Record of Discovery and Adventure, from the search after Franklin to the British polar expedition, 1875–1876. – London; Edinburgh; N. Y.: Thomas Nelson & Sons, 1880.
- Anderson B.* Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1980.
- Anderson D.G.* Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Anderson M.S.* Samuel Bentham in Russia, 1779–1791 // American Slavic Review. – 1956. – Vol. 15, N 2. – P. 157–172.
- Andreev A.* Russian Discoveries in the Pacific and in North America in the XVIIIth and XIXth centuries. – Ann Arbor: J.W. Edwards, 1952.
- Andrews C.L.* The Story of Sitka: The Historic Outpost of the Northwest Coast. – Seattle: Press of Lowman and Hanford, 1922.
- Andrews C.L.* The Story of Alaska. – Seattle: Lowman & Hanford Co., 1931.
- Anooshi Lingit Aani Ka.* Russians in Tlingit America: The Battles of Sitka, 1802 and 1804 (Classics of Tlingit Oral Literature) / ed. by N.M. Dauenhauer, R.L. Dauenhauer, L.T. Black. – Seattle: Univ. of Washington Press, 2008.
- Antonson J.M., Hanable W.S.* Alaska's Heritage. (Alaska Historical Commission Studies in History. N 133). – State of Alaska, 1985.
- Armstrong T.* The Northern Sea Route. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1952.
- Armstrong T.* The Russians in the Arctic: aspects of Soviet exploration and exploitation of the Far North, 1937–1957. – L.: Methuen, 1960.
- Armstrong T.* Russian Settlement in the North. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1965.
- Armstrong T.* In Search of a Sea Route, 1553–1619 // Arctic. – 1984 (Dec.). – Vol. 37, N 4.
- Armstrong T.* Siberian and Arctic Exploration // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact / ed. by O.W. Frost. – Anchorage, Alaska: Alaska Historical Society, 1992.
- Armstrong T., Rogers G., Rowley G.* The Circumpolar North. A Political and Economic Geography of the Arctic and Sub-Arctic. – L.: Methuen, 1978.
- Atkinson T.W.* Travels in the regions of the upper and lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China. – L.: Hurst and Blackett, 1860.

- Aust M.* Russia Siberica. Russian-Siberian History Compared to Medieval Conquest and Modern Colonialism // Review. – 2004. – Vol. XXVII, N 3. – S. 181–205.
- Baddeley J.F.* Russia, Mongolia, China: being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich A.D. 1602–1676. Rendered mainly in the form of Narratives dictated or written by the Envoys sent by the Russian Tsars, or their voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China. With introductions, historical & geographical also a series of maps showing the progress of geographical knowledge in regard to Northern Asia during the XVIth, XVIIth and early XVIIIth centuries the texts taken more especially from manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives, 2 vol. by J.F. Baddeley. – L.: Macmillan, 1919.
- Baikalov A.* The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. – 1932. – Vol. 10, N 30.
- Baikalov A.* Siberia since 1894 // The Slavonic and East European Review. – 1933. – Vol. 11, N 32. – P. 328–340.
- Balzer M.M.* The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1999.
- Bancroft H.* History of Alaska. – San Francisco: A.L. Bancroft & Co., 1886.
- Bancroft H.H.* History of Alaska. 1730–1885. – Darien: Hafner Publishing Company, 1970.
- Barratt G.* Rebel on the bridge. A life of the Decembrist Baron Andrey Rozen (1800–1884). – London: P. Elek, 1975.
- Barratt G.* Russia in the Pacific, 1715–1825. – Vancouver; London: Univ. of British Columbia Press, 1981.
- Barratt G.* Russian Shadows on the British Northwest Coast of North America, 1810–1890: A Study of Rejection of Defense Responsibilities. – Vancouver, B.C., 1983.
- Barrow J.* Voyages of Discovery and Research within the Arctic Regions: from the year 1818 to the Present Time: under the command of the several naval officers employed by sea and land in search of a Northwest passage from the Atlantic to the Pacific; with two attempts to reach the North pole. Abridged and arranged from the official naratives, with occasional remarks. – L.: J. Murray, 1846.
- Bartlett R.A.* The Log of Bab Bartlett: the true Story of Forty Years of Seafaring and Exploration. – N. Y.; L.: G.P. Putnam's Sons, 1928.
- Bartlett R.A., Hale R.T.* The Last Voyage of the Karluk. – Boston, 1916.

- Bartlett R.P.* Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762–1804. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Bassin M.* The Russian Geographical Society, the «Amur Epoch» and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1983. – Vol. 73, N 2.
- Bassin M.* Expansion and colonialism in the East: Views of Siberia and Far East in Pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography*. – 1988. – Vol. 14, N 1.
- Bassin M.* Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // *American Historical Review*. – 1991a. – Vol. 96.
- Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. – 1991b. – Vol. 50, N 1. – P. 1–17.
- Bassin M.* Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: the nationalist signification of open spaces // *Journal of Modern History*. – 1993. – Vol. 65, N 3. – P. 473–511.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. – N. Y.; Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Bawden Ch.R.* Shamans, Lamas and Evangelicals: Missionaries in Siberia. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1985.
- Becker S.* Russia's Central Asian Empire, 1885–1917 // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. by M. Rywkin. – L.; N. Y.: Mansell Publishing Ltd., 1988.
- Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact / ed. O.W. Frost. – Anchorage, Alaska: Alaska Historical Society, 1992.
- Black J.-L.* G.F. Müller and the Imperial Russian Academy. – Kingston; Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 1986.
- Black J.-L.* J.-G. Gmelin and G.-F. Müller in Siberia 1733–43: A comparison of their reports // *The Development of Siberia. People and Resources* / ed. by A. Wood, R.A. French. – N. Y.: St. Martin's, 1989.
- Black J.-L.* Opening up Siberia: Russian «Window to the East» // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution* / ed. A. Wood. – London; N. Y.: Routledge, 1991.
- Black L.S.* Russians in Alaska, 1732–1867. – Fairbanks: Univ. of Alaska Press, 2004.
- Blackwell W.L.* The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early Nineteenth Century Moscow // *Slavic Review*. – 1965. – Vol. 24. – P. 407–424.
- Blanchard I.* Russia's «Age of Silver»: precious metal production and economic growth in the eighteenth century. – L.; N. Y., 1989.

- Bobrick B.* East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia. – N. Y.: Poseidon Press, 1992. – 542 p.
- Bogoras W.G.* (V.G. Bogoraz). The Chukchee. Memoirs of the American Museum of Natural History. – N. Y., 1904. – Vol. 11.
- Borneman W.R.* Alaska. Saga of a Bold Land. – N. Y.: HarperCollins, 2003.
- Bowden W., Karpovich M., Usher A.P.* An Economic History of Europe. Since 1750. – N. Y.: American Book Company, 1937.
- Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. – L.: Routledge Curzon, 2003.
- Bruhl V.* Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. – Nürnberg, München, Grosburgwedel: HVDR, 2003. – Bd. 1.
- Burleigh M.* Germany Turns Eastward: A Study of Ostforschung in the Third Reich. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Byrnes R.F.* Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States // *Slavic Review*. – 1978. – Vol. 38.
- Byrnes R.F.* A History of Russian and East European Studies in the United States. Selected Essays. – N. Y.: Lanham, 1994.
- Byrnes R.F.* Geroid T. Robinson: Founder of Columbia University's Russian Institute // A History of Russian and East European Studies in the United States. – N. Y.: Lanham, 1994.
- Byrnes R.F.* Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Gary Coolidge, 1866–1928. – Notre Dame: Univ.'s of Notre Dame Press, 1982.
- Callahan J.M.* American Relations in the Pacific and Far East, 1784–1900. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1901.
- Carr E.H.* Bakunin's escape from Siberia // *Slavonic and East European Review*. – 1937 (Jan.). – Vol. 15. – P. 377–388.
- Channon J.* Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / ed. R. Bartlett. – Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, Univ. of London, 1990. – P. 66–85.
- Chatterjee S.* The Steppe in History: Essays on the Eurasian Fringe. – New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2010.
- Chevigny H.* Lost Empire: The Life and Adventures of N.P. Rezanov. – N. Y.: The MacMillan Co., 1937.
- Chevigny H.* Lord of Alaska. Baranov and the Russian Adventure. – N. Y.: Viking Press, 1942.

- Chevigny H.* Russian America – The Great Alaskan Venture, 1741–1867. – N. Y.: Viking Press, 1965.
- Coquin F.-X.* La Sibirie: peuplement et immigration paysanne au XIXeme siecle. – Paris: Institut d'études slaves, 1969.
- Collins D.N.* Russia's conquest of Siberia: evolving Russian and Soviet historical interpretations // *European Studies Review*. – 1982. – Vol. 12, N 1. – P. 17–44.
- Collins D.* Colonialism and Siberian Development: a Case Study of the Orthodox Mission to the Altay, 1830–1913 // *The Development of Siberia: People and Resources* / ed. by A. Wood, R. French. – L.: Macmillan, 1984.
- Collins D.N.* Contemporary Siberian historians: B.P. Polevoi, P.N. Pavlov and A.P. Umanskii // *Sibirica*. – 1989. – N 4. – P. 44–49.
- Collins D.* The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // *Church, nation and state in Russia and Ukraine* / ed. G. Hosking. – L., 1990. – P. 96–207.
- Collins D.* Conquering and Settling Siberia in XVII–XVIII cent. // *The History of Siberia* / ed. by A. Wood. – L., 1991a. – P. 38–40.
- Collins D.N.* Subjugation and settlement in seventeenth and eighteenth century Siberia // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. – L., 1991b. – P. 37–56.
- Collins D.N.* Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1991–1993 // *Sibirica*. – 2002a. – Vol. 2, N 1. – P. 120–124.
- Collins D.N.* Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1993–1995 // *Sibirica*. – 2002b. – Vol. 2, N 2. – P. 222–226.
- Collins D.N.* Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1996–1999 // *Sibirica*. – 2003. – Vol. 3, N 1. – P. 117–128.
- Collins P.* McDonough. Siberian Journey: Down the Amur to the Pacific, 1856–1857 / ed. by Ch. Vevier. – Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2011.
- Conolly V.* Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. – London: Oxford Univ. Press, 1967a.
- Conolly V.* The Yakuts // *Problems of Communism*. – 1967b. – Vol. 16, N 5.
- Conolly V.* Evenken // *Bild der Völker*. – Wiesbaden, 1974. – Bd. 9.
- Conolly V.* Siberia today and tomorrow; a study of economic resources. problems and achievements. – N. Y.: Taplinger, 1975a.

- Conolly V.* Siberia today and tomorrow: a study of economic resources, problems and achievements. – L.; Glasgow: Collins, 1975b.
- Conolly V.* Beyond the Urals // The Politics of Rural Russia, 1905–1914. – Bloomington (Ind.); L., 1979.
- Coxe W.* Account of the Russian Discoveries between Asia and America. To which are added the conquest of Siberia, and the history of the transactions and commerce between Russia and China. – L.: J. Nichols, 1780.
- Coxe W.* A Comparative View of the Russian Discoveries with those made by Captain Cook and Clerke. – L.: J. Nichols, 1787.
- Crummey R.O.* The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg community and the Russian State, 1694–1885. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1970.
- Crummey R.O.* Old Believers in a Changing World. – Northern Illinois Univ. Press, 2011.
- Crownhart-Vaughan E.A.P.* Eighteenth-Century Russian Scientific Expeditions to the North Pacific Ocean // Imperial Power and Development: Papers on Pre-revolutionary Russian History. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies. – Columbus, Ohio: Slavica publ., 1990. – P. 38–55.
- Cubitt H.* Russia under the last Tsar. – L.: Longman, 1980.
- Curtiss J.Sh.* Russian History in the U.S.: Vistas and Perspectives // Canadian-Slavonic Papers. – 1970. – Vol. XVII, N 1.
- Curzon G.N.* Problems of the Far East. Japan – Korea – China. – N. Y.; L.: Longmans, Green and Co., 1894.
- Dahlmann D.* Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. – Paderborn: Schöningh, 2009.
- Dallin D.J.* The Rise of Russia in Asia. – New Haven: Yale Univ. Press, 1949.
- Dienes L.* Observations on the Russian Heartland // Eurasian Geography and Economics. – 2005. – Vol. 46, N 2. – P. 156–163.
- Demko G.J.* The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1969.
- Dibb P.* Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. – N. Y.; L.: Pall Mall Press, 1972.
- Dmytryshyn B.* A History of Russia. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977.
- Dmytryshyn B.* Privately Financed Russian Expeditions to the North Pacific in the Eighteenth Century // Imperial Power and Development: Papers on Pre-revolutionary Russian History. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies. – Columbus, Ohio: Slavica publ., 1990a. – P. 17–37.

- Dmytryshyn B.* Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // *Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center.* – Portland, 1990b. – Vol. 1, N 1. – P. 31–34.
- Dmytryshyn B.* Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700 // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution* / ed. . Wood. – L., N. Y.: Routledge, 1991.
- Donnelly A.S.* The Russian Conquest of Bashkiria, 1552–1740: A Case Study in Imperialism. – New Haven: Yale Univ. Press, 1968.
- Donnelly A.* The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. by M. Rywkin. – L.; N. Y., 1988. – P. 189–207.
- Donnert E.* Russische Forschungsreisen und Expeditionen im 18 Jahrhundert // *Gesellschaft und Kultur Russlands in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. Teil 2; Literatur, Wissenschaft und Bildung, Halle: Donnert E. (Hg.).* 1983.
- Donnert E.* Russlands Ausgreifen nach Amerika. Ein Beitrag zur eurasisch-amerikanischen Entdeckungsgeschichte im 18 und beginnenden 19. Jahrhundert. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.
- Drew R.F.* Siberia: an experiment in colonialism. A study of economic growth under Peter I : PhD thesis. – Stanford Univ., Stanford (California), 1958.
- Drew R.F.* The emergence of an agricultural policy for Siberia in the seventeenth and eighteenth centuries // *Agricultural History.* – Urbana, Illinois, 1959. – Vol. 33, N 1. – P. 29–39.
- Drew R.F.* The Siberian Fair. 1600–1750 // *Slavonic and East European Review.* – 1961. – Vol. 39, N 93. – P. 423–439.
- Dubie A.* An Adventure of a Historian in Quest of Russian History. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1989.
- DuFour C.J.* The Russian Withdrawal from California // *Quarterly of the California Historical Society.* – 1933. – Vol. 7, N 3. – P. 240–276.
- Dunn S., Dunn E.* The Peoples of Siberia and the Far East // *Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples.* – Stanford: Hoover Institution Press, 1972.
- Ellison H.J.* Peasant colonization of Siberia: a study of the growth of Russian rural society, with special emphasis on the years 1890 to 1918 : PhD thesis. – London Univ., 1955.
- Engstrom A., Engstrom E.* Alexander Baranov and Pacific Empire. – Juneau: Elton Engstrom and Allan Engstrom Publishers, 2004.
- Essig E.* The Russian Settlement at Ross // *The Russians in California.* – San Francisco, 1933. – P. 3–22.
- Faust W.* Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts. – Köln; Wien: Bohlau, 1980.

- Fischer J.E.* Sibirische Geschichte von der Entdeckung bis auf die Eroberung des Landes durch die russischen Waffen. – St. Petersburg, 1768.
- Fisher R.H.* The Russian Fur Trade: 1550–1700. Berkeley, Los Angeles: Univ. of California Press, 1943.
- Fisher R.H.* Mangazeia: a boom town of the seventeenth century Siberia // Russian Review. – 1944–1945. – Vol. 4, N 1. – P. 89–99.
- Fisher R.H.* Semen Dezhnev and Professor Golder // Pacific Historical Review. – 1956. – Vol. XXV. – P. 281–292.
- Fisher R.H.* Bering's Voyages: Whither and Why? – Seattle: Univ. of Washington Press, 1977.
- Fisher R.H.* The Voyage of Semen Dezhnev in 1648: Bering's Precursor, with Selected Documents. – L.: Hakluyt Society, 1981.
- Fisher R.H.* Imperial Russia Moves Overseas: An Overview // Russia in North America : Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America (Sitka, Alaska. August 19–22, 1987) / ed. by R.A. Pierce. – The Limestone Press. Kingston, Ontario: Fairbanks, Alaska, 1990.
- Fisher R.H.* The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. – L., 1991 // Russian History – Histoire Russe. – 1991. – Vol. 18, Pt. 3. – P. 361–371.
- Fisher R.H.* To give Chirikov his Due // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact / ed. by O.W. Frost. – Anchorage, Alaska: Alaska Historical Society, 1992.
- Forsyth J.* The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Foust C.F.* Russian expansion to the east through the eighteenth century // Journal of Economic History. – 1961. – Vol. 21. – P. 469–482.
- Foust C.F.* Russia's Peking caravan. 1689–1762 // South Atlantic Quarterly. – 1968 (Winter). – Vol. 67, N 1. – P. 108–124.
- Foust C.F.* Muscovite and mandarin: Russia's trade with China and its setting, 1725–1805. – Chapel Hill, North Carolina: Univ. of North Carolina Press, 1969.
- Frank S.* Sibirien: Peripherie und anderes der russischen Kultur // «Mein Russland»: Literarische Konzeptualisierungen und kulturelle Projektionen. Beiträge der gleichnamigen Tagung vom 4–6 März, 1996 in München. – Wien, 1997. – S. 357–381.
- Frank S.* Reisen nach Sibirien: Zwischen Heteropie und Topographie // KEA. – 1999. – H. 12. – S. 113–136.
- Frank S.K.* Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. – Habilitationsschrift, Universität von Konstanz, 2003.

- Frank S.K.* Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. – Fink Wilhelm GmbH + CompanyKG, 2007.
- Gapanovich J.J.* Russian Expansion on the Amur // *China Journal*. – 1931 (Oct.). – Vol. XV, N 4. – P. 173–182.
- Gapanovich J.J.* Sino-Russian Relations in Manchuria, 1892–1906 // *Chinese Social and Political Science Review*. – 1933 (July). – Vol. XVII.
- Garret P.D.* St. Innocent: Apostle to America. – Crestwood; N. Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1979.
- Gehrmann U.* Казачество восточных регионов России в освещении немецких источников XVIII века // *Australian Slavic and East European Studies*. – 1993. – Vol. 7, N 1.
- Gentes A.* Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia // *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East* / ed. by Eva-Maria Stolberg. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005a. – P. 73–85.
- Gentes A.* Penal Labor and Tsarist Siberia // *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East* / ed. by Eva-Maria Stolberg. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005b.
- Gentes A.* Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Gentes A.* Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
- George G.* Siberia – the New Frontier. – N. Y.: David McKay, 1969.
- Georgi J.G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. – St. Petersburg, 1775.
- Georgi J.G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merckwürdigkeiten. – St. Petersburg, 1779.
- Geraci R.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. – Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 2001.
- Gerhard D.* Regionalismus und ständisches Wesen als ein Grundthema europäischer Geschichte // *Historische Zeitschrift*. – 1952. – Vol. 174. – S. 307–337.
- Geyer D.* Die Geschichte Russlands in der historischen Forschung der BRD und Westberlins // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. – Stuttgart, 1976. – Jg. 27. H. 5.
- Gibson J.R.* Russia on the Pacific: the Role of the Amour // *Canadian Geographer*. – 1968. – Vol. XVII, N 1.
- Gibson J.R.* Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. – Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1969.

- Gibson J.R.* Russian occupance of the Far East, 1639–1750 // Canadian Slavonic Papers. – 1970. – Vol. 12, N 1. – P. 60–77.
- Gibson J.R.* The Significance of Siberia to Tsarist Russia // Canadian Slavonic Papers. – 1972. – Vol. 14, N 3. – P. 442–449.
- Gibson J.R.* Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1976.
- Gibson J.R.* Russian dependence upon the natives of Russian America : Conf. on Russ. America (Sitka, Alaska, August 21–28, 1979) // Occasional Paper, Kennan Inst. for advanced Rus. Studies. The Wilson center, 1979. – N 70.
- Gibson J.R.* Russian Expansion in Siberia and America // Geographical Review. – 1980 (April). – Vol. 70, N 2. – P. 127–136.
- Gibson J.R.* The Sale of Russian America to the United States // Acta Slavica Japonica. 1983. – Vol. 1. – P. 15–37.
- Gibson J.R.* Furs and Food: Russian America and the Hudson's Bay Company / ed. by Barbara Sweetland and Redmond J. Barnett // Russian America: The Forgotten Frontier. – Tacoma: Washington State Historical Society, 1990a.
- Gibson J.R.* The Rush to Meet the Sun: An Essay on Russian Eastward Expansion // Siberica. – 1990b (Summer). – Vol. 1, N 1.
- Gibson J.R.* Tsarist Russia in Colonial America // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. – L., 1991.
- Gibson J.R.* Supplying the Kamchatka Expeditions, 1725–30 and 1733–42 // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact / ed. by O.W. Frost. – Anchorage, Alaska: Alaska Historical Society, 1992.
- Gibson J.R.* Paradoxical Perceptions of Siberia: Patrician and Plebeian Images up to the Mid-1800s // Diment G., Slezkine Y. Between Heaven and Hell. Myth of Siberia in Russian Culture. – N. Y.: St. Martin's Press, 1993. – P. 81–84.
- Gilder W.H.* Ice-pack and Tundra. An Account of a Search for the Jeannette and a Sledge Journey through Siberia. – N. Y.: C. Scribner, 1883.
- Gmelin J.* Reise durch Sibirien von den Jahren 1733–1743. – Göttingen, 1751.
- Göhrke C.* Die Wüstungen in der Moskauer Rus': Studien zur Siedlungs-, Bevölkerungs- und Sozialgeschichte. – Wiesbaden, 1968.
- Göhrke C.* Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – Berlin, 1978. – Bd. 25. – S. 75–107.

- Göhrke C.* Das andere Russland: zum Stellenwert Sibiriens in Russischer Geschichte // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. – Berlin, 1995. – N 2.
- Golder F.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. – Cleveland: The Arthur H. Clark Co., 1914.
- Golder F.A.* Russian-American Relations during the Crimean War // American Historical Review. – 1925. – Vol. XXXI. – P. 462–476.
- Golovnev A.V., Ochoreinko G.* Siberian Survival: The Nenets and Their Story. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1999.
- Grabosch U.* Studien zur deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. – Halle (Saale), 1985.
- Grant B.* In the House of Soviet Culture: A Century of Perestroikas. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1995.
- Grant B.* Rec ad op.: Willerslev R. Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood Among the Siberian Yukaghirs. Univ. of California Press, 2007 // Journal of the American Academy of Religion. – 2008. – Vol. 76, Is. 4. – P. 1004–1007.
- Gray E.C.* The Making of John Ledyard: Empire and Ambition in the Life of an Early American Traveller. – New Haven: Yale Univ. Press, 2007.
- Grayson B.* Lost Opportunity: the Alaska-Siberia Tunnel // Asian Affairs. – 1977. – Vol. 64. Pt. 1.
- Gröpper C.* Die Geschichte der Kossaken. Der Wilde Osten (1500–1700). – Мюнхен, 1976.
- Haklyut R.* The Principal Navigations, Voiages and Discoveries of the English Nation: 2 vols. – L., 1598.
- Haklyut R.* The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation: 3 vols. – L., 1598–1600.
- Hanson G.A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD thesis. – Univ. of Wisconsin, 1971.
- Harrison J.* Japan's Northern Frontier: A Preliminary Study in Colonization and Expansion with Special Reference to the Relations of Japan and Russia. – Gainesville: Univ. of Florida Press, 1953.
- Harrison J.* The Founding of the Russian Empire in Asia and America. – Coral Gables, Florida: Univ. of Miami Press, 1971.
- Haskett J.M.* The Decembrists in Siberian exile : PhD thesis. – Ohio Univ., 1962.
- Haskett J.M.* The Decembrist N.A. Bestuzhev in Siberian exile. 1826–1855 // Studies in Romanticism. – 1965. – Vol. 4, N 4. – P. 185–205.

- Hauner M.* What is Asia to us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. – Boston: Unwin Hyman, 1990.
- Haycox S.* Russian America: Studies in the English language // Pacific Historical Review. – Berkeley, 1990. – Vol. 59, N 2.
- Haycox S.* Alaska: an American Colony. – Seattle, Univ. of Washington Press, 2002.
- Hedenström A., von.* Geschichte Russlands von 1878 bis 1918. – Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-anstalt, 1924.
- Heinz G.H.* Die Beziehungen zwischen Russland, England und Nord-Amerika im Jahre 1823. – Berlin: E. Ebering, 1911.
- Henderson D.* From the Volga to the Yukon. The story of the Russian march to Alaska and California. – N. Y.: Hastings House, 1944.
- Hildermeier M.* Alter Glaube und Neue Welt: Zur Sozialgeschichte des russischen Raskol im 18 und 19. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1990. – N 38. – S. 372–398.
- Hildermeier M.* Alter Glaube und Mobilität: Bemerkungen zur Verbreitung und sozialen Struktur des Raskol im frühindustriellen Russland (1760–1860) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1991. – N 39. – S. 321–338.
- Hildt J.C.* Early Diplomatic Negotiations of the U.S. with Russia. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1906.
- Hindus M.* The Cossacks. The Story of a Warrior People. – N. Y.: Doubleday, Doran, 1945.
- Hintzsche W.* German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska // Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium (Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000). – Anchorage, 2000.
- Hötzsch O.* Russland in Asien: Geschichte einer Expansion. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966.
- Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005.
- Hölzle E.* Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der Russischen Freiheitsidee // Säculum. – 1954. – Jg. 5. – Ht. 4.
- Hookham H.* The builders of the Trans-Siberian Railway // History Today. – 1966. – Vol. 16, N 8. – P. 528–537.
- Hooper C.L.* Report of the Cruise U.S. Revenue Steamer Thomas Corwin in the Arctic Ocean in 1881. – Washington: GPO, 1885.
- Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. – 3 vols. – L.: Longmans, Green, 1876–1888.
- Hutchings S.* Russian Studies in UK universities. – URL: <http://www.llas.ac.uk/resources/gpg/386> (дата обращения: 25.12.2012).

- Huttenbach H.* The Origins of Russian Imperialism // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution / ed. by T. Hunszak. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers Univ. Press, 1974. – P. 18–67.
- Huttenbach H.* Muscovy's Penetration of Siberia. The Colonization Process, 1555–1689 // Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. – L.; N. Y., 1988a. – P. 70–103.
- Huttenbach H.* Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrachan, 1552–1556. The Conquest of the Volga: Prelude to Empire // Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. – L.; N. Y.: Mansell Publishing Ltd, 1988b.
- Ides E.I.* Dreyjährige Reise Nach China von Moscau. – Franckfurt, 1707.
- Jefferson L.R.* Roughing It in Siberia. London: Sampson Low, Mapston St. Dunstan's House, 1897.
- Jensen R.J.* The Alaska Purchase and Russian-American Relations. – Seattle: Univ. of Washington Press, 1975.
- Joyeux F.* Der Transitweg von Moskau nach Daurien: sibirische Transport- und Verkehrsprobleme im 17. Jahrhundert. – Köln: Univ. zu Köln, 1981.
- Judge E.H.* Peasant Resettlement and Social Control in Late Imperial Russia // Modernization and Revolution. Dilemma of Progress in Late Imperial Russia / ed. by E.H. Judge, J.Y. Simms, jr. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1992. – P. 75–93.
- Kan S.* Memory Eternal: Orthodox Christianity and the Tlingit Mortuary Complex // Arctic Anthropology. – 1987. – Vol. 24, N 1. – P. 32–55.
- Kashevaroff A.P.* Fort Ross: An Account of Russian Settlement // Alaska Magazine. – 1927. – Vol. 1. – P. 235–242.
- Kazmer D.R.* The Agricultural Development of Siberia, 1890–1917 : Unpublished PhD dissertation. – MIT, 1973.
- Kazmer D.R.* Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // American Economic Review. – 1977. – Vol. 67, N 1. – P. 429–432.
- Kelly R.* The Fur Siberian Trade with Countries of the East (the end of the XVII and the beginning of the XVIII centuries) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. – М.; Иркутск, 1987. – Ч. 2. – С. 186–192.
- Kennan G.* Siberia and the exile system. – N. Y.: The Century Co., 1891.
- Kennan G.* Tent Life in Siberia: A New Account of an Old Undertaking: Adventures among the Koryaks and other Tribes in Kamchatka and Northern Asia. – Charleston, SC: BiblioBazar, 2006.
- Kerner R.J.* The Social Beginnings of the Czechoslovak Republic // The Survey [Prague]. – 1919. – 29 Nov. – Vol. 43 (6).

- Kerner R.J.* Austrian Plans for a Balkan Settlement (1915–1916) // The New Europe. – 1920. – 16, 30 Sept.
- Kerner R.J.* Austro-Hungarian War Aims in the Winter of 1915–16 as Revealed by Secret Documents // Journal of International Relations. – 1920 (April). – Vol. 10 (4).
- Kerner R.J.* Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations // Papers of the Bibliographical Society of America. – N. Y., 1931. – Vol. 23.
- Kerner R.J.* Northeastern Asia: a selected bibliography / contributions to the bibliography of the relations of China, Russia and Japan, with special reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia, in oriental and European languages: 2 vols. – Berkeley: Univ. of California Press, 1939.
- Kerner R.J.* The Urge to the Sea. – Berkeley: Univ. of California Press, 1942.
- Kerner R.J.* The Urge to the Sea: The Course of Russian History – The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1946.
- Kerttula A.M.* Antler on the Sea: The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2000.
- Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 2002.
- King A.D.* The Siberian Studies Manifesto // Sibirica. – 2006 (Spring). – Vol. 5, N 1.
- King A.D.* Living with Koryak Traditions: Playing with Culture in Siberia. – Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2011.
- Kirchner W.* Samuel Bentham and Siberia // The Slavonic and East European Review. – 1958 (June). – Vol. 36, N 87. – P. 471–480.
- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom. The Land and its Meanings in Seventeenth Century Russia. – Ithaca, 2006.
- Kivelson V.* Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. – L.; N. Y.: Routledge, 2007. – P. 21–40.
- Klein Jos.* Der Sibirische Pelzhandel Und Seine Bedeutung Für Die Eroberung Sibiriens. – Bonn, 1906.
- Knight N.* Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia: Ph. diss. – Columbia Univ., 1994.

- Kobtzeff O.* Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // *Sibirica* II. – Lancaster Univ., 1986. – N 2. – P. 6–15.
- Kolarz W.* Russia and Her Colonies. – L.: Philip, 1953.
- Kolarz W.* The Peoples of the Soviet Far East. – N. Y.: Frederick A. Prager, 1954.
- Kolz A.* British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918–1920 // *Journal of Modern History*. – 1976. – Vol. 37, N 3. – P. 483–491.
- Kotkin S.* Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // *Acta Slavica Iaponica*. – 1997. – Vol. 15. – P. 93–113.
- Krahmer G.* Sibirien und die grosse sibirische Eisenbahn. – Leipzig: Zuckerschwerdt, 1897.
- Krausse A.* The Far East. Its History and Its Question. – L.: Grant Richards, 1899.
- Krausse A.* Russia in Asia. A Record and a Study. 1558–1899. – L.: Grant Richards, 1900.
- Krypton C.* The Northern Sea Route. Its Place in Russian Economic History before 1917. – N. Y.: Research Program on the U.S.S.R., 1953.
- Küntzel-Witt K.* Sibirien in der Historiographie des 18. Jahrhunderts. [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/3_1.html (дата обращения: 25.12.2012).
- Kumke C.* Führer und Geführte bei den Zaporoger Kosaken: Struktur und Geführte kosakischer Verbände im polnisch-litauischen Grenzland (1550–1648). – Wiesbaden: Harrassowitz, 1993.
- Kusber J.* Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. – 2008. – Vol. 4. – P. 52–74.
- Kusber J.* Rec. ad op.: Claudia Weiss. Wie Sibirien unser wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und Ihr Einfluss auf die Bilder Und vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhok und Ruprecht 2007 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – Neue Folge. – 2009. – Bd. 57, H. 2. – S. 277–278.
- Lantzeff G.V.* Siberia in the Seventeenth Century. A Study of the Colonial Administration. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California, 1943.
- Lantzeff G.V.* Russian Expansion Eastward Before the Mongol Invasion // *The American Slavic and East European Review*. – 1947. – Vol. 6, N 18/19. – P. 1–10.
- Lantzeff G.V., Pierce R.A.* Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. – Montreal; London: McGill-Queen's Univ. Press, 1973.

- Lattimore O.* Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion // *The Journal of Economic History*. – 1947 (May). – Vol.7, Is. 1.
- Le Donne J.* The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1997.
- Lensen G.A.* Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in the Northern Japan. – Hakodate: McGill-Queen's Univ. Press, 1954.
- Lensen G.A.* The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1959.
- Lensen G.A.* Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. (From 1874 to 1968). – Tokyo: Sophia Univ. Press, 1968.
- Lessner E.* Cradle of Conquerors: Siberia. – N. Y.: Doubleday, 1955.
- Lethbride A.* The New Russia. From the White Sea to the Siberian Steppe. – N. Y.: E.P. Dutton, 1915.
- Lieven D.* The Russian Empire and its Rivals. – L., 2000.
- Lin T.C.* The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860 // *Pacific Historical Review*. – 1934. – Vol. 3, N 1. – P. 1–27.
- Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. – London: Random House, 1994.
- Lobanov-Rostovsky A.* Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character // *Slavonic and East European Review*. – 1929–1930. – Vol. 8.
- Lobanov-Rostovsky A.* Russia in Asia. – N. Y.: Macmillan, 1933.
- Lobanov-Rostovsky A.* Russia in Asia. – 2nd ed. – Ann Arbor: The George Wahr. Publishing Company, 1951.
- Lobanov-Rostovsky A.* Russian Expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis // *The frontier in perspective* / ed. by W.D. Wyman, C.B. Kroeger. – Madison, Wisconsin, 1965. – P. 79–94.
- Lockwood D.* Europe in the Asia-Pacific: the Russian Far East faces its future // *Europe in the Asia-Pacific: culture, identity and representations of region* / ed. by Stephanie Lawson. – RoutledgeCurzon, 2003.
- Longworth Ph.* The Cossacks. – L.: Cantable, 1969.
- Lonsdale R.E.* Siberian industry before 1917: the example of Tomsk guberniya // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1963. – Vol. 53. – P. 479–493.
- Luehrmann S.* Alutiq Villages Under Russian and U.S. Rule. – Fairbanks: Univ. of Alaska Press, 2008.
- Lynch G.* The Path of Empire. – L.: Duckworth & Co., 1903.
- Mackenzie D.* The Conquest and Administration of Turkestan, 1860–85 // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. by M. Rywkin. – London; N. Y.: Mansell Publishing Ltd, 1988. – P. 208–234.

- Malozemoff A.* Russian Far Eastern Policy, 1881–1904, with Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. – Berkeley: Univ. of California Press, 1958.
- Manning C.* The Siberian Fiasco. – N. Y.: Mansell Publishing Ltd, 1952.
- Marks S.* Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. – Ithaca (N. Y.): Cornell Univ. Press, 1991.
- Marks S.G.* Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / ed. by S. Kotkin and D.A. Wolff. – N. Y.; L.: M.E. Sharpe, 1995. – P. 23–39.
- Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1860–1917 // Routledge Studies in the History of Russia and Eastern Europe. – L.: Routledge, 2006.
- Matthes E.* Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18 Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. – Frankfurt am Main: Lang, 1981.
- Mazour A.G.* Women in exile: wives of the Decembrists. – Tallahassee, Florida: Diplomatic Press, 1975.
- McCannon J.* Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1998.
- McNeal R.H.* Tsar and Cossack. 1855–1914. – L.: The Macmillan Press, Ltd., 1987.
- Mellor R.* The Soviet Union and its Geographical Problems. – L.: Macmillan, 1982.
- Merivale H.* Lectures on Colonization and Colonies, Delivered before the University of Oxford in 1839, 1840, and 1841 (reprinted in 1861 by Herman Merivale). – L., 1928.
- Michels G.B.* Myths and Realities of the Russian Schism: The Church and Its Dissenters in Seventeenth Century Muscovy: unpublished PhD. dissertation. – Harvard Univ., 1991.
- Michels G.B.* At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth Century Russia. – Stanford, California: Stanford California Press, 1999.
- Mills W.J.* Exploring Polar Frontiers: A Historical Encyclopedia: 2 vols. – Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2003.
- Mirsky J.* To the Arctic! – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1948.
- Mohrenschildt D., von.* Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. – Rutherford; London; Toronto, 1981.
- Moon D.* Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897 // Historical Journal. – 1997. – Vol. 40, N 4.

- Mosely P., Malia M., Chamberlin W.H., Mohrenschildt D., von.* Michael Karpovich, 1888–1959 // *Russian Review*. – 1960. – Vol. 19, N 1.
- Mote V.* The Cheliabinsk Grain Tariff and the Rise of the Siberian Butter Industry // *Slavic Review*. – 1976. – Vol. 35, N 2.
- Mote V.* *Siberia: Worlds Apart*. – Boulder: Westview Press, 1998.
- Mousalimas S.A.* *The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska*. – Oxford: Berghahn Books, 1995.
- Mühlpfordt G.* *Halle-Leipziger Aufklärung. Kernstück der Mitteldeutsche Aufklärung*. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 2001.
- Müller G.F.* *Sammlung Russischer Geschichte*. – St. Petersburg, 1752.
- Müller G.F.* *Sibirische Geschichte*. – St. Petersburg, 1761–1763.
- Müller G.F.* *Sammlung russischer Geschichte des Herrn Collegienraths Müllers in Moscau. In einer mehr natürlichen Ordnung vorgetragen als in der ersten Herausgabe geschehen konnte*. – Offenbach am Main, 1777–1779.
- Müller W.* *Jermak und seine Genossen, oder die Eroberung von Sibirien. Geschichtliches Sagengemälde*. – Berlin, 1843.
- Nansen F.* *Farthest North*. – Westminster: Archibald Constable and Co., 1897.
- Naumov I.V.* *The History of Siberia* / ed. by D. Collins // *Routledge Studies in the History of Russia and Eastern Europe*. – L.: Routledge, 2009.
- Nordenskioeld A.E.* *The Voyage of the Vega Around Asia and Europe*. – L.: Macmillan and Co., 1881.
- North R.* *Transport in Western Siberia. Tsarist and Soviet Development*. – Vancouver, Canada: Univ. of British Columbia Press and Centre for Transportation Studies, 1979.
- Ogden A.* *Russian Sea – Otter and Seal Hunting on the Californian Coast, 1803–1841* // *The Russians in California*. – San Francisco, 1933. – P. 29–59.
- Paert I.* *Old Believers: Religious Dissent and Gender in Russia, 1760–1850*. – Manchester; N. Y.: Manchester Univ. Press, 2003.
- Pallas P.S.* *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*. – St. Petersburg, 1771–1801.
- Pallas P.S.* *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*. – St. Petersburg, 1773–1776.
- Pallot J., Shaw D.J.B.* *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613–1917*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1990.
- Pantenius Th.H.* *Geschichte Russlands von der Entstehung des russischen Reiches bis zur Gegenwart*. – Leipzig, 1908.
- Papmehl K.A.* *The regimental school established in Siberia by Samuel Bentham* // *Canadian Slavonic Papers*. – 1966. – Vol. 8. – P. 153–168.

- Pares B.* A History of Russia. – Washington, 1945.
- Pearson M.* History of SSEES: The Political Dimension // The Slavonic and East European Review. – 1993 (Apr.). – Vol. 71, N 2.
- Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. – L.; N. Y.: Routledge, 2007.
- Perdue P.* Military Mobilization in Seventeenth and Eighteenth Century China, Russia and Mongolia // Modern Asian Studies. – Cambridge; N. Y., 1996. – Vol. 30, Pt. 4.
- Pereira N.G.O.* Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. – 1988 (March). – Vol. 30, N 1. – P. 112–133.
- Pierce R.A.* M.Z. Vinokouroff: Profile of a Russian Emigre, Scholar and Bibliophile // Vinokouroff M.Z. A Profile and Inventory of His Papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library. – Juneau, Alaska, 1986.
- Pilder H.* Die Russisch-Amerikanische Handels-Kompanie bis 1825. – Berlin, 1914.
- Pipes R.* Russia under the Old Regime. – N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1974.
- Polansky P.* Pacific Rim Librarianship: Collectors of Russian Materials on the Far East // Indiana Slavic Studies. – 2006. – Vol. 16.
- Polansky P.* Who created us? Faculty, book dealers and Russian libraries that shaped the UH Russian Collection. – URL: http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/handle/10125/1527/HARRYSEEIR_r.pdf?sequence=1 (дата обращения: 25.12.2012).
- Poppe N.* The Economic and Cultural Development of Siberia // Russia Enters the Twentieth Century 1894–1917 / ed. by G. Katkov, E. Oberländer. – L.: Temple Smith, 1971.
- Price M.* Siberia. – L.: Methuen, 1912.
- Purchas S.* Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes, Contayning a History of the World, in Sea Voyages, & Lande Travels, by Englishmen and others. – L., 1625.
- Quisted R.K.I.* The expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. – Univ. of Malaya Press, 1968.
- Raeff M.* Siberia and the Reforms of 1822. – Seattle: Univ. of Washington Press, 1956.
- Randall F.B.* N.G. Chernyshevsky. – N. Y.: Twayne, 1967.
- Ravenstein E.* Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. – L.: Charles Scribner's Sons, 1861.
- Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / ed. by S. Kotkin, D.A. Wolff. – N. Y.; L.: M.E. Sharpe, 1995.

- Reid A.* The Shaman's Coat: A Native History of Siberia. – L.: Weidenfeld & Nicolson, 2002.
- Rich E.E.* Russia and the Colonial Fur Trade // The Economic History Review. – 2nd. – 1955. Ser. 7. – P. 307–328.
- Robel G.* Die Sibirienkarten Johann Philipp Strahlenbergs // Nordost-Archiv. – 1979. – N 54/55.
- Robel G.* Der Wandel des deutschen Sibirienbildes im 18 Jahrhundert // Canadian – American Slavic Studies. – 1980. – Vol. 14. – P. 406–426.
- Robel G.* Berichte über Rußlandreisen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht / Keller M. (Hg.). – München: Fink, 1987a.
- Robel G.* Die Sibirienexpedition und das deutsche Rußlandbild im 18. Jahrhundert // Wissenschaftspolitik in Mittel und Osteuropa / Amburger E. (Hg.). – Essen: Verlag Hobing, 1987b.
- Robel G.* Bemerkungen zu deutschen Reisebeschreibungen über das Rußland der Epoche Katharinas II // Robel G. (Hg.) Europäische Reisen im Zeitalter der Aufklärung. – Heidelberg: Winter, 1992.
- Roberts I.W.* The School of Slavonic and East European Studies, 1915–1990. – L.: SSEES, Univ. of London, 1991.
- Robinson G.T.* Rural Russia Under the Old Regime. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1972.
- Robinson Ph.E.* Siberia: postmarks and postal history of the empire period. – Sheffield, 1990.
- Robson R.R.* An Architecture of Change: Old Believer Liturgical Spaces in Late Imperial Russia // Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia / ed. by S.K. Batalden. – DeKalb: The Northern Illinois Univ. Press, 1991. – P. 160–187.
- Rowney D.K.* Imperial Power and Development : Papers on Pre-revolutionary Russian History. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies. – Columbus, Ohio: Slavica publ., 1990.
- Rudenko O.* Russia in the Pacific Basin // Journal of the West. – 1976. – Vol. 15, N 83. – P. 49–64.
- Russian America: The Forgotten Frontier / ed. by B.S. Smith and R.J. Barnett. – Washington: Washington State Historical Society, 1990.
- Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. – L.; N. Y.: Mansell Publishing Ltd., 1988.
- Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution / ed. by T. Hunszak. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers Univ. Press, 1974.
- Russland, der Ferne Osten und die «Deutschen» / Duchhardt Heinz (Hg.). – Göttingen, 2009.
- Salisbury H.* War Between Russia and China. – N. Y.: Bantam Books, 1969.

- Sarkisyantz E.* Russian Imperialism Reconsidered // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution / ed. by T. Hunszak. – New Brunswick; New Jersey: Rutgers Univ. Press, 1974.
- Saul N.* An American's Siberian Dream // Russian Review. – 1978. – Vol. 37, N 4. – P. 405–420.
- Schleussinger G.* Neu-Entdecktes Sibirien, oder Siewerien, wie es anitzo mit allen Staedten und flecken angebauet ist, etc. – Jena, 1690.
- Schleussinger F.G.* Neu-entdecktes Sieweria, worinnen die Zobel gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet, ist nebst desselbigen Landes abgefasseter Charta etc. – Dantzig, 1692.
- Schottenstein I.M.* The Russian conquest of Kamchatka, 1697–1731: PhD thesis, Univ. of Wisconsin. – Madison, 1969.
- Seaton A.* The horsemen of the steppes: the story of the Cossacks. – L.: Bodley Head, 1987.
- Semjonow Y.* Die Eroberung Sibiriens, Ein Epos menschlicher Leidenschaften, Der Roman eines Landes. – Berlin: Deutcher Verlag, 1937.
- Semjonow Y.* The Conquest of Siberia: an Epic of Human Passions. – L.: G. Routledge & Sons Ltd., 1944.
- Semjonow Y.* Siberia: Its Conquest and Development. – Baltimore: Helicon Press, 1963.
- Semjonow J.* Sibirien. Eroberung und Erschließung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Ostens. Olten; Stuttgart; Salzburg: Fackelverlag, 1964.
- Shapiro D.M.* A Select Bibliography of Works in English on Russian History: 1801–1917. – Oxford: Univ. Press, 1962. – 106 p.
- Shillinglaw J.J.* A Narrative of Arctic Discovery: from the Earliest Period to the Present Time, with the details of the measures adopted by her Majesty's Government for the Relief of the Expedition under Sir John Franklin. – L., 1850.
- Shimkin D.B.* Rec. ad op.: Marc Raeff. Siberia and the Reforms of 1822 (Univ. of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: Univ. of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices) // American Anthropologist. – 1958. – Vol. 60, N 1.
- Simmonds P.L.* The Arctic Regions and Polar Discoveries During the Nineteenth Century. – L.: Routledge, 1875.
- Slezkine Y.* Russia and Small Peoples of the North: Arctic Mirrors. – Ithaka; London: Cornell Univ. Press, 1994.
- Sokol A.* Russian Expansion and Exploration in the Pacific // The American Slav and East European Review. – 1952. – N 2.
- Spiru B.* Ostforscher-Ostfälscher-Ostfahrer // Jahrbuch Für Geschichte der UdSSR und Der Volksdemokratischen Länder Europas. – 1959 – Bd. 3.

- Ssorin-Chaikov N.* The Social Life of the State in Subarctic Siberia. – Stanford, 2003.
- Stadtmüller G.* Geschichtliche Ostkunde. München; Stuttgart: Bogen-Verlag, 1963.
- Starkloff C.F.* Rec. ad op.: Grim J.A. The Shaman: Patterns of Siberian and Ojibway Healing. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1983 // *Sociology of Religion: A Quarterly Review*. – 1984 (Winter). – Vol. 45. – Issue 4. – P. 40.
- Stebelsky I.* The frontier in Central Asia // *Studies in Russian Historical Geography* / ed. by J. Batter, R. French. – L., 1983. – P. 144–173.
- Stebelsky I.* Ukrainian peasant colonization east of the Urals, 1896–1914 // *Soviet Geography*. – 1984 (Nov.). – Vol. 25, N 9. – P. 681–694.
- Stebelsky I.* Ukrainian Migration to Siberia Before 1917: The Process and Problems of Losses and Survival Rates' // *Ukrainian Past, Ukrainian Present* / ed. by B. Krawchenko. – L.: Macmillan, 1993. – P. 55–69.
- Stefansson V.* The Adventure of Wrangel Island. – N. Y.: Macmillan, 1925.
- Steinwedel Ch.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. – L.; N. Y.: Routledge, 2007. – P. 128–147.
- Steller G.W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. – Frankfurt; Leipzig, 1774.
- Steller G.W.* G.W. Steller's Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitteen Bering: ein Pendant zu dessen Beschreibung von Kamtschatka. – St. Petersburg, 1793.
- Stephan J.* The Crimean War in the Far East // *Modern Asian Studies*. – 1969. – Vol. 3. – P. 257–277.
- Stephan J.* Sakhalin. A History. – Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Stephan J.* The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. – Oxford: Clarendon Press, 1974.
- Stephan J.* The Russian Far East: a history. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1994.
- Stewart J.* Siberia's lake Baikal: Aspects of its History, Economy and Ecology // *Asian Affairs*. – 1976. – Vol. 63. Pt. 2.
- Stewart J.* The British in Siberia: 1581–1978 // *Asian Affairs*. – 1979. – Vol. 10, Pt. 2. – P. 132–143.
- Stewart J.M.* Britain's Siberian Connection // *Stewart J., Wood A. Siberia. Two Historical Perspectives*. – L., 1984a.
- Stewart J.M.* Early Travelers, Explorers and Naturalists in Siberia // *Asian Affairs*. – 1984b. – Vol. 15, N 1.

- Stöckl G.* Die Entstehung des Kosakentums. – München: Isar Verlag, 1953.
- Stolberg E.-M.* Interracial Outposts in Siberia: Nerchinsk, Kiakhtha, and the Russo-Chinese Trade in the Seventeenth/Eighteenth Centuries // *Journal of Early Modern History*. – 2000. – Vol. 4. – S. 322–336.
- Stolberg E.-M.* Sibirien – Russlands «Wilder Osten». Mythos und soziale Realität im 19 und 20. Jahrhundert. – Stuttgart: Steiner, 2009.
- Stolberg E.-M.* Rec. ad op.: Russland, der Ferne Osten und die «Deutschen» / Heinz Duchhardt (Hg.). 2009 // *Sehepunkte: Rezensionenjournal fuer die Geschichtswissenschaften* – Ausgabe. – 2010. – Vol. 10, N 5. – URL: <http://www.sehepunkte.de/2010/05/17698.html> (дата обращения: 25.07.2013).
- Stone G.* Slavonic Studies at Oxford: a brief history. – URL: http://www.modlangs.ox.ac.uk/files/docs/russian/slavonic_studies.pdf (дата обращения: 25.12.2012).
- Strahlenberg P.J., von.* Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiff, in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwey-und-dreyszigerley Arten tartarischer Voelker Sprachen und einem kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Laendern und anderen verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatische Scythische Antiquitaet betreffen; bey Gelegenheit der schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in russland aus eigener sorgfaeltigen Erkundigung auf denen verstateteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefer-tiget. – Stockholm, 1730.
- Stuch S.* Regionalismus in Sibirien im frühen 20 Jahrhundert. – Köln: Universität zu Köln, 2003.
- Sullivan J.L.* Count N.N. Muraviev-Amursky: PhD thesis. – Harvard Univ., Cambridge (Massachusetts), 1955.
- Sullivan J.L.* Decembrists in exile // *Harvard Slavic Papers*. – 1957. – Vol. 4. – P. 93–106.
- Sumner B.H.* Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. Raleigh Lecture on History, British Academy, 1940. – L.: Humphrey Milford, 1940.
- Sumner B.H.* A Short History of Russia. – N. Y.: Harcourt, Brace, 1949.
- Sunderland W.* The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2000. – Neue Folge. Bd. 48, H. 2. – S. 210–232.

- Sunderland W.* Empire without imperialism? Ambiguities of colonization in Tsarist Russia // *Ab Imperio*. – 2003. – N 2.
- Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2004.
- Sunderland W.* Imperial Space: Territorial Space and Practice in the Eighteenth Century // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / ed. by Jane Burbank, Mark von Hagen, Anatolyi Remnev. – Bloomington, 2007.
- The Development of Siberia: People and Resources / ed. by A. Wood, R. French. – L.: Macmillan, 1989.
- The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. – L; N. Y.: Routledge, 1991.
- The Russians in California. – San Francisco, 1933.
- The Significance of Sections in American History. – N. Y.: Henry Holt and Co., 1932.
- Thomas B.P.* Russo-American Relations, 1815–1867. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1930.
- Thomas J.* The Institute of Pacific Relations, Asian Scholars and American Politics. – Seattle: Univ. of Washington Press, 1974.
- Thomas L.* Geschichte Sibiriens von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Akademie-Verlag, Berlin, 1982.
- Thompson S.* Russia's tea traders: a neglected segment of a still neglected entrepreneurial class // *Renaissance and Modern Studies*. – 1980. – Vol. 24. – P. 131–163.
- Tillet L.* The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina, 1969.
- Tompkins R.* Alaska, Promyshlennik and Sourdough. – Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1945.
- Transehe N.A.* The Siberian Sea Road: the Work of the Russian Hydrographical Expedition to the Arctic, 1910–1915 // *Geographical Review*. – 1925 (Jul.). – Vol. 15, N 3.
- Treadgold D.* Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // *Agricultural History*. – 1952 (October). – Vol. 26, N 4.
- Treadgold D.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. – Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1957.
- Tupper H.* To the Great Ocean: Siberia and the Trans-Siberian Railway. – Boston: The John Hopkins Press, 1965.
- Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History, Report of the American Historical Association for 1893. – Washington, 1893.

- Urness C.L.* Bering's First Expedition: A Re-examination Based on Eighteenth-Century Books, Maps, and Manuscripts. – N. Y.: Garland Pub., 1987.
- Urness C.* Captain-Commander Vitus Bering // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact / ed. by O.W. Frost. – Anchorage, Alaska: Alaska Historical Society, 1992.
- Uspensky B.A.* The Schism and Cultural Conflict in the Seventeenth Century // Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia / ed. by S.K. Batalden. – DeKalb: The Northern Illinois Univ. Press, 1991.
- Van Densen K.* Singing Story, Healing Drum: Shamans and Storytellers of Turkic Siberia. – Montreal and Kingston: McGill-Queen's Univ. Press, 2004.
- Vernadsky G.* A History of Russia. – New Haven: Yale Univ. Press, 1954.
- Vernadsky G.* A History of Russia. – N. Y., 1961.
- Vinkovetsky I.* Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. – N. Y.; Oxford, U.K.: Oxford Univ. Press, 2011.
- Vinogradoff E.* The Russian Peasantry and the Elections to the Fourth State Duma // The Politics of Rural Russia, 1905–1914. – Bloomington (Ind.); London, 1979.
- Vinokourov M.Z.* A Profile and Inventory of His Papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library. – Juneau, Alaska, 1986.
- Vucinich W.S.* Russia and Asia: Essays of the Influence of Russia on the Asian Peoples. – Stanford, 1972.
- Wakefield E.G.* A View of the Art of Colonization in Present Reference to the British Empire in Letters between the Statesman and a Colonist. – N. Y.: Augustus M. Kelley, 1969.
- Watrous S.D.* Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894: PhD. thesis. – Seattle: Univ. of Washington, 1970.
- Watrous S.D.* Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. – N. Y.: St.Martin's Press, 1993. – S. 113–132.
- Wcislo F.W.* Tales of Imperial Russia: The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915. – Oxford Univ. Press, 2011.
- Weiss C.* «Nash», Appropriating Siberia for the Russian Empire // Nationalities Papers. – 2007a. – Vol. 35, N 3. – P. 141–155.
- Weiss C.* Representing the Empire: The Meaning of Siberia for Russian Imperial Identity // Nationalities Papers. – 2007b. – Vol. 35, N 3. – P. 439–455.

- Weiss C.* Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert. – Göttingen: V&R unipress, 2007c.
- Westwood J.N.* A History of Russian Railways. – L.: G. Allen and Unwin, 1964.
- Wheeler M.* The Russian American Company and the Imperial Government: Early Phase // Russia's American Colony. – Durham: V&R unipress, 1987.
- White C.M.* Russia and America: The Roots of Economic Divergence. – L.: Croom Helm, 1987.
- White J.A.* Rec. ad op.: Quested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. (N. Y.: Oxford Univ. Press, 1968) // The Journal of Asian Studies. – 1969 (Nov.). – Vol. 29. – P. 164–165.
- White J.A.* The Siberian Intervention. – Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1950.
- White J.A.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. – Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1964.
- White J.A.* Transition to Global Rivalry: Alliance Diplomacy and the Quadruple Entente, 1895–1907. – Cambridge; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Whiting A.S.* Siberian Development and East Asia: Threat or Promise Hardcover. – Stanford, 1981.
- Whittingham B.* Notes on the late expedition against the Russian settlements in Eastern Siberia, and of a visit to Japan and to the shores of Tartary, and of the Sea of Okhots. – L., 1856.
- Widmer E.* The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the 18th cent. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1976.
- Wiedenfeld Kurt.* Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. – Berlin: Springer, 1900.
- Wieczynski J.L.* The Russian frontier: the impact of borderlands upon the course of early Russian history. – Charlottesville (Virginia), 1976.
- Williams D.S.M.* The Mongolian mission of the London Missionary Society // Slavonic and East European Review. – 1978 (July). – Vol. 56, N 3. – P. 329–345.
- Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. – Berlin: Akademie-Verlag, 1953.
- Witsen N.* Noord-en-Oost Tartaryen. – Amsterdam, 1692.
- Witzenrath C.* Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725: Manipulation, Rebellion and Expansion into Siberia. – L.; N. Y.: Routledge, 2007.

- Wood A.* Siberian exile in tsarist Russia // *History today*. – 1980. – Vol. 30. September. – P. 19–24.
- Wood A.* Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // *Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert* / ed. by Roger Bartlett. – Keele, 1984. – P. 42–66.
- Wood A.* Siberia: Problems and Prospects for Regional Development. – L.: Croom Helm, 1987.
- Wood A.* Avvakum's Siberian Exile, 1653–1664 // *The Development of Siberia: People and Resources* / ed. by A. Wood, R. French. – L., 1989a.
- Wood A.* The Siberian Criminals' Commune // *Sibirica* IV. – 1989b.
- Wood A.* Siberian Exile in the XVIII c. // *Sibirica*. – 1990 (Summer). – Vol. 1, N 1.
- Wood A.* Introduction: the Role of Siberia in Russian History // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. – L.: Routledge, 1991a. – P. 1–15.
- Wood A.* Russian «Wild East»: Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution* / ed. by A. Wood. – L.: Routledge, 1991b.
- Wood A.* Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. – London; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2011.
- Wright G.F.* Asiatic Russia. – L.: Eveleigh Nash; N. Y.: McClure, Phillips, 1903.
- Yakhontoff V.A.* Russia and the Soviet Union in the Far East. – N. Y.: Coward-McCann, Inc., 1931.
- Yakhontoff V.A.* Russian Empire and the Soviet Union in the Far East // *The American Russian Institute for Cultural Relations, Inc. Special publication*, N 3. – N. Y., 1936.
- Zalewski W.* Collectors and Collections of Slavica at Stanford Univ.: A Contribution to the History of American Academic Libraries. – Stanford: Stanford Univ. Libraries, 1985.
- Zepelin C., von.* Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege // *Russland in Asien* Bd. VIII, IX, XI. – Berlin, 1907–1911. – S. 6–13.
- Znamenski A.A.* Siberian History in Russian and Native Dimensions // *Russian Review*. – 1995. – Vol. 54, N 2.
- Znamenski A.A.* Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1999.

-
- Znamenski A.A. Shamanism in Siberia: Russian Records of Indigenous Spirituality.* – Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Znamenski A.A. The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination.* – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007a.
- Znamenski A.A. The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878 // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland.* – L.; N. Y.: Routledge, 2007b. – P. 106–127.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СИБИРИ АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI вв.	28
1.1. Организация исследовательской работы и центры изучения сибирской истории	–
1.2. Источниковая база исследований	53
1.3. Основные теоретико-методологические подходы	69
Глава 2. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-СИБИРЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	102
2.1. Присоединение Сибири к России	–
2.2. Проблемы социально-экономического развития Сибири в XVII – XIX вв.	121
2.3. Власть и общество в Сибири: проблемы истории управления, общественно-политического, конфессионального и культурного развития	147
2.4. Проблемы русско-аборигенных отношений	175
2.5. Освоение Дальнего Востока, Северо-Тихоокеанского региона и Русской Америки	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	243

Научное издание

Ананьев Денис Анатольевич

**ИСТОРИЯ СИБИРИ
КОНЦА XVI–XIX вв.
В АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Редактор *В.И. Смирнова*
Дизайн обложки *А.А. Заостровский*
Оператор электронной верстки *Е.Н. Зими́на*

Подписано в печать 11.12.2012. Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 300 экз. Заказ № 511.

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
E-mail: psb@sibran.ru
тел. (383) 330-80-50
Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
<http://www.sibran.ru>